

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

1/2022

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2022**Ежеквартальное издание****№ 1**

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории
и политике» при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceool.com

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории
и политике» при ИвГУ, 2022

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2022

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2022

Quarterly

№ 1

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),
Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Scientific and Educational Center “Intelligentsia and Intellectuals
in World and National History and Politics” of Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics”
of Ivanovo State University, 2022
© Ivanovo State University, 2022

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный университет
- А. В. Репников** Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибирияков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный университет

Editorial Council:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Евсеев В. А.* Феномен кофейни — инновационная форма досуга лондонского образованного общества эпохи поздних Стюартов или?.. 9

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Трушкова И. Ю.* Модели повседневного поведения интеллигенции в период первой волны пандемии COVID-19 (на примере Кировской области) 31
- Анисимова А. П., Точенов С. В.* Российско-израильские отношения в 2000—2021 гг.: сотрудничество в области культуры, науки и образования 45

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Кареев Д. В.* Аммиан Марцеллин и платоновский интеллектуализм: история и философия в поздней Римской Империи IV века 73
- Сорокин Н. Д.* Винсент д'Абернон и франко-британская военно-дипломатическая миссия в Польше (1920 г.) 100
- Польвянный Д. И.* Художник Федор Каурцев: долгое возвращение в Палех 127

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Красницкая Т. А.* Безмерно преданы: о просветительской деятельности церковной интеллигенции российской провинции в последней четверти XIX — начале XX в. 152

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Юрков С. Е.* Этизация правовых норм: к проблеме эффективности современной судебной системы.
Рец. на кн.: Большаков Е. В., Назаров И. Д.
Этические аспекты правосудия (философско-правовое исследование): монография. Иваново:
Иван. изд. дом, 2021. 172 с. 174

АВ MEMORIAM

- Варлен Львович Соскин (1925—2021) 182**
- Человек большого стиля
(памяти Валерия Петровича Ракова (1936—2021)) 187**
- Информация для авторов 192*

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Evseev V. A.* The phenomenon of the coffee house —
an innovative form of leisure of London’s educated society
of the late Stuart era or?.. 9

INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

- Trushkova I. Yu.* Everyday behavioral models
of the intelligentsia during the first wave of COVID-19
pandemic (on the example of the Kirov region) 31
- Anisimova A. P., Tochenov S. V.* Russian-Israeli relations
in 2000—2021: cooperation in the field of culture, science
and educations 45

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kareev D. V.* Ammianus Marcellinus and Plato’s
Intellectualism: History and Philosophy in the Late
Fourth-Century Roman Empire 73
- Sorokin N. D.* Vincent d’Abernon and the Franco-British
Military-diplomatic Mission in Poland (1920) 100
- Polyvyanny D. I.* Artist Fyodor Kaurtsev:
Long Return to Palekh 127

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Krasnitskaya T. A.* Immensely devoted: on the educational activities of the church intelligentsia of the Russian province in the last quarter of the XIX — early XX century 152

READING AND DISCUSSION

- Yurkov S. E.* Ethization of legal standards:
to the problem of efficiency of the modern judicial sistem.
Review on the book: Bolshakov E. V., Nazarov I. D.
Ethical aspects of justice (philosophical and legal research),
Ivanovo: Ivanovo publishing house, 2021. 172 p. 174

AB MEMORIAM

- Varlen Lvovich Soskin (1925—2021) 182**
Man of great style
(in memory of Valery Petrovich Rakov (1936—2021)) 187
Information for authors 192

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 9—30.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 9—30.

Научная статья

УДК 94(410) “1660-1714”

DOI: 10.46725/IW.2022.1.1

ФЕНОМЕН КОФЕЙНИ — ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ДОСУГА ЛОНДОНСКОГО ОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ПОЗДНИХ СТЮАРТОВ ИЛИ?..

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет,

Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>

Аннотация. Отдых и развлечения всегда были важной частью повседневной жизни человека. Вторая половина XVII века внесла в привычный образ времяпрепровождения городского жителя Англии, а в первую очередь столичного, значительные изменения, неразрывно связанные с дальнейшим ростом их благосостояния, которое можно было тратить и на новые виды досуга. Этому аспекту эволюции вида отдыха способствовал и тот факт, что с началом Реставрации ослабевает строгий пуританский надзор за сферой отдыха и развлечений. Пионерами же в новых направлениях сферы досуга становится придворная знать и лондонская городская элита. В правление поздних Стюартов происходит известная трансформация в формах отдыха и развлечений по сравнению

с временами Шекспира. Феномен появления кофеен свидетельствует о возникновении новой эстетики досуга зажиточных и образованных социальных слоев столичного общества Англии эпохи поздних Стюартов. Кофейни этого времени служат примером того, что происходил процесс рационализации досуга, т. е. свободное времяпрепровождение англичанина приобретает практический смысл, тесно переплетаясь с его эстетическими ценностями и профессиональными интересами. Досуг в кофейнях становится частью делового этикета предпринимательских кругов Сити, которые собирались в кофейнях «Ллойд», «Гарвей» и «Джонатан», находившихся рядом с Королевской биржей. Литературная элита столицы собиралась в кофейнях «Уиллс» и «Кнопка», а художественная богема — в «Слаутере». Кофейни стали новым видом досуга с более высокими эстетическими запросами для их посетителей и соответствующими правилами поведения. Однако дух меркантилизма и рационализма, который процветал в эту эпоху, приводил к тому, что часть посетителей этих заведений совмещала досуг и профессиональную деятельность.

Ключевые слова: новый вид досуга, кофейни, эпоха поздних Стюартов, образованное столичное общество

Для цитирования: *Евсеев В. А.* Феномен кофейни — инновационная форма досуга лондонского образованного общества эпохи поздних Стюартов или?.. // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 9—30.

Original article

THE PHENOMENON OF THE COFFEE HOUSE — AN INNOVATIVE FORM OF LEISURE OF LONDON'S EDUCATED SOCIETY OF THE LATE STUART ERA OR?..

Vladimir A. Evseev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
yevseyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>

Abstract. Recreation and entertainment have always been an important part of a person's daily life. The second half of the XVII century made significant changes in the usual way of spending time of the city dweller of England, and first of all of the capital. These changes were inextricably linked with the further growth of their well-being, which could be spent

on new leisure activities. This aspect was facilitated by the fact that with the beginning of the Restoration, strict Puritan supervision over the sphere of recreation and entertainment weakened. The court nobility and the London urban elite become pioneers in the new kinds of leisure. In the reign of the late Stuarts, there is a certain transformation in the forms of recreation and entertainment compared to the times of Shakespeare. The phenomenon of the appearance of coffee shops testifies to the emergence of a new aesthetics of leisure of wealthy and educated social strata of the capital society of England of the late Stuart era. Coffee houses of this time serve as an example of the fact that there was a process of rationalization of leisure, i. e. the free pastime of the Englishman acquires practical meaning, closely intertwined with his aesthetic values and professional interests. Leisure in coffee shops becomes part of the business etiquette of the business circles of the City, which gathered in the coffee shops “Lloyd”, “Harvey” and “Jonathan”, located next to the Royal Exchange. The literary elite of the capital gathered in the coffee shops of “Wills” and “Button”, and the artistic bohemia in “Slaughter”. Coffee shops have become a new form of leisure with higher aesthetic demands for their visitors and appropriate rules of conduct. However, the spirit of mercantilism and rationalism, which flourished in this era, led to the fact that some visitors to these institutions combined leisure and professional activities.

Keywords: a new kind of leisure, coffee shops, the era of the late Stuarts, the educated metropolitan society

For citation: Evseev, V. A. (2022), ‘The phenomenon of the coffee house — an innovative form of leisure of London’s educated society of the late Stuart era or?..’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 9—30 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Отдых и развлечения всегда были неотъемлемой частью повседневной жизни человека независимо от его социального и имущественного статуса. Вторая половина XVII века внесла в привычный образ времяпрепровождения городского жителя Англии, и в первую очередь столичного, значительные изменения, неразрывно связанные с дальнейшим ростом городов, а также с тем, что открылись новые экономические горизонты, новые источники для получения больших прибылей, которые можно было тратить и на новые виды досуга. Этому аспекту эволюции вида досуга способствовал и тот факт, что

с началом Реставрации ослабевает строгий пуританский надзор за сферой отдыха и развлечений. Пионерами же в новых направлениях сферы досуга становятся придворная знать и лондонская городская элита. В правление поздних Стюартов происходит известная трансформация в формах отдыха и развлечений по сравнению с временами Шекспира.

Историографический обзор. Многие из исследователей, кто, так или иначе, изучал досуг английских горожан раннего Нового времени, отмечали, что из огромного числа напитков, употребляемых в Англии, кофе стал одним из самых популярных и, можно сказать, культовых. Однако этому феномену современные отечественные авторы уделяют не более страницы текста [Киясов, Мосолкина, Чернова, 2015: 49—50; Евсеев, 2019: 535—536]. Такое же краткое упоминание о кофейнях дано и в знаменитом труде Дж. Тревельяна «Социальная история Англии» [Тревельян, 1959: 340—341]. Современные британские беллетристы Морин Уоллер [Уоллер, 2003] и Питер Акройд [Акройд, 2016] в своих научно-популярных работах уделили лондонским кофейням примерно по четыре — пять страниц текста каждый. У этих авторов отсутствует научно-справочный аппарат, но, судя по тексту, они использовали произведения Аддисона, Свифта и Дефо, а также труд известного английского историка середины XIX в. — Томаса Маколей «История Англии», который также обращался к истории кофейен, посвятив им пять страниц текста [Маколей, 1866: 305—309]. Однако у Т. Маколей всего одна сноска, откуда он брал сведения для своего описания кофейен [Маколей, 1866: 308]. Современник Т. Маколей — Джон Тимбс — издал в это же время двухтомный труд о клубной жизни Лондона, во втором томе которого отдельная большая глава посвящена истории кофейен [Timbs, 1866]. Этот труд имеет популяризаторский характер, ибо в нем отсутствуют сноски. Джон Тимбс дал краткую историю почти трех десятков лондонских кофейен от их возникновения до начала XIX в. Приведенная им информация опирается на реальные свидетельства современников той эпохи (С. Пипс, Д. Дефо, Д. Аддисон, Р. Стил и др.), хотя автор и не включает конкретные ссылки на эти источники. Однако этот труд дает ценные сведения для нашей работы.

Современная англоязычная историография на рубеже XX—XXI вв. достаточно плотно занялась исследованием феномена лондонских кофеен эпохи Реставрации. Например, Стивен Пинкус и Джон Соммервил видят в кофейнях место политических дебатов эпохи Реставрации [Pincus, 1995]. Более подробно историографические аспекты изучения лондонских кофеен XVII—XVIII вв. в современной англоязычной литературе рассматриваются в работах Брайана Коуэна — профессора Йельского университета [Cowan, 2004: 22—26, 2005, 2013]. Осенью 2013 г. он провел и международный семинар по проблемам кофеен.

Постановка вопроса. Целью нашей работы является ознакомление отечественного читателя с процессом становления кофеен — новой формы досуга в повседневной жизни образованного городского общества Лондона в эпоху поздних Стюартов. Для этого мы постараемся выяснить факторы, которые способствовали появлению этого феномена. Рассмотрим первые шаги возникновения кофеен. Реакцию на них королевской власти и регулирование их деятельности. Постараемся привести наиболее яркие примеры, которые были характерны для той или иной кофейни. Исходя из особенностей посетителей тех или иных заведений, попробуем определить основные тренды их деятельности — отдых, развлечения или бизнес.

Для реализации этой задачи мы использовали свидетельства о кофейнях из газет, дневников, произведений писателей той эпохи, а также информацию из англоязычной литературы по данной теме.

Методология и методы исследования

В данном исследовании автор руководствовался принципами историзма, научной объективности, а также историко-антропологическим подходом, который позволяет обратиться к изучению человека в истории, исследованию мотивов его поведения, в частности, к действиям и поступкам Карла II и его окружения по вопросу о кофейнях. При написании работы использован и сравнительно-исторический метод, предполагающий выявление специфических характеристик отдельных кофеен на основании социально-профессионального состава их посетителей.

Основная часть

Кофейни положили начало новой культурной традиции, стали своеобразной «идеологией» нового общественного типа, со своими ритуалами, манерами и правилами. Они несли дух элегантности, отличный от других предприятий питания. Казалось бы, что мешало деловым кругам Лондона, по старой доброй привычке, собраться в пивной, выпить по кружке эля и обсудить свои насущные дела? В эпоху Реставрации наряду с появлением кофеен произошло и возрождение театра, что так же отражало новые тренды в культуре отдыха и развлечений столичного образованного общества.

Стоит нам представить себе Лондон эпохи Реставрации и многое становится понятно. К 1700 г. Лондон стал самым большим по населению городом Европы с численностью в более чем полмиллиона жителей [Wrigley, 1987: 160]. Это каждый десятый житель страны. Ритм жизни лондонца этой эпохи уже заметно отличался от повседневности средневекового обывателя. Люди стали больше общаться и перемещаться. Прагматизм и трезвость мысли (в прямом и переносном смысле) городских образованных слоев стали определять стиль жизни, работу и досуг горожанина, вернее, его отдельных социальных слоев, в особенности из числа деловых и образованных кругов. Нужно было лишь то, что смогло бы объединить их в одну группу, выделить, как самостоятельный класс. Что могло стать объединяющим фактором? Фактором сближения могли стать те или иные политические воззрения, но прагматизм среднего класса, куда входили образованные и обеспеченные слои жителей Лондона, и заключался в том, чтобы поддерживать те политические группировки, которые отстаивают их экономические интересы. Деловой и интеллектуальной элите столицы были не особо привлекательны политические дискуссии до тех пор, пока не они затрагивали их экономические интересы, особенно это стало заметно в самом конце XVII века. Этот факт, в частности, отмечает и Брайан Коуэн в выводах своей статьи, говоря о том, что политические дебаты не являлись центром жизни кофеен [Cowan, 2004: 44—45].

Пожалуй, единственное, что могло объединить обеспеченные и образованные слои лондонцев и выделить их из общей

массы — это, скажем так, «новая культура», точнее, новая эстетика, в том числе и в проведении досуга. Будучи образованной частью общества, «средний класс» находился в поиске качественно новой формы досуга, но, не найдя ее, изменил лишь «содержание», поменяв пьянящий эль на чашечку бодрящего кофе. Чай, который тоже стал своего рода национальным напитком англичан, появился лишь в XVIII веке, а его широкое распространение приходится уже на следующее столетие, когда он стал более доступным продуктом. М. Уоллер замечает, что в начале XVIII в. 1 фунт чая стоил 1 фунт стерлингов, а это было достаточно дорогое удовольствие даже для среднего класса [Уоллер, 2003: 226].

Известный современный британский исследователь Питер Борсей писал: «Настоящим пристанищем интеллектуального отдыха и развлечений были кофейни» [Borsey, 1991: 228], поэтому неслучайно, что первая из них открылась не в Лондоне, как можно было бы предположить, а в Оксфорде — университетском центре — в 1650 году [Timbs, 1866: 2]. Однако Лондон быстро наверстал упущенное: по разным данным к 1714 г. в английской столице насчитывалось от 1,4 до 2 тысяч кофеен [Borsey, 1991: 228]. Дж. Тревельян на страницах «Социальной истории» отмечает несколько иные данные, хотя, по признанию автора, не совсем точные: «В далеко не полном списке кофеен, существовавших во времена Анны, насчитывалось около пятисот названий» [Тревельян, 1959: 340]. Лишь в первой половине 60-х годов XVII в. кофейный бум стал завоевывать Лондон. Вполне закономерно, что английская столица, обладая мощными денежными и демографическими ресурсами, встала в авангарде нового вида досуга.

Лондонские кофейни стали уникальным явлением в социальной, культурной, коммерческой и политической жизни города. Томас Маколей в «Истории Англии» писал: «Иностранцы замечали, что кофейня была тем, чем Лондон в особенности отличался от всех других городов» [Маколей, 1866: 305]. Далее Маколей пишет, что кофейни были вторым домом лондонца, и, если кто-то желал найти того или иного джентльмена, обычно спрашивали не о месте его проживания на Флит-стрит или Чансерн-лейн, но о том, посещает ли он «Греческую» кофейню или «Радугу» [Маколей, 1866: 305].

Первую в Лондоне кофейню в 1652 году открыл некто Пасква Рози (Pasqua Rosee) в переулке Св. Михаила в районе Корнхилла на Флит-стрит. Пасква Рози был уроженцем Смирны, городка на западе Турции, там же он научился готовить напиток, а в достаточно зрелом возрасте был привезен в Лондон торговцем по имени Даниэл Эдвардс. Друзья Эдвардса так полюбили уникальное варево, что вскоре торговец разрешил своему турецкому служащему открыть первую кофейню в городе. «Это “предприятие” моментально завоевало успех у публики в такой степени, что в разных частях Лондона стали открываться заведения подобные этому» [Timbs, 1866: 3]. На стенах кофейни Рози прикрепил рецепт (самого Рози) приготовления кофе, там же рассказывалось о полезных свойствах нового напитка. «Качество кофе определяется сухостью зерна и степенью его прожаренности. Очень плохо, если кофейные зерна недожаренные, но также плохо, если они сильно пережарены. Для того чтобы ваш желудок чувствовал себя достаточно комфортно, лучше пить кофе в 3—4 часа по полудни или рано утром. Кофейный аромат (дух) способен наладить (нормализовать) работу желудка и излечить глазные недуги, если держать голову прямо над чашкой. Этот напиток устраняет головные боли, снимает напряжение со всех частей тела и даже излечивает подагру. Кофе способен (остановить) сонливость и помогает людям в возрасте быть в тонусе» [Timbs, 1866: 3].

Однако не все лондонцы поверили Рози. В середине 50-х гг. XVII века появился сатирический памфлет в стихах неизвестного автора под названием «Обличительная речь против кофе». Общеизвестности стало известно, что в кофейне Рози приготовлением напитка занимается слуга и кучер мистера Эдвардса. В связи с чем памфлет начинался с вопроса: «Что за варево может приготовить кучер? ... к тому же который говорит: “*Что он ни есть Англичан*”». Автор(ы) стиха в заключение пишет, кофе есть не что иное, как Stygian Stuff, т. е. адское зелье, похожее на растолченный уголь и пахнущее, как “китайский чай” или ночной горшок, а сам Кофе готовится только для того, чтобы обжигать людям языки» [Timbs, 1866: 4].

Со стороны рядовых лондонцев в городской муниципалитет посыпались жалобы на владельцев кофеен. Одна из жалоб

была обращена против мистера Джеймса Фарра владельца «Радуги» — второй по времени возникновения лондонской кофейни. Эта кофейня располагалась на Флит-стрит. Интересно, что Дж. Фарр изначально по своему роду занятий был парикмахером. Жалоба была написана 21 декабря 1657 года. Жалоба начиналась словами: «Мы представляем мистера Джеймса Фарра, парикмахера, продавца кофе и кофевара. Во время приготовления напитка страдаем мы, его соседи, мучаясь от неприятного запаха, копоти, дыма и огня, который горит в доме Дж. Фарра большую часть дня и ночи, внушая нам (соседям) чувство страха и опасности» [Timbs, 1866: 14].

Кофейни несли иной воздух чего-то более возвышенного и элегантного, в отличие от других предприятий питания. Власти стали предпринимать попытки воздействовать на деятельность кофеен. В начале кофейни регулировались подобно другим питьевым заведениям (пивным, тавернам и т. п.). Однако эти заведения специализировались на продаже новых горячих напитков (кофе, чая, шоколада, щербета) и были включены в Акт парламента 1663 г. [Statutes... , 1819: 491]. Такая торговля требовала лицензирования мировыми судьями графств. Главной причиной появления этого статута был сбор налога для короны с этих товаров. Владельцы кофеен обратились за лицензиями на эти товары к мировым судьям и лорд-мэру. Часто владельцы кофеен добывали лицензии и на другие виды продовольственных товаров. Лицензирование кофеен преследовало две основные цели — получение налога с экзотических заморских товаров и своеобразное создание социальной дисциплины. Для властей всех уровней было важно держать определенный минимальный уровень таких заведений, а лицензирование было формой такого контроля. Лорд-мэр и городская элита видели в подобных предприятиях (пивных, кофейнях, тавернах) потенциальную неприятность, а поэтому нужно было тщательное регулирование. Лицензию могли отменить любому, чья репутация и поведение не устраивали церковь и городские власти. По мнению Б. Коуэна, королевские прокламации приказывали местным властям следить за доброй репутацией и лояльностью кофеен и подобных заведений [Cowan, 2005: 29].

Наличие лицензией давало определенную безопасность и легальное признание его обладателю. Это было своего рода

привилегией, а ее владелец был членом торговой корпорации, чьи права были защищены от посягательств королевской власти. Кофейни, как и другие подобные заведения внутри городской юрисдикции, требовали права на свободу своей торговли. Поэтому владельцы кофеен ревностно оберегали свои привилегии. Б. Коуэн приводит пример, что в 1672 г. владельцы 140 кофеен подписали петицию лорду-казначею, в которой жаловались на преследование со стороны агентов короны, хотя они имели лицензии от властей. Однако корона не имела успеха в отмене всей системы лицензирования кофеен [Cowan, 2005: 32]. Экстраординарные доходы от лицензионной системы были важной составной частью королевских финансов.

Королевская власть в лице Карла II и его ближайшего окружения видела в кофейнях рассадник крамолы и потенциальной опасности. Поэтому корона следила за деятельностью кофеен и предпринимала неоднократные попытки их закрытия. В конце 1666 г. Карл II обсуждал с графом Кларендоном возможность избавления от кофеен. Граф предложил запретить кофейни королевской прокламацией и провести это через Тайный Совет, но государственный секретарь Вильям Ковентри не согласился с этим предложением из-за важности налогов на кофе для короны. Вместо этого Тайный Совет выпустил приказ о запрете продавать печатные работы уличным торговцам, которые продавали пасквили и памфлеты в кофейнях [Cowan, 2005: 35—36].

В конце декабря 1675 г. король Карл II издал прокламацию, которая с января 1676 г. запрещала розничную продажу кофе, чая, шоколада или щербета, а мировые судьи должны отменить лицензию на их продажу [Cowan, 2005: 39]. Однако это вызвало волну возмущения. Уже через несколько дней под натиском общественности король собственноручно порвал документ [Timbs, 1866: 16]. Дальнейшие попытки регулирования деятельности кофеен со стороны королевской власти в 80-е гг. XVII в., как отмечает Б. Коуэн, закончились безрезультатно [Cowan, 2005: 40—42].

Не следует заблуждаться по поводу того, что «новая эстетика» появилась тут же, вслед за появлением в Англии кофейного напитка. Некоторое время и по форме, и по содержанию английские кофейни мало чем отличались от типичных пабов и таверн,

прежде всего потому, что на ранней стадии своего развития хозяева заведений еще не знали, кто их клиент в широком смысле.

Дж. Тимбс приводит текст из сочинения Неда Уорда (1660—1731), известного публициста и обличителя нравов и манер жителей английской столицы. Это эссе было написано им якобы от имени сельского жителя. Н. Уорд дает следующую картину кофейни 1700 г.: «Снующая туда-сюда толпа, напоминала рой крыс на разграбленном складе сыра. Кто-то приходил, кто-то уходил; кто-то метался, кто-то разговаривал; немногие пили кофе, курили и что-то обсуждали; все провоняло табаком, словно в каюте баржи. На краю длинного стола неподалеку от кресла лежала Библия. Рядом стояли кувшины и длинные курительные трубки. В очаге горел огонь, над которым висел высокий кофейник. Чуть ниже маленькой книжной полки, заставленной бутылками, кубками и рекламой пудры для улучшения цвета лица, повесили парламентское постановление о вреде пьянства и употребления бранных слов. Стены были украшены позолоченными рамками, словно кузница в подковах. В рамках находились “редкости”; склянки желтого эликсира, какие-то пилюли и средства по уходу за париками, нюхательный табак, зубной порошок, сделанный из корней кофейного куста, карамели и леденцы от кашля. Мой друг так и не сказал мне, что он привел меня в кофейню. Однако я посчитал, что попал в какой-то дешевый притон» [Timbs, 1866: 6].

В описании Н. Уорда упоминается «парламентский листок о вреде пьянства и употребления бранных слов» [Timbs, 1866: 6]. По сути, это один из элементов новой эстетики (проведения досуга), ее девиз. Важно то, что владельцы кофеен призывали посетителей следовать хоть каким-то нормам поведения, тем самым производя своеобразную «селекцию» завсегдатаев. Тем, кому были не по душе новые правила, искали другое место для проведения досуга и наоборот.

Деятельность всех лондонских кофеен регламентировалась по королевскому статуту от 1663 года [Statutes... , 1819: 491]. В том же году их владельцы согласились принять единый кодекс правил заведений, который был разослан по почте и назывался «Правила и Порядки Кофеен». В тексте этого документа говорилось, что в стенах кофейни все люди равны, независимо от их

социального и имущественного статуса. Любой посетитель имел полное право не уступать свое место более «благородному» клиенту. Инициаторы ссор обязаны были уплатить «штраф» в двенадцать пенсов и за свой счет угостить «обиженного» блюдом t'atone, дабы принести тем самым извинение. В стенах кофейни запрещалось скорбеть по умершим, говорить на религиозные темы, браня «Священное Писание», критиковать дела государственной важности, играть в азартные игры и заключать пари на сумму свыше пяти пенсов. Разрешалось «оживленно беседовать, но не слишком громко» [Timbs, 1866: 6—7].

Вход в Лондонские кофейни был платным и стоил около пенни [Timbs, 1866: 37]. В принципе, любой человек, кто был прилично одет, мог посетить кофейню, выкурить трубку табака, выпить чашечку кофе, почитать газету или просто посплетничать. Наиболее яркий пример такого поведения дает Джозеф Аддисон (1672—1719) — один из создателей популярных просветительских журналов, среди которых числятся знаменитый «The Tatler» (Болтун) и «The Spectator» (Зритель). В первом номере «The Spectator» Дж. Аддисон, в частности, писал, что он иногда заглядывает в кофейню Уилла и слушает с большим вниманием рассказы в этой небольшой аудитории, а временами курит трубку в кофейне Чайлда: «мое лицо хорошо знакомо в Греческом кафе и Кофейном дереве» [Addison, 1853: 29].

В период становления журналистики и почтовой системы кофейни были центром сосредоточения новостей и информации.

Дж. Тимбс, в частности, приводит слова из песни 1675 г., где говорится о том, что следует посещать кофейни ради того, чтобы услышать новости о главных событиях дня: о победе в сражении, морских битвах, заговорах и т. п. событиях [Timbs, 1866: 23—24]. Большинство кофеен предлагало газеты своим посетителям «практически» бесплатно. Тем не менее достоверно известно, что владельцы включали стоимость газет в плату за вход или кофе. На стенах заведения посетитель читал бесчисленные объявления о купле-продаже, о вербовке людей для колониальной экспедиции и т. д. В результате, кофейни стали притягивать к себе деловые круги города. Для купца было крайне удобно, сидя за столом, знакомиться с широким спектром информации.

Вслед за распространением новостей следовало распространение идей. И кофейни стали своеобразным форумом для их обсуждения. Как писал Дж. М. Тревельян: «Универсальной свободой речи Английской нации, ее квинтэссенцией была жизнь кофейни» [Тревельян, 1959: 341].

С самого начала своего существования Лондонские кофейни стали культивировать свой собственный неповторимый стиль, ориентируясь на строго определенный круг клиентов, подбирая для них ассортимент различных сортов кофе. Каждая кофейня ассоциировалась как с определенным кругом клиентов, так и со своим «только-у-нас» сортом кофейного напитка. Этот факт неоднократно упоминается Аддисоном в его «Зрителе» (№: 402, 403, 481, 568). Он отмечает, что каждая кофейня имела свой особый круг посетителей [Timbs, 1866: 39].

Вообще говоря, круг посетителей (client 'egrave) был большей частью зависим от того или иного района Лондона. Скажем, кофейни типа «Ллойд», «Гарвей» и «Джонатан», находившиеся рядом с Королевской биржей, были местом встреч деловых кругов города. В частности, Дж. Аддисон пишет о том, что в последние десять лет в «Джонатане» он встречает купцов и маклеров с Биржи [Addison, 1853: 30]. Кофейня «Гарвей», которая, так же как и «Джонатан», располагалась на Биржевой улице (Change-Alley), посещалась самыми зажиточными горожанами, иностранными банкирами и биржевиками [Timbs, 1866: 7].

Кофейня «Ллойд», расположенная на Ломбард-стрит, как отмечает Дж. Тимбс, возможно, была старейшей для истецблишмента Сити. С перестройкой Биржи в ней появилась «комната для подписей», которая посещалась наиболее известными купцами, судовладельцами, страховщиками, брокерами. На входе в эту комнату вывешивались списки кораблей, расписание их прибытия и отплытия, содержание груза и другие корабельные новости [Timbs, 1866: 27]. К середине XIX в. эти книги превратилась в знаменитый Регистр Ллойда.

Подобного вида специализация посетителей была и у кофейни «Иерусалим». Она была известна еще и как «городская служба новостей» (City news-room). Кофейня прославилась тем, что в ее стенах частыми гостями были торговцы практически со всех концов света, а со второй половины XVIII в. ее посещали

купцы из Макао, Аделаиды, Мадраса, Сиднея и других центров колониальной торговли. В «Иерусалиме» вывешивали так называемый «shipping list», список кораблей, даты их отправления в пункты назначения. Каждый, кто желал присоединиться к экспедиции или отправить груз, мог договориться об этом в стенах кофейни. В «Иерусалим» часто приходили судовладельцы для того, чтобы нанять команду матросов или капитана корабля [Timbs, 1866: 30].

Кофейни, расположенные в Вестминстере, часто посещали политические деятели разного уровня. Дж. Аддисон в первом номере «The Spectator» пишет, что по субботам вечером он заходит в кофейню «Сент-Джеймс» («St. James») и иногда присоединяется к небольшой компании политиков во внутренней комнате [Addison, 1853: 29]. Здесь в основном собирались виги. Это кафе располагалось на одноименной улице рядом с Сент-Джеймским дворцом, и его часто посещали офицеры гвардии. Дж. Тимбс пишет, что владелец кофейни (Эллиот) был дружен с Джонатаном Свифтом, который часто посещал его заведение, и далее он отмечает, что некоторые джентльмены приезжали посетить кафе даже с другого конца города хотя бы раз в неделю [Timbs, 1866: 51—52].

А вот кофейня «Том Кинг» имела более чем сомнительную репутацию. Дж. Тимбс пишет, что это заведение было основано Томом Кингом в 1713 г. и перешло по наследству в управление его вдове Молл, которая была остроумной женщиной. По сути «Том Кинг» был первым ночным клубом Лондона. Девизом кофейни стали слова одного из посетителей: «Это место для тех господ, чьи кровати неизвестно где». Позднее, Филдинг напишет про кофейню: «Какой развратник обойдет “Тома Кинга”»? Постоянными посетителями заведения были «итонские мальчишки» — студенты одноименного колледжа [Timbs, 1866: 84]. Про них довольно часто можно было прочитать на страницах утренних газет Лондона в разделе «Скандалы и происшествия». Понятно, что с одного кофе посетители вряд ли стали бы вести себя столь неподобающим образом. Причиной этого были спиртные напитки, продававшиеся в стенах кофейен. Поэтому владелицу этого заведения штрафовали за беспорядки [Timbs, 1866: 85]. Дурную славу имела и кофейня Сквайра в Холборне. Дж. Тимбс пишет, что рядом был квартал Грейс Инн Гарден, который был

прибежищем опасных слоев общества (карманных воришек, бандитов, сутенеров) [Timbs, 1866: 96—98].

Местом встреч лондонских интеллектуалов и священнослужителей были кофейни, расположенные вокруг собора Св. Павла. Это, в частности, кофейня Чайлда, которая была расположена во дворе собора и посещалась в основном клириками и членами Королевского общества [Timbs, 1866: 91]. «Греческая» кофейня на Треднидл-стрит, как пишет Дж. Тимбс, была прибежищем дискуссий для юристов из Темпла, и ее посещали члены Королевского общества. В том числе его президент — Исаак Ньютон [Timbs, 1866: 106—107].

Кофейня «Уиллс», основанная Уильямом Уорвином на Рассел-стрит рядом с Ковент Гарденом, стала широко известна далеко за пределами Лондона. Ее основными посетителями были литературные и околотитературные круги столицы. В кофейне был организован своего рода кружок, лидером которого был поэт Джон Драйден. Именно он и сделал кофейню знаменитой. В течение тридцати лет Драйден формировал общественный вкус, тем самым завоевал авторитет и признательность читающей публики, он же сформировал круг клиентов кофейни. Нед Уорд писал, что молодые поэты робко приближались к столу, за которым сидел Драйден, чтобы узнать его мнение [Timbs, 1866: 57]. Самуэль Пипс (1633—1703), автор известного «Дневника» и член Королевского общества, тоже упоминает кофейню «Уиллс», упоминает и Драйдена, которого он знал еще по учебе в Кембридже [Timbs, 1866: 60].

Однако, помимо ярых сторонников, у кофейни У. Уорвина были и недоброжелатели. Среди самых известных можно назвать Джонатана Свифта, который неоднократно и довольно пренебрежительно отзывался о гостях кофейни. «Худшая беседа, которую я когда-либо слышал, имела место быть в кофейне Уорвина. Собрались пять или шесть человек обсуждать какую-то пустяковую и глупую пьесу, но с необычайно серьезным видом, а проща говоря, сотрясали воздух, будто от их болтовни зависела судьба королевства» [Timbs, 1866: 61]. Со смертью Драйдена в 1701 г. популярность кофейни стала постепенно падать, но она еще оставалась приютом для писателей.

У владельцев кофеен были свои «приманки» для посетителей. Оригинальнее всех оказались владельцы кофейни «Дон Сальтеро», расположенной на Чейни-стрит, дом 18, открывшейся в 1695 году. «Дон Сальтеро» принадлежала господам Хансу Слоану и вице-адмиралу Мундену, последний довольно долгое время пробыл в Испании, вывез оттуда много редкостей и в результате дал оригинальное название кофейни [Timbs, 1866: 45]. А вот второе имя у кофейни появилось благодаря лондонским обывателям и посетителям. Широкому кругу «Сальтеро» была известна как «Музей». Мунден развесил предметы своей коллекции «редкостей» по стенам кофейни, отчего она превратилась в выставочный центр. Дж. Тимбс приводит отрывок из «Болтуна» от 24 июня 1700 г., написанного Р. Стилом: «Когда я вошел, у меня даже не было времени поприветствовать компанию своих друзей. Все мое внимание было приковано к тысячам забавных штучек (gimcracks), развешанных по всем стенам комнаты. Когда мое любопытство несколько спало, — продолжает Р. Стил, — я стал различать и понимать смысл представленных вещей. Среди прочих можно было видеть образцы «зубочисток» (gingivistee/teeth-drawers). Только разобравшись со своими чувствами, я смог выразить свое почтение гостям кофейни и самому мистеру Слоану, парикмахеру и замечательному антиквару» [Timbs, 1866: 46]. Помимо всякого «барахла», в «Доне Сальтеро» попадались действительно редкие и необычные вещи. По сведениям Дж. Тимбса, в «Музее» можно было видеть «китайские вазы в виде женских фигур, забавные механизмы итальянских мастеров» [Timbs, 1866: 47].

Одной из самых популярных кофеен начала XVIII в., где собиралась писательская публика, была «Кнопка». Она располагалась на Рассел-стрит Ковент-Гардена. Столь быстрая популярность пришла к заведению благодаря Джозефу Аддисону. Фактическим хозяином «Кнопки» был Дэниел Буттон [Timbs, 1866: 64]. Аддисону же принадлежала идея «почтового ящика», который был открыт в 1713 г. Совместно со своим другом журналистом Р. Стилом в стенах кофейни они придумали поставить львиную голову, имитацию наиболее популярных венецианских статуй, но на самом деле — не что иное, как контейнер для писем. Каждый желающий мог написать письмо о чем угодно и вложить его в львиную пасть. Наиболее интересные письма становились предметом

обсуждения в стенах кофейни и на страницах журнала «Опекун». Совместная «акция» журнала и кофейни вскоре принесла ее создателям первые плоды в виде неплохой прибыли для «Кнопки» и солидной репутации для ее владельцев. Вскоре львиной головой заинтересовались молодые авторы, которые использовали почтовый ящик, как один из возможных способов публикации своих произведений. «Тем самым, “Кнопка” объединила всех лондонских графоманов под одной крышей». Аддисон, дабы держать публику в постоянном внимании к своему заведению, на страницах «Опекуна» давал инструкции молодым авторам, как безопаснее и, главное, незаметнее передать рукописи в «львиную пасть», превратив банальную отправку писем в шпионский детектив [Timbs, 1866: 64—65]. В результате, Аддисон добился своего — «Кнопка» стала новым и очень значимым литературным центром не только Лондона, но и Англии в целом. Через какое-то время в стенах кофейни родился литературный кружок, членами которого, помимо самого Аддисона и Стила, были доктор Арбетнот, Александр Поуп, Джонатан Квик. Своей целью члены кружка видели создание новой литературной эстетики и пытались внедрить новые литературные стили. Их трибуной стали три основных лондонских издания: «Болтун», «Зритель» и «Опекун» [Timbs, 1866: 66—67].

Другим подобным заведением была кофейня «Слаутер» на Сент-Мартин-лейн, основанная в 1692 г. Дж. Тимбс пишет, что эта кофейня было известным прибежищем художников и скульпторов, а его постоянным посетителем был знаменитый английский живописец и гравер У. Хогарт [Timbs, 1866: 100].

Следует упомянуть и о ценах в кофейнях, кроме платы за вход. Розничная цена кофе «на вынос» в 1662 г. в кофейне «Голова турка» была от 1 шиллинга 6 пенсов за фунт зерен индийского кофе и по 3 шиллинга за фунт зерен турецкого кофе, ароматизированный кофе стоил дороже всего — 10 шиллингов за фунт. Какао продавалось по цене 2 шиллинга и 2 пенса за фунт. Именно это заведение первым в Лондоне стало продавать кофейные зерна на вынос, и тогда же владельцы предложили своим посетителям покупать восточные сладости и экзотические фрукты: турецкий щербет, лимон и т. д. Цена фунта чая достигала 60 шиллингов [Timbs, 1866: 93]. Был, конечно, и набор спиртных напитков.

К примеру, в кофейне «Лондон» посетителям предлагались на выбор арак (рисовое вино) по цене 8 шиллингов за кварту (1,14 л.), лучшее бренди, ром или пунш по 6 шиллингов за ту же кварту [Timbs, 1866: 92].

Художественная литература того времени тоже не обошла стороной феномен кофеен. Д. Дефо, в частности, тоже отправляет своих литературных героев в кофейни. В «Истории полковника Джека» описан сюжет, где главный герой пьет кофе в кофейне со своими друзьями: «... за разговором мы уже пили по третьей чашке замечательного ароматного кофе» [Дефо, 1987: 196]. В романе «Счастливая куртизанка, или Роксана» главная героиня заходит в кофейню со своей подругой, где они «выпили по чашке ароматного горячего кофе» [Дефо, 2005: 201].

Заключение

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что феномен появления кофеен свидетельствует о возникновении новой эстетики досуга зажиточных и образованных социальных слоев столичного общества Англии эпохи поздних Стюартов. Конечно, трудно определить специализацию или дать какую-то классификацию многочисленных лондонских кофеен, ибо не все они отражены в источниках. В данной статье приведены примеры деятельности наиболее известных кофейных заведений столицы. Эта информация дает возможность сделать некоторые выводы. Кофейни этого времени служат примером того, как свободное времяпрепровождение англичанина приобретает практический смысл, тесно переплетаясь с его эстетическими ценностями и профессиональными интересами, т. е. происходил процесс рационализации досуга. Праздность и бесцельность уступают место прагматичности и целенаправленности. Времяпрепровождение в кофейнях становится частью делового этикета и почти ежедневного расписания предпринимательских кругов Сити. В кофейнях «Ллойд», «Гарвей» и «Джонатан», находившихся рядом с Королевской биржей, деловые круги города за чашкой кофе обсуждали и заключали сделки, совмещая досуг с профессиональной деятельностью. Кроме того, кофейни стали одновременно выполнять и функции рекламного заведения, ибо в них не только заключались сделки, обсуждались

новости, но и вывешивались различные объявления и т. п. Подобного вида специализация была у кофейни «Иерусалим», известной еще и как «городская служба новостей». Литературная элита столицы собиралась в кофейнях «Уиллс» и «Кнопка», а художественная богема в «Слаутере». Они также являлись своеобразными творческими мастерскими, где ведущие литераторы, в частности, Драйден или Аддисон давали оценки произведениям своих младших братьев. Кофейня «Дон Сальтеро» стала своего рода музейным заведением для привлечения посетителей. Можно констатировать, что рассмотренные нами кофейни были действительно новым видом досуга с более высокими эстетическими запросами для их посетителей и соответствующими правилами поведения. Однако дух меркантилизма и рационализма, который процветал в эту эпоху, приводил к тому, что часть посетителей этих заведений совмещала досуг и профессиональную деятельность. Насколько преобладала та или иная сфера однозначно ответить нельзя, ибо происходило некоторое смешение этих понятий.

Список источников

- Акройд П.* Лондон. Биография. М.: Альпина Паблицер, 2016. 894 с.
- Дефо Д.* История полковника Джека. Минск: Маст. літ., 1987. 255 с.
- Дефо Д.* Счастливая куртизанка, или Роксана. М.: Эксмо, 2005. 296 с.
- Евсеев В. А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
- Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н.* Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI—XVII вв.). Саратов: Техно-Декор, 2015. 194 с.
- Маколей Т.* История Англии // Собр. соч. в 15 т. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1864—1866. Т. VI. 1866. 384 с.
- Тревельян Дж.* Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А. А. Крушинской, К. Н. Татариновой, под ред. и пред. В. Ф. Семенова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 607 с.
- Уоллер М.* Лондон. 1700 год / пер. с англ. М. В. Пановой, Т. П. Церр. Смоленск: Русич, 2003. 384 с.
- Addison J.* The Spectator, with sketches of the lives of the authors, and explanatory notes: in 12 vols. Philadelphia: Crissy & Markley, 1853. Vol. 1. 305 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=>

XPkyAQAAMAAJ&hl=ru& source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 30.08.2021).

- Borsey P. *The English urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town. 1660—1770*. Oxford: Clarendon Press, 1991. 416 p.
- Cowan B. The rise of the Coffeehouse Reconsidered // *The Historical Journal*. 2004. Vol. 47, iss. 1. P. 21—46.
- Cowan B. *The Social Life of Coffee: The Emergence of British Coffeehouse*. New Haven; L.: Yale University Press, 2005. 364 p.
- Cowan B. English Coffeehouses and French Salons: Rethinking Habermas, Gender and Sociability in Early Modern French and British Historiography // *Making Space Public in Early Modern Europe: Performance, Geography, Privacy* / ed. by A. Vanhaelen, J. P. Ward. L.: Routledge, 2013. P. 41—53.
- Pincus S. “Coffee Politicians Does Create”: Coffeehouses and Restoration Political Culture // *The Journal of Modern History*. 1995. Vol. 67, no.4. P. 807—835.
- The Statutes of the Realm of England: in 11 vols* / ed. by A. Luders, T. Tomlins L.: Printed by George Eyre and Andrew Strahan, Printers to the King’s most Excellent Majesty, 1810—1828. Vol. 5. 1819. 942 p.
- Timbs J. *Club life of London with anecdotes of the clubs, coffee-houses and taverns of the metropolis during the 17 th, 18 th, and 19 th centuries: in 2 vols*. L.: R. Bentley, publisher in ordinary to her majesty, 1866. Vol. 2. 320 p.
- Wrigley E. A. *People, Cities and Wealth: The transformation of traditional society*. Oxford: Blackwell, 1987. 348 p.

References

- Addison, J. (1853), *The Spectator, with sketches of the lives of the authors, and explanatory notes*, vol. 1, Crissy & Markley, Philadelphia, available at: https://books.google.ru/books?id=XPkyAQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (Accessed 30 August 2021).
- Akroid, P. (2016), *London. Biografiia* [London. Biography], Al’pina Publisher, Moscow, Russia.
- Borsey, P. (1991), *The English urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town. 1660—1770*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Cowan, B. (2004), ‘The rise of the coffeehouse Reconsidered’, *The Historical Journal*, vol. 47, iss. 1, pp. 21—46.

- Cowan, B. (2005), *The Social Life of Coffee: The Emergence of British Coffeehouse*, Yale University Press, New Haven, London, USA, UK.
- Cowan, B. (2013), 'English Coffeehouses and French Salons: Rethinking Habermas, Gender and Sociability in Early Modern French and British Historiography', *Making Space Public in Early Modern Europe: Performance, Geography, Privacy*, in Vanhaelen, A., Ward, J. P. (eds.), Routledge, London, pp. 41—53.
- Defo, D. (1987), *Istoriia polkovnika Dzheka* [Colonel Jack's story], Mastatskaia literatura, Minsk, Belorussia.
- Defo, D. (2005), *Schastliivaia kurtizanka, ili Roksana* [The Happy Courtesan, or Roxanne], Eksmo, Moscow, Russia.
- Evshev, V. A. (2019), "Gorodskaiia tsivilizatsiia" Anglii ot Tiudorov do Stiuartov [England's "urban civilization" from the Tudors to the Stuarts], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia.
- Kiyasov, S. E., Mosolkina, T. V. and Chernova, L. N. (2015), *London na rubezhe epokh: mozaika povsednevnosti (XVI—XVII vekov)* [London at the turn of the eras: a mosaic of everyday life (XVI—XVII centuries)], Tekhno-Dekor, Saratov, Russia.
- Luders, A. and Tomlins, T. (eds.) (1819) *The Statutes of the Realm of England*, in 11 vols, vol. 5, Printed by George Eyre and Andrew Strahan, Printers to the King's most Excellent Majesty, London, UK.
- Macaulay, T. (1866), 'History of England', *Sobranie sochinenii v 15 tomakh* [Collected works in 15 volumes], vol. VI, Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa, St. Petersburg, Moscow, Russia.
- Pincus, S. (1995). "'Coffee Politicians Does Create": Coffeehouses and Restoration Political Culture', *The Journal of Modern History*, vol. 67, no. 4, pp. 807—834.
- Timbs, J. (1866), *Club life of London, with anecdotes of the clubs, coffee-houses and taverns of the metropolis during the 17 th, 18 th, and 19 th centuries*, in 2 vols, vol. 2, R. Bentley, publisher in ordinary to her majesty, London, UK.
- Trevelyan, G. (1959), *Sotsial'naia istoriia Anglii: obzor shesti stoletii ot Chosera do korolevy Viktorii* [The Social History of England: An Overview of Six Centuries from Chaucer to Queen Victoria], Translated by Krushinskaya, A. A., Tatarinova, K. N., in Semenov, V. F. (ed.), Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.
- Waller, M. (2003), *London. 1700 god* [London. 1700 year], Translated by Panova, M. V. and Zerr, T. P., Rusich, Smolensk, Russia.
- Wrigley, E. A. (1987), *People, Cities and Wealth: The transformation of traditional society*, Blackwell, Oxford, UK.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

В. А. Евсеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. A. Evseev — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 31—44.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 31—44.

Научная статья

УДК 316.35(470.342)

DOI: 10.46725/IW.2022.1.2

МОДЕЛИ ПОВСЕДНЕВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПАНДЕМИИ COVID-19 (на примере Кировской области)

Ирина Юрьевна Трушкова

Вятский государственный агротехнологический университет,

Киров, Россия, k-if@vgsha.info, <https://orcid.org/0000-0003-2944-2446>

Аннотация. Обоснование проблемы исследования обозначается необходимостью осмысления новых реалий в повседневной истории интеллигенции российских регионов, связанных с преодолением трудностей, а именно — с пандемией коронавируса и адаптацией повседневного быта к ней. Выявление механизмов приспособления к кризисной ситуации и выхода из нее способствует минимизации рисков в воспроизводстве системы жизнеобеспечения, преодолению экономических деструкций, укреплению здоровья населения.

Целью работы является выявление элементов поведенческих моделей населения, находящих аналогии в традиционном (крестьянском) укладе жизни, характеристика мировосприятия, культурных технологий, связанных с трудовой мотивацией и потреблением, роли и места культурных инверсий. *Задачи исследования:* показать изменения в представлениях пространства и времени, в трудовых ритмах в условиях

пандемии; обозначить направления мимикрии, реакции на кризисную ситуацию; выявить аналогии с реакцией на жизненные трудности по сравнению с крестьянским обществом. Среди методов исследования — сравнительно-исторические построения, «включенное наблюдение», запись и анализ «меморатов», работа в информационном пространстве.

Результаты исследования. Выявлены определенные механизмы вхождения в кризисную ситуацию, нахождения в ней; обозначены определенные перспективы для региональной интеллигенции в посткрестьянском регионе. Показана специфика осмысления пространства и времени в условиях самоизоляции, алгоритм действия мотивации к соблюдению трудовой дисциплины и оформления баланса потребления и амбиций. Во всем этом проявляются культурные инверсии, обращение к этнокультурному опыту предшествующих поколений, крестьянскому наследию.

Выводы. Очерчены характеристики восприятия интеллигенцией окружающего мира в кризисную ситуацию на примере конкретного региона — Кировской области.

Ключевые слова: Интеллигенция и общество в современных условиях, посткрестьянский регион, технологии поведения в условиях пандемии коронавируса, представления о пространстве и времени, культурные инверсии

Для цитирования: Трушкова И. Ю. Модели повседневного поведения интеллигенции в период первой волны пандемии COVID-19 (на примере Кировской области) // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 31—44.

Original article

BEHAVIORAL MODELS OF THE INTELLIGENTSIA DURING THE FIRST WAVE OF COVID-19 PANDEMIC (on the exemple of the Kirov region)

Irina Yu. Trushkova

Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russia,
k-if@vgsha.info, <https://orcid.org/0000-0003-2944-2446>

Abstract. The substantiation of the research problem is determined by the need to comprehend new realities in the everyday history of the intelligentsia of Russian regions, associated with overcoming difficulties, namely, with the coronavirus pandemic and the adaptation of everyday life to it. Identification

of mechanisms for adapting to a crisis situation and getting out of it contributes to minimizing risks in the reproduction of the life support system, overcoming economic destruction, and strengthening the health of the population.

The aim of the work is to identify the elements of behavioral models of the population that find analogies in the traditional way of life, the characteristics of the world perception, cultural techniques associated with labor motivation and consumption, the role and place of cultural inversions. *Research objectives*: to show changes in representations of space and time, in labor rhythms in a pandemic; to outline the directions of mimicry, reaction to a crisis situation; to identify analogies with the reaction to life difficulties in comparison with the peasant society. Among the research methods are comparative historical constructions, “included observation”, recording and analysis of “memos”, work in the information space.

Research results. Certain mechanisms of entering a crisis situation, existing in it, are identified, certain prospects for the regional intelligentsia in the post-peasant region are indicated. The specificity of the understanding of space and time in conditions of self-isolation, the algorithm for the action of motivation to observe labor discipline and the registration of the balance of consumption and ambitions are shown. In all this, cultural inversions are manifested, an appeal to the ethnocultural experience of previous generations and the peasant heritage are manifested. *Findings*. The characteristics of the perception of the surrounding world in a crisis situation among the intelligentsia are outlined on the example of a specific region — the Kirov region.

Keywords: Intellectuals and society in modern conditions, postpeasant region, techniques of life in the context of the coronavirus pandemic, ideas about space and time, cultural inversions

For citation: Trushkova, I. Yu. (2022), ‘Everyday behavioral models of the intelligentsia during the first wave of COVID-19 pandemic (on the example of the Kirov region)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 31—44 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Первые десятилетия XXI в. демонстрируют усложнение восприятия деталей окружающего мира, поведенческих практик и определения жизненных перспектив, в том числе — и на уровне отдельных регионов. Позиционирование населения вообще и интеллигенции в частности в условиях пандемии коронавируса в 2020 г. выявляет изменения в восприятии

пространства, времени, жизненных циклов и траекторий. При этом «микроисторическое прочтение» современной повседневности способствует выявлению специфики и закономерностей данных процессов в посткрестьянских регионах, что важно не только для осмысления новых реалий жизни, но и трендов в управлении региональными сообществами.

Теоретическая значимость работы заключается в определении моделей поведения и восприятия мира такой значимой социальной группой населения, как интеллигенция, во время кризисов, выработке ею новых стратегий и правил поведения, в определении приоритетов и ценностей в повседневной жизни.

Постановка вопроса. Цель работы — выявить элементы поведенческих моделей интеллигенции, находящих аналогии в традиционном укладе жизни, охарактеризовать мировосприятие, культурные технологии, связанные с трудовой мотивацией и потреблением, роль и место культурных инверсий. Задачи исследования: обозначить новые явления в представлениях пространства и времени, в трудовых ритмах в условиях пандемии; а также определить направления мимикрии, реакции на кризисную ситуацию и аналогии с реакцией на жизненные трудности по сравнению с крестьянским обществом.

Методология и методы исследования

В наборе методов исследования главным представляется «включенное наблюдение», дополняемое сбором и анализом «меморатов» (материалов историко-бытовых экспедиций). Как известно, метод «включенного наблюдения» подразумевает изучение автором данных тех или иных исторических, этнокультурных явлений посредством личного участия в них. Характерные примеры — обряды, посиделки, совместное переживание тех или иных событий, участие в хозяйственном деле, ремесле и т. д. Поэтому аутентичность результатов здесь самая высокая. Более того, поскольку автор вводит в научный оборот самые новые источники, то такие материалы можно считать уникальными. Достоверность трактовки обеспечивается использованием распространенных академических анкет для сбора этих исторических данных, другими факторами.

Все зафиксированные посредством и «включенного наблюдения», и других методов сведения, описания, фотографии, чертежи и т. д. составляют существо «полевых материалов автора», этнографических, историко-бытовых экспедиций, где применяются такие методы сбора и по повседневной истории. Собранный комплекс источников составляет содержание полевых материалов / личного архива автора.

Привлекаются также некоторые «федеральные» источники из «киберпространства» — сведения из Интернета общероссийской проблематики. Отмечено, что у интеллигенции в регионах, «бюджетников» (учителей, врачей, работников культуры), в связи с заполнением большого количества справок, отчетов и т. д. актуализировалось разделение запросов федерального, регионального и муниципального уровней.

Анализируются записи индивидуальных разговоров, переживания при определении планов, коллекции показательных фраз, символов, зафиксированных реально и виртуально. На примере Кировской области именно такой подход позволяет прийти к определенным результатам в исследовании повседневной жизни на уровне региона.

Основная часть

Интеллигенция и общество в современных условиях в разных российских регионах выявляют характеристики, связанные с культурно-историческими основами развития данных территорий. Несмотря на многогранное вхождение Вятского региона (в прошлом — Вятской губернии, а ныне — Кировской области) в индустриальное и постиндустриальное пространство, в современной жизни вятчан / кировчан сохраняется немало крестьянских и посткрестьянских характеристик. Именно эти характеристики своеобразно проявляют себя и в условиях пандемии коронавируса.

Известно, что Вятский край в прошлом — это преимущественно крестьянский регион с характерной ментальностью, отдаленный от столиц. Крупная промышленность во всей территории Кировской области стала развиваться в основном со времен Великой Отечественной войны, когда сюда эвакуировали многие предприятия из центра страны. Стремительная индустриализация

наблюдалась во второй половине XX века, и все инженеры и рабочие здешних заводов — вчерашние жители деревень, «раскрестьянные крестьяне». У сегодняшних горожан немало родственников в предыдущих поколениях — жителей деревни, с рудиментами (или нет) крестьянской ментальности, ностальгией, длительным сохранением говоров и т. д. Данное явление свойственно многим подобным регионам России. У вятской интеллигенции выявляются как общие для всей страны, так и специфичные черты [Трушкова, 2008: 416—417]. Общая характеристика региональной интеллигенции показывает ее происхождение в основном из разночинцев и крестьян, а также выявляет сильный «посткрестьянский ресурс» и у других социальных групп местного населения.

Основные штрихи истории у подобных регионов до XX в. и в XX в. включают немалый опыт преодоления трудностей, связанных с интенсификацией экономики, вхождением в социокультурное пространство индустриальной эпохи, коллективизацией и раскулачиванием, укрупнением деревень и т. д. Известно, что в таких условиях человек воспринимал проблемы иначе. В жизни крестьянина было много риска, который исходил от природы (засухи, заморозки, малоплодородные почвы и т. д.). Земледелец знал, что если начнешь бояться трудностей, то победят они тебя, а не ты их. Нельзя было отступать. Чтобы был урожай лучше — несколько раз вспаши поле, продумай все мелочи, которые могут помочь. Главные ресурсы по преодолению кризисных ситуаций крестьянин искал в себе — при экономии природного сырья, значительной трудоемкости собственных работ и усовершенствовании элементов технологических операций [Трушкова, 2009].

Отмеченные «обращения к себе» отражаются и в современных технологиях поведения, т. е. таких, которые появились в первые десятилетия XXI в., в том числе в переходные, кризисные эпохи, и в сравнительно новой повседневности — в первой волне коронавирусной пандемии / ковида, весной—летом 2020 г.

Результаты анализа наблюдений и «меморатов» говорят о некотором шоке в восприятии повседневности при начале пандемии. Данное явление произошло в регионе впервые, стала отмечаться некоторая мимикрия, новые явления в поведении и осознании окружающей действительности. Одним из маркеров в измененном мировосприятии могут служить изменения в восприятии времени.

Известно, что в традиционной культуре оно дискретно, циклично, при рассмотрении далеко в прошлое и в будущее — аморфно [Трушкова, 2003: 339—347].

Показательна речевая формула начала XXI в.: «мы до пяти работаем — это значит: в пять мы уже дома». Раньше эта фраза воспринималась как некий юмор и изворотливость, а также акцент на приоритете домашнего мира над внешним («Что там какая-то работа, главное — дом!»). При этом информанты поясняли, что минимум за 10 минут до 17.00 герои этого лозунга должны были уйти с работы и чуть ли не добежать до дома¹. В условиях небольшого по площади города это было возможным в ряде случаев. В нынешнее время ничего юмористического и «героического» в этом утверждении не видится. И люди уже удивляются своему былому лихачеству: «Надо же, как было! А теперь-то что толку подвиги совершать, все равно дома работаем на самоизоляции...»²

Так называемый в регионах «федеральный уровень» оттеняет подобные представления о времени в посткрестьянском крае. «...Но главное приключение в нашей личной жизни происходит со временем. Оно остановилось. Точнее, мы остановили время сами в надежде... выиграть время. До появления вакцины, которой нет и не предвидится... Когда время останавливается, сразу исчезает будущее. Именно оно сейчас честнее всех в мире соблюдает карантин. Мы решили обнулить его ради самосохранения... В результате сейчас у миллиардов людей на планете остались только богатое прошлое (вся эта наша естественная, кому-то сильно надоевшая, кого-то даже сильно доставшая скучная повседневная жизнь) и предельно скупое, на уровне основных инстинктов (некоторые из них объявлены опасными, но это не точно) настоящее. Мы живем теперь в стиле «нам бы только день простоять, да ночь продержаться». И неизвестно, когда этот «день сурка» закончится — при нынешнем уровне адекватности людей, принимающих решения по всему миру. Мы попали в удивительное время. Свободного времени у нас теперь полно ровно потому, что упразднено его свободное естественное течение.

---

¹ Полевые материалы автора. г. Киров, 2002 г. (далее: ПМА).

² ПМА. г. Киров, апр. 2020 г.

Время девальвировалось, как цены на нефть... Нынешнее остановившееся и одновременно переливающееся через край время учит нас еще одной доблести: жить не во времени, а как вне времени. Сквозь время. В той вечности и изначальной окончательности, в которой были уверены древние греки. Все уже есть и сбылось. Ничего не изменится»³. Показательно, что современник отметил особое внимание нынешних поколений к культурному опыту традиционного (крестьянского) уклада жизни. Это сравнимо со сказочным временем агрикультурных эпох, когда мифологические персонажи думали, что пробывли в ином / нереальном мире несколько часов, а оказалось — много лет, где вечное, вне возраста, антропоморфное солнце, месяц, ветер, монастырь-долгожитель и т. д.⁴

Не менее интересные изменения происходят и в восприятии пространства. Пытливый ум потомков региональных деревенских философов и мирозерцателей помог выработать и такую формулу сиюминутной деятельности: «Позавтракал, теперь пойду на работу. Из кухни — в комнату»⁵. Пространство имеет свойство сужаться, уменьшаться в масштабе, как в сказке⁶. Некогда большие, или кажущиеся большими, расстояния заменяются их дискретными состояниями, малыми их отрезками, мириадами «нанорасстояний» и призрачных или явных границ между ними. Уменьшение расстояний в некоторых случаях, актуализация внимания на некоторых ранее не столь замечаемых мелких объектах в окружающей повседневности в условиях сокращения перемещений людей можно назвать «микротопонимией жизни на самоизоляции». Микротопонимика раньше в Вятском крае была очень развита [Трушкова, 2003: 57]. Экспедиционные и другие наблюдения показывают, что в городах Кировской области началась частичная актуализация, реанимация дачной жизни. Это также может быть расценено как культурная инверсия, возвращение в «крестьянскость».

---

³ Новопрудский С. Будущее на удаленке // Газета.ру. 2020. 10 апр. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/13038097.shtml> (дата обращения: 10.05.2020).

⁴ Архив Русского географического общества. Разряд X. Оп. 1. Д. 39. Л. 53 об.—54 (далее: АРГО); ПМА, Омутнинский р-н, 2001 г.

⁵ ПМА. г. Киров, апр. 2020 г.

⁶ АРГО. Разряд X. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.

«Федеральный уровень» вновь оттеняет некоторые моменты. «С пространством тоже приключилась какая-то явная фигня. Дом, конечно, начало начал, а также надежный причал, как пел один из знаменитых пациентов Коммунарки, но только если ты можешь куда-нибудь отчалить. Люди, конечно, пытаются всеми возможными способами уговорить себя и окружающих, что им страшно нравится удаленка. Но ключевое слово здесь — «страшно». Тем более что никто в мире не понимает, когда и чем это внезапно свалившееся на нас счастье домоседства кончится. Победный конец не проглядывается, а существительное «конец» пока звучит для большинства убедительнее прилагательного «победный». Приближенка оказалась лучше удаленки. Запретный плод сладок: хоть в этом мы не меняемся. Радикально поменялись понятия границ и заграницы. Словосочетание «безвыходное положение» приобрело вопиюще буквальный смысл, который к тому же почти совпал с переносным. «Что ты тупо смотришь в окно 15 минут? — Не мешай мне, я гуляю»... Границы теперь — это «социальная дистанция» (в России и слов таких раньше не знали): полтора—два метра⁷. Обновленные представления об окружающем мире демонстрируют некую транзитивность самих понятий, а также очертаний их границ.

В сообществах разных таксономических рядов (областного, районных и сельских масштабов) наблюдаются культурные инверсии, предстающие неким спасением от кризисной ситуации. Именно такая реакция была всегда характерна крестьянству [Трушкова, 2012: 445—450]. Ныне, в период пандемии и самоизоляции, это выражается и в предпочтении проведения времени не в крупных мегаполисах, а в малых городах и на дачах. Вновь стала актуальной тема переезда в деревню, деурбанизация. «Новое Средневековье», «новое варварство» встраиваются в жизнь современного общества потребления [Козлова, 1999: 184]. Тогда такие регионы, как Кировская область, с ее значительным крестьянским культурным наследием, вновь обретают положительные характеристики с точки зрения качества жизни.

Отдельная тема в истории повседневности в условиях самоизоляции — мотивация к труду и организация потребления.

---

⁷ *Новопрудский С.* Будущее на удаленке // Газета.ру. 2020. 10 апр.

Как современному человеку (без четкого графика посещения офиса, учреждения, работы в Интернете) в виртуальном пространстве соблюдать трудовую дисциплину, не переедать, не увлекаться потреблением «культурного продукта» из телевизора и т. д.? Но и здесь на региональном уровне становится очевидным эффект использования «крестьянских культурных технологий». Примеры: «наша бабушка, бывало, воспитывала нас: “слово *трудно* состоит из слова *труд*, ... не переживай, что надо начинать работать — “глаза бояться, а руки делают”». Или еще: «Помню, дедко говаривал: “у нас хорошо-то не живали, так и начинать нечего”»⁸. Так, крестьянская ограниченность потребления, баланс потребления и амбиций, трудовая самоорганизация могут быть востребованы в современный период.

Новые идеи, обсуждаемые в обществе, включают размышления о роли некоторых болезней в жизни общества. «Всему самому светлому и чистому человечество обязано холере, туберкулезу и чуме. Они научили людей мыться, не есть из одной посуды, подтолкнули к созданию водопровода и канализации. Что полезного принесет нам коронавирус? У каждой медали есть две стороны. Мы воспринимаем пандемию коронавируса как бедствие. И это действительно так. Но по иронии судьбы именно великие эпидемии изменили мир к лучшему и создали современную цивилизацию такой, какой мы ее знаем... Но одно, на мой взгляд, очевидно: эта пандемия должна вернуть высокий статус профессии врача... Коронавирус все расставит по своим местам»⁹. На грани гуманитарного и медицинского знания выявились новые пограничья. Выявилось такое новое явление, как информационная пандемия. Ею обозначается новое явление, наблюдаемое на уровне государств, при военной пропаганде, временах холодной войны, информационных войнах, известных прецедентах радиофобии и ядерной истерии. Но, с новым уровнем информационных технологий, добавилась ещё и инфопандемия...

---

⁸ ПМА. Лузский р-н, 1984 г.; Верхошижемский р-н, 2001 г.

⁹ *Коробатов Я.* Всему самому светлому и чистому человечество обязано холере, туберкулезу и чуме // Комсомольская правда. 2020. 13 апр. URL: <https://www.kp.ru/daily/27116/4195883> (дата обращения: 10.05.2020).

В настоящее время, при росте традиционных информационно-зависимых заболеваний среди населения, появляются и новые патологии: компьютерный синдром аддикции — патологические зависимости от телевидения или социальных сетей; фобии — номофобия, боязнь остаться без средств связи; мании — сенсорные, связанные с интернетом, лудомания — зависимость от компьютерных игр. Существуют также депрессии, формируемые социальными сетями, интернет-зависимые суициды и пр.»¹⁰.

COVID-19 актуализировал новое пограничье — так называемую «информационную гигиену» на уровне СМИ. Утверждается, что эта информационная гигиена и в среде региональной интеллигенции необходима так же, как и личная. Она подразумевает личное формирование настроения на поиск знаний, анализ информации при оптимистично-конструктивном настрое и т. д. На первый план выступает этновалеологический опыт населения [Trushkova et al., 2020: 268—275].

Трудовая, профессиональная деятельность региональной интеллигенции (особенно «бюджетников») во время первой волны пандемии Covid-19 демонстрирует использование мимикрии как реакцию на кризисную ситуацию, выявляет сходные виды приспособления, снижения прежней активности, что напоминает реакцию на жизненные трудности местного крестьянского сообщества в прошлом. Мотивация к труду, обращение к прежней системе экономики всего и вся также представляются использованием опыта предков по преодолению кризисов, некоей культурной инверсией. Повседневная жизнь региональной интеллигенции в условиях самоизоляции по причине пандемии ковида выявляет занижение уровня амбиций, сходные с крестьянскими самооценками.

Заключение

В качестве выводов можно отметить, что поведение интеллигенции в посткрестьянских регионах в кризисные периоды, и в том числе — в условиях пандемии коронавируса весной-летом 2020 г., выявляет особые модели.

---

¹⁰ *Еремин А.* Инфопандемия или ноогенез? // Все Пиренеи. 2020. 2 апр. URL: <https://all-andorra.com/ru/aleksej-eremin-infopandemiya-ili-noogenez/> (дата обращения: 10.05.2020).

1. Использование опыта предков. Так же, как и крестьяне в прошлом, региональная интеллигенция в период COVID-пандемии стала использовать некоторые бытовые правила дедов и прадедов. Среди них — экономия всего и вся, родственного и иного единения при противостоянии трудностям межпоколенной этики.

2. Обращение к элементам традиционного восприятия времени и пространства — через многогранность и дискретность временных отрезков (день, неделя, месяц, год), актуализацию микропространств, микротопонимики.

3. Изменение мотивации к труду, понимание, что работа есть, в том числе и преодоление трудностей, приспособление к новым условиям созидания.

4. Трансформация самовосприятия и амбиций, выражающаяся в дополнении автохарактеристик осознанием в себе возможности нахождения в микропространстве, резистентности к виртуальной, компьютерной жизни и т. д.

Культурные инверсии, использование поведенческого и коммуникативного опыта крестьянских предков помогает сглаживать негатив кризисной поры и находить алгоритмы преодоления трудностей. В этом опыте обнаруживаются культурные технологии не только XIX и XX вв., но и первых десятилетий XXI в.

Микроисторический анализ, некий скрининг современной повседневной истории ситуации на примере Кировской области показывает, что региону и его интеллигенции помогло преодолеть кризисную ситуацию, связанную с первой волной пандемии COVID-19 датируемой примерно до лета 2020 г., его значительное «крестьянское» наследие. Размеренный, спокойный, без мегаскоростей, образ жизни предстает своеобразным спасением, в нем проглядываются вечные формулы воспроизведения жизни, созидания. Опыт предков на уровне подсознания, применяемый в кризисные ситуации, срабатывает и ныне. Вероятно, поэтому в регионе в условиях самоизоляции населения наблюдалось сравнительно спокойное положение. Культурные инверсии и прежде спасали людей в крестьянских сообществах. Мелочи, микротопонимия жизни на самоизоляции, «наноуровни души» (персональные, потаенные мысли и переживания) человека всегда в своей композиции выступали прочной основой для жизнеобеспечения всех слоев населения, в том числе — и интеллигенции.

Список источников

- Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М: Изд. дом «Ключ», 1999. 192 с.
- Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX — начале XX в. (система жизнеобеспечения). Киров: Маури-принт, 2003. 722 с.
- Трушкова И. Ю. Особенности отношений бюрократии и интеллигенции в российской провинции в XIX — начале XXI в. (на примере Вятского региона) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX вв.: общее и особенное: материалы XI Всерос. науч.-теорет. конф., 29—30 мая 2008 г. / отв. ред. В. М. Козьменко, В. В. Керов. М.: РУДН, 2008. С. 416—423.
- Трушкова И. Ю. Крестьянство и кризисы в истории России // Этнокультурные процессы в странах и регионах. Вып. V: эл. сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. И. Ю. Трушкова. Киров: Вятск. гос. ун-т, 2009.
- Трушкова И. Ю. Опыт преодоления экономических кризисов крестьянскими микроструктурами в российской провинции // Krgyzy finansowy: przebieg i skutki społeczno-gospodarcze w Europie Środkowej i Wschodniej. Lublin: KUL. T. 1. 2012. L. 445—450.
- Trushkova I. Yu., Titova E. I., Sapozhnikova V. V. The problems of reproduction of traditional culture in Russian regions in the XX century on the example of the Kirov region // Amazonia investiga. 2020. Vol. 9, iss. 27. P. 268—275.

References

- Kozlova, N. N. (1999), *Sotsial'no-istoricheskaiia antropologiia* [Socio-historical anthropology], Izdatel'skii dom "Kliuch", Moscow, Russia.
- Trushkova, I. Yu (2003), *Traditsionnaia kul'tura russkogo naseleniia Viatskogo regiona v XIX — nachale XX veka (sistema zhizneobespecheniia)* [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the XIX — early XX century (life supporting system)], Mauri-print, Kirov, Russia.
- Trushkova, I. Yu (2008), 'Features of the relationship between the bureaucracy and the intelligentsia in the Russian province in the XIX — early XXI century (on the example of the Vyatka region)', in Koz'menko, V. M. and Kerov, V. V. (eds.), *Biurokratiia i biurokraty v Rossii v XIX i XX vekakh: obshchee i osobennoe: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Bureaucracy and

- bureaucrats in Russia in the XIX and XX centuries: general and special: materials of the XI All-Russian scientific-theoretical conference], Moscow, Russia, 29—30 may 2008, Izdatel'stvo: Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, pp. 416—423.
- Trushkova, I. Yu. (2009), 'Peasantry and Crises in the History of Russia', in Trushkova, I. Yu. (ed.), *Etnokul'turnye protsessy v stranakh i regionakh: elektronnyi sbornik nauchnykh trudov* [Ethnocultural Processes in Countries and Regions: electronic collection of scientific papers], iss. 5, Izdatel'stvo Viatskogo Gosudarstvennogo universiteta, Kirov, Russia.
- Trushkova, I. Yu. (2012), 'Experience of overcoming economic crises by peasant microstructures in the Russian province', *Kryzys finansowy: przebieg i skutki społeczno-gospodarcze w Europie Środkowej i Wschodniej*, vol. 1, KUL, Lublin, pp. 445—450.
- Trushkova, I. Yu., Titova, E. I. and Sapozhnikova, V. V. (2020), 'The problems of reproduction of traditional culture in Russian regions in the XX century on the example of the Kirov region', *Amazonia investiga*, vol. 9, iss. 27, pp. 268—275.

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

И. Ю. Трушкова — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Вятский государственный агро-технологический университет, Киров, Россия.

I. Yu. Trushkova — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of history and Philosophy, Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 45—72.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 45—72.

Научная статья

УДК 327 (091) (470+571) "20"

DOI: 10.46725/IW.2022.1.3

РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000—2021 гг.: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

**Анастасия Павловна Анисимова¹,
Сергей Валерьевич Точенов²**

¹ Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
withluvprod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0501-6899>

² Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
stochenov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9164-9988>

Аннотация. В статье в сжатом, сконцентрированном виде представлена попытка анализа взаимоотношений России и Израиля в области культуры, науки и образования в начале XXI века и на современном этапе. Актуальность настоящего исследования обусловлена, прежде всего, тем, что обозначенные выше аспекты недостаточно освещены в научных трудах и чаще всего упоминаются в рамках общего исследования российско-израильских отношений, а не в качестве отдельно взятой темы. Кроме того, нельзя не учитывать, что решение проблем межкультурного взаимодействия имеет весомую значимость, так как является фундаментальным элементом межгосударственного взаимодействия. И немаловажно, что культурно-гуманитарные связи формируют «имидж» страны за рубежом. Поэтому выстраивание грамотной культурной политики (в том числе и как инструмента «мягкой силы») всегда будет значимым направлением деятельности государств.

Цель данного исследования состоит в анализе развития культурно-гуманитарной сферы российско-израильского сотрудничества в 2000—2021 гг. Методологическая база исследования в рамках системного подхода основывается на принципах историзма, причинности и объективности. Основной теоретической базы анализа отношений России и Израиля являются идеи неореализма (в интерпретации Кеннета Уолтца). В числе общенаучных методов исследования — анализ, синтез, индукция,

дедукция. Среди основных методов политологического исследования — контент-анализ, метод экспертных оценок, метод количественного анализа статистических данных.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В целом, российско-израильское сотрудничество в культурной сфере можно охарактеризовать как эффективное, поскольку видна динамика расширения контактов и укрепления связей на всех уровнях и по всем рассмотренным направлениям. Начав с нормативно-правового закрепления отношений, государства перешли в активную стадию реализации подписанных соглашений во втором десятилетии XXI века. К настоящему времени траектории развития корректируются исходя из современных вызовов. Можно говорить о нахождении отношений на своей высшей точке за весь исследуемый период, несмотря на наличие внешне- и внутривнутриполитических проблем и разногласий.

Ключевые слова: Российская Федерация, Государство Израиль, культурно-гуманитарное сотрудничество, культурные связи, культурный обмен, наука, образование, туризм, паломничество

Для цитирования: Анисимова А. П., Точенов С. В. Российско-израильские отношения в 2000—2021 гг.: сотрудничество в области культуры, науки и образования // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 45—72.

Original article

RUSSIAN-ISRAELI RELATIONS IN 2000—2021: COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE, SCIENCE AND EDUCATION

Anastasia P. Anisimova¹, Sergey V. Tochenov²

¹ Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
withluvprod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0501-6899>

² Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
stochenov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9164-9988>

Abstract. The article briefly presents an analysis of the relationship between Russia and Israel in the field of culture, science and education from the beginning of the XXI century to the present stage. The relevance of this work is due to the fact that the studied aspects are insufficiently covered in scientific works and are most often mentioned in the framework of a general study of Russian-Israeli relations, but not as a separate topic. In addition, solving the problems of intercultural interaction is of great importance, since

it is a fundamental element of intergovernmental relations. And it is important that cultural and humanitarian ties form the country's "image" abroad. Therefore, building a competent cultural policy (including as an instrument of "soft power") will always be a significant area of state's activity.

The purpose of this study is to analyze the development of the cultural and humanitarian sphere of Russian-Israeli cooperation in 2000—2021. The methodological basis of the research within the framework of the systems approach is based on the principles of historicism, causality and objectivity. The theoretical basis for the analysis of relations between Russia and Israel is based on the ideas of neorealism (as interpreted by Kenneth Waltz). General scientific research methods include analysis, synthesis, induction, deduction. The main methods of political science research include content-analysis, the method of expert assessments, and the method of quantitative analysis of statistical data.

The conducted research allows us to draw the following conclusions. In general, Russian-Israeli cooperation in the cultural sphere can be characterized as effective, since one can see the dynamics of expanding contacts and strengthening ties at all levels and in all the areas considered. Starting with the normative and legal consolidation of relations, the states moved into an active stage of implementation of the signed agreements in the second decade of the XXI century. By now, development trajectories are being adjusted based on modern challenges. We can talk about finding relations at their highest point for the entire study period, despite the presence of external and internal political problems and disagreements.

Keywords: Russian Federation, State of Israel, cultural and humanitarian cooperation, cultural ties, cultural exchange, science, education, tourism, pilgrimage

For citation: Anisimova, A. P. and Tochenov, S. V. (2022), 'Russian-Israeli relations in 2000—2021: cooperation in the field of culture, science and education', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 45—72 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Культурно-гуманитарное сотрудничество — понятие, включающее в себя широкий спектр межгосударственных отношений; деятельность, направленная на осуществление людьми и организациями совместных мероприятий и программ для достижения взаимопользующих культурных, научных, образовательных и т. п. целей. В российско-израильском диалоге такого типа взаимодействия имеют ключевое значение, поскольку народы

и государства тесно связаны исторически, что позволяет им развивать именно сотруди́ческие отношения по большинству вопросов в культурной и гуманитарной сферах.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами:

— культурно-гуманитарные связи — фундаментальный элемент межгосударственного взаимодействия, отличительной особенностью которого во многом является возможность движения «снизу вверх»: от отношений конкретных людей, отдельных социальных групп, различных слоев общества к отношениям на государственном уровне;

— изучение культурно-гуманитарных отношений России и Израиля представляет интерес для научного анализа и способствует более глубокому пониманию многих «поведенческих» особенностей во взаимоотношениях государств в политической, экономической и социальной сферах, дает возможность прогнозировать развитие общего вектора российско-израильских отношений;

— в России и Израиле проживают широко представленные диаспоры: в Израиле — выходцы из СССР (и России), в России — евреи, проживающие в стране долгие годы и образовавшие в государстве свои общины;

— взаимодействие стран в области культуры, науки и образования в XXI веке недостаточно освещено в научных трудах и чаще всего изучается в рамках общего исследования российско-израильских отношений, а не в качестве отдельно взятой темы.

— в 2021 году Россия и Израиль отмечают тридцать лет с момента восстановления дипломатических отношений. Поэтому культурно-гуманитарная повестка и ее исследование представляет научный интерес.

Постановка вопроса. Цель данного исследования состоит в анализе развития культурно-гуманитарной сферы российско-израильского сотрудничества в 2000—2021 гг.

Цель будет реализована через выполнение следующих задач:

— проанализировать основные направления российско-израильского культурного обмена в сферах искусства, музыки, литературы, кинематографа, театра, туризма и паломничества;

— охарактеризовать научное сотрудничество государств в указанный период;

— изучить развитие отношений России и Израиля в сфере образования;

— представить анализ деятельности и роли организаций, отвечающих за работу в интересующих нас сферах.

Источниковедческий обзор. Эмпирическая база исследования достаточно объемна и представлена несколькими группами источников.

Опубликованные документы включают в себя двусторонние соглашения и меморандумы, касающихся культурно-гуманитарной сферы российско-израильских отношений. Анализ данной группы источников позволил очертить видение российской и израильской политической элитой основных направлений и сфер сотрудничества. Изучение нормативно-правовых актов, представленных федеральными законами, разного рода указами способствовало выявлению юридической основы, на которой строилось российско-израильское взаимодействие, объяснялась логика принятия тех или иных решений. Концептуальные документы представлены разного уровня документами РФ, которые декларируют и очерчивают основной круг деятельности различных организаций или всего государства. В данной связи стоит отметить, что Израиль не публикует доктринальных и концептуальных документов.

Источники личного происхождения представлены интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Израиля в РФ Александра Бен Цви для Интерфакса 21 ноября 2020 г и Открытым письмом Генеральному директору «Уральские пельмени продакшн» Евгению Орлову от 13 января 2021 г. В отличие от документальных публикаций данный тип источников иллюстрирует видение конкретных людей, принимавших участие в процессе развития двусторонних отношений. Он позволяет выявить различные точки зрения, разное видение ситуаций, что важно для работы, несмотря на субъективность представленных мнений.

Материалы СМИ (РИА «Новости», BBC News, Yedioth Ahronoth и др.) дают возможность проанализировать, как протекали различные процессы и явления, увидеть интерпретации одних и тех же событий глазами разных сторон: России, Израиля и третьих стран.

В качестве дополнительных источников были использованы данные статистики и информационно-справочные материалы.

Методология и методы исследования

Методологическая база исследования строится в рамках системного подхода на принципах историзма, причинности и объективности. Основой теоретической базы анализа взаимоотношений двух стран в культурно-гуманитарной сфере являются идеи неореализма (в интерпретации Кеннета Уолтца), которые позволяют проанализировать существующие межгосударственные отношения как некую систему, в которой Россия и Израиль выстраивают взаимодействие. Анализ уходит от рассмотрения исключительно самих государств к системе, среде, которая их формирует.

Говоря о методах исследования, необходимо отметить, что в числе общенаучных необходимым видится использование методов анализа и синтеза, первый из которых применим к рассмотрению отдельных направлений и сфер сотрудничества государств, а второй — обязателен при анализе общих закономерностей в развитии межгосударственных отношений. Методы индукции и дедукции необходимы для систематизации и упорядочивания выявленной в процессе сбора данных информации. Среди основных методов политологических исследований использование количественного контент-анализа обоснованно при изучении документов и соглашений, заключенных сторонами. Метод экспертных оценок полезен для формулирования прогнозов в отношении тенденций и перспектив развития российско-израильских отношений в культурно-гуманитарной сфере. Применение метода количественного анализа статистических данных необходимо для определения уровня развития одной из важных составляющих культурно-гуманитарного сотрудничества — туризма.

Основная часть

Культурный обмен

Культурные связи — важный феномен в развитии межгосударственных отношений, который оказывает существенное влияние на остальные сферы взаимоотношений, поскольку именно он формирует почву и возможности для лучшего понимания менталитета и особенностей обеих сторон, позволяя народам и государствам, имеющим разные корни и культурные традиции, найти точки соприкосновения и заложить основы взаимного уважения отличительных особенностей друг друга.

Культурный обмен оказывает влияние и на экономическую сферу межгосударственных отношений, так как организация и проведение мероприятий в области культуры, науки, образования, открытие разного рода площадок, музеев, а также туризм — все эти направления требуют финансовой поддержки и предоставляют возможность для развития экономических связей.

Изучение культурных связей России и Израиля включает в себя анализ контактов в области литературы, музыки, театра, кинематографа, живописи и т. д.; культурных мероприятий в этих сферах; а также развития туризма и паломничества.

В период после восстановления дипломатических отношений в 1991 г. были подписаны основополагающие договоры в культурной сфере, однако их реализация началась позднее, в начале XXI века.

Одним из ключевых факторов, способствующих культурному обмену, являлось проживание в Израиле большого количества русскоязычного населения, репатриантов, эмигрировавших туда еще в советский период и относительно обширной еврейской диаспоры, живущей в России.

В основе построения культурного обмена лежали положения, закрепленные в Соглашении 1994 г. и действующие по сей день¹. В нем подчеркивалась необходимость развития отношений в различных областях культуры, искусства, образования, молодежных обменов и спорта. Важными направлениями в рамках культурной сферы взаимодействия в документе были выделены: культурный обмен, подразумевающий регулярные приглашения деятелей культуры и искусства, творческой молодежи для учебы в высших художественных учебных заведениях и других учреждениях культуры; совершенствование системы управления в культурной среде путем обмена опытом и специалистами, реализации совместных программ повышения квалификации кадров; контакты между музеями двух стран, проведение выставок,

---

¹ Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль от 25 апр. 1994 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-337/48164 (дата обращения: 01.07.2020).

организация конференций, а также обмен кадрами, информацией и документацией в данной сфере².

В 2000 г. вступило в силу еще одно Соглашение³, после подписания которого в Москве и Тель-Авиве появились организации, координирующие работу по налаживанию связей в сфере культуры.

В настоящий момент внешняя культурная политика России определяется президентом и осуществляется министерством иностранных дел. Ее основные положения закреплены в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2016); документах: «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (2010) и «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами» (2001). Согласно официальной позиции, особая ответственность в деле формирования и проведения внешней культурной политики России лежит на загранучреждениях МИД РФ. В процессе ее реализации МИД активно взаимодействует с неправительственными организациями обеих стран, деятельность которых направлена на развитие внешних культурных связей.

С израильской стороны, культурно-гуманитарное сотрудничество координирует МИД Израиля, в частности, подразделение по научным и культурным связям. В своей деятельности государство также опирается на работу своих заграничных учреждений — Посольства и Консульства Израиля в РФ. Реализация внешних культурно-гуманитарных связей особо активно проводится на уровне культурных центров государств и в рамках диаспорального диалога.

Израильский культурный центр является государственной организацией, подведомственной Посольству Израиля в РФ, и имеет представительства в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске. Деятельность организации затрагивает вопросы, как культурного сотрудничества, так и гуманитарного: мероприятия центра, нацеленные на знакомство с израильской и еврейской

---

² Там же.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 31 окт. 1996 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/ (дата обращения: 01.07.2020).

культурой; содействие в установлении и развитии контактов и сотрудничества между творческими и культурно-просветительскими организациями двух стран, а также в изучении языков; координация культурных мероприятий Израиля в России; оказание поддержки развитию контактов между регионами и городами двух стран в области культурных связей⁴.

В Израиле на базе Консульства РФ открыт Российский культурный центр (РКЦ), который расположен в Тель-Авиве. По средством его деятельности осуществляется основной перечень мероприятий, связанных с русской культурой. РКЦ является отделением Россотрудничества в Израиле, деятельность которого также затрагивает культурно-гуманитарную сферу отношений. Главными задачами деятельности представительства являются: популяризация российской культуры и искусства в Израиле; поддержка изучения и преподавания русского языка; содействие реализации совместных российско-израильских программ в культурной, научно-технической и образовательной сферах⁵.

На базе Центра проводятся концерты российских музыкальных и танцевальных коллективов; творческие встречи с известными российскими деятелями культуры; выставки современных художников; тематические фотовыставки архивных материалов российских музеев; кинопоказы современных российских фильмов; спектакли российских театров для взрослой и детской аудитории.

Благодаря деятельности культурных центров было организовано и проведено множество мероприятий культурного обмена, которые стоит рассмотреть отдельно.

Например, начиная с 2000 г., на протяжении девяти лет в Тель-Авиве проводился фестиваль «Из России с любовью». В нем принимали участие популярные звезды российской эстрады. В 2009 г. фестиваль был отменен по причинам финансового характера, связанным с мировым экономическим кризисом. В рамках других фестивалей и проведения праздничных мероприятий на территории Израиля выступила большая часть знаменитостей российской эстрады. Например, известнейший фестиваль «Песня года», который транслировался по советскому телевидению

---

⁴ Там же.

⁵ О Россотрудничестве: официальный сайт Россотрудничества. URL: <http://rs.gov.ru/ru/about> (дата обращения: 17.08.2020).

с 1971 г. и является по сей день важной составляющей культурной жизни россиян, в 2000 и 2001 гг. проводил свои гастрольные концерты именно в Тель-Авиве. В них участвовали: ВИА «Самоцветы», Ф. Киркоров, Б. Моисеев, Ю. Антонов, А. Пугачева, И. Николаев, И. Крутой, И. Аллегрова, Л. Лещенко и другие⁶.

В период с 2009 по 2020 г. российские артисты регулярно выступали в Израиле в рамках гастрольных туров по миру, но их количество постоянно уменьшалось. Это было связано с усложнением политической обстановки, реакцией на события в Грузии 2008 г., ситуацией на Украине 2014 и последующих лет.

В 2018—2019 гг. в крупных городах Израиля проходили концерты, организованные при участии российского посольства и Российского культурного центра. Они были посвящены поэту Андрею Дементьеву, который в 90-е годы занимал пост главы ближневосточного представительства РТР⁷. Выступали Т. Гвердцители, Зара, М. Тишман и др. В 2020 г. концертная и гастрольная деятельность была поставлена на паузу в связи с пандемией COVID-19, выступления были перенесены.

В 2021 г. в СМИ появилась информация о возможном запрете концертной деятельности звезд российской эстрады в Израиле. Эта инициатива исходила не от государственных структур, а от частной ассоциации актеров «Маген», которая обвиняла актеров и компанию «Уральские пельмени продакшн» в антисемитизме, пропаганде ненависти, расизме, стереотипном и, в свою очередь, разжигающем межнациональную рознь представлении⁸. Причиной этого послужили ролики выступлений артистов, выложенные на платформе YouTube, с представленными в них сатирическими скетчами про евреев и комментарии под ними. «Маген» собиралась добиться запрета на въезд 50 деятелей российской эстрады и актеров, в том

---

⁶ Песня года: форум. URL: <http://pesnyagoda.frmbb.ru> (дата обращения: 22.03.2019).

⁷ В Израиле проходят концерты, посвященные поэту Андрею Дементьеву // Rambler News. 2019. 8 апр. URL: https://news.rambler.ru/other/42001595/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copyli (дата обращения: 22.03.2019).

⁸ Открытое письмо Генеральному директору «Уральские пельмени продакшн» Евгению Орлову от 13 янв. 2021 г. URL: <https://www.hamagen.org.il/требование-к-уральским-пельменям/> (дата обращения: 08.02.2021).

числе и тех, кто имел еврейские корни. Подобные случаи не указывают на ухудшение российско-израильского культурного обмена в целом, но иллюстрируют усложнение ситуации.

Концерты и выступления популярных звезд израильской эстрады в России на регулярной основе не проводятся. Это связано с тем, что иврит и идиш не популярны в России так, как русский язык в Израиле. Кроме того, современные израильские исполнители более ориентированы на англоговорящую аудиторию, поскольку развитие в этом направлении может гарантировать большие карьерные перспективы для творческого развития. Но все-таки гастролы были, среди них — концерты Даниэля Большого, израильского гитариста мирового масштаба, в Москве в 2009⁹ и рок-группы The Ultras в 2013 г.¹⁰

Культурный обмен в сфере кинематографа также активен. Удалось выделить несколько направлений его развития: русскоязычный и российский кинематограф; еврейское кино; израильские кинофильмы.

Первое направление развивается стабильно, поскольку пласт русскоязычных репатриантов в Израиле создает спрос на показ подобного контента. На базе РКЦ регулярно проводятся кино вечера, на которых желающие могут приобщиться к русской культуре, просматривая как старые советские киноленты, так и новинки российского кинематографа. Например, в 2009 г. в рамках очередного фестиваля «Русское кино» состоялись творческие вечера режиссеров Ю. Норштейна и В. Пендраковского¹¹. В рамках того же фестиваля состоялся показ классики советской мультипликации: «Ну, погоди!», «Трое из Простоквашино», «Приключения кота Леопольда»¹².

---

⁹ Концерт Даниэля Большого в Москве: новости культурного центра Израиль. 15.12.2009 // Израиль для Вас: официальный сайт «Натив». URL: <http://il4u.org.il/moscow/news/koncert-danielya-bolshogo#more-1272> (дата обращения: 02.05.2019).

¹⁰ Концерт The Ultras: новости культурного центра Израиль. 13.12.2013 // Израиль для Вас: официальный сайт «Натив». URL: <http://il4u.org.il/moscow/news/xanuka-svershilos-2#more-4469> (дата обращения: 02.05.2019).

¹¹ Израильцы хотят смотреть российские фильмы: новости. 16.12.2009 // Русский мир: информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/news/17960/> (дата обращения: 07.02.2021).

¹² Там же.

Кроме подобных мероприятий, израильтяне могут посмотреть большинство новинок российского кино в городских кинотеатрах, фильмы показываются в английской озвучке, либо с субтитрами на иврите.

«Еврейское кино» (художественные, документальные, короткометражные и анимационные фильмы, посвященные тематике еврейской культуры, истории еврейской диаспоры, их национальной идентификации и современной проблематике еврейства) в рамках российско-израильского обмена играет важную роль. В России оно транслируется в рамках Московского еврейского кинофестиваля, который проходит ежегодно с 2015 г.

Израильский кинематограф ежегодно представлен в России на «Фестивале израильского кино», который в 2021 г. состоится в 19-й раз. Мероприятие организуется московским кинотеатром «Пионер» совместно с Посольством Израиля в России. На фестивале ежегодно транслируются премьеры работ, снятых израильскими режиссерами¹³.

Сфера литературы также активно проявляет себя в рамках культурного обмена России и Израиля. За годы репатриации в Израиле выросло поколение, не говорящее на русском языке, но имеющее русские корни. Их родители воспитывались на произведениях русской (советской) литературы и хотят делиться своим опытом с молодежью.

Начиная с 2002 г., на Московской международной книжной выставке-ярмарке стала выставляться литература Израиля. В 2008 г. было решено выставлять и переводы русской литературы на иврит. В Израиле издаются Пушкин, Достоевский, Гоголь, Замятин, Булгаков, Чехов, Набоков, Бунин, Шаламов и др., а также классическая и современная поэзия. Переводами занимаются бывшие репатрианты, заинтересованные в сохранении наследия русской литературы¹⁴.

Частью межкультурного обмена в литературной сфере также являются сочинения еврейских авторов, книги по иудаике,

---

¹³ 19-й фестиваль израильского кино: официальный сайт «Пионер Кинотеатр». URL: <https://pioner-cinema.ru/event/19-j-festival-izrailskogo-kino/> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁴ Михайлова М. Народ книги // Алеф: ежеквартальный международный еврейский журнал. 2008. 2 окт. URL: <http://www.alefmagazine.com/pub1574.html> (дата обращения: 22.02.2019).

истории еврейского народа и иудаизма, большинство которых написаны на иврите и идише. Благодаря работе нескольких организаций, появилась возможность перевода данных работ на русский язык и их распространение, которое полезно и значимо не только для русскоязычной части еврейской диаспоры, желающей изучить свои корни, но и для россиян, которые хотят познакомиться с историей и культурой другого народа из первоисточников. Наиболее значимую роль в подобном обмене в России играют три организации: издательство «Гешарим / Мосты культуры», издательство «Яхад» и издательский дом «Книжники». Благодаря их работе у русскоязычной аудитории есть возможность изучать историю евреев, в т. ч. русской еврейской диаспоры, и знакомиться с современным творчеством, которое отражает культурные ценности евреев, что положительно влияет на межкультурный диалог двух народов.

Театр, как зрелищный вид искусства, синтезирующий в себе литературу, музыку, хореографию, вокал и др., также является частью культурного обмена, имеющего глубокие исторические корни. Два театра в Израиле были образованы благодаря советским репатриантам: национальный театр «Хабима» и театр «Гешер». Второй долгое время был официально двуязычным, все постановки игрались и на русском, и на иврите. Гастрольный обмен в театральной сфере проводится на регулярной основе. Так, израильский театр «Гешер» приезжал в Россию за последние годы семь раз¹⁵. «Хабима» приезжал с постановками в Театр Вахтангова в 2018 г.¹⁶

Созданный в 2014 г. некоммерческий негосударственный фонд «Mart» способствует развитию культурного обмена России и Израиля. Цель и миссия фонда состоит в продвижении и распространении русской культуры за рубежом¹⁷. Организация провела первые гастроли театра «Гоголь-Центр» в Израиле, фестиваль современной хореографии «Context. DianaVishneva» в Тель-Авиве.

---

¹⁵ האתר הרשמי של תיאטרון גשר. URL: <https://www.gesher-theatre.co.il/he/home/a/main/> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁶ Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Израиля в РФ Александра Бен Цви для агентства «Интерфакс» от 21 нояб. 2020 г. URL: <https://www.interfax.ru/interview/737976> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁷ О фонде: официальный сайт Фонда «Mart». URL: <https://mart.foundation> (дата обращения: 13.05.2021).

На первом фестивале «Mart» состоялся показ спектакля «Пьяные» (БДТ им. Товстоногова), премьеры постановок театра современной хореографии «Провинциальные танцы», театра Р. Габриадзе, концерты К. Рихтера, В. Мартынова и ансамбля «OPUS POSTH», гастрольи театра имени Вахтангова со спектаклем «Наш класс», а также балета «Пахита» театра «Урал Опера Балет» в Национальном театре «Хабима»¹⁸, музыкальный спектакль «Наша Алла» компании «Гоголь-Центр» в театре «Гешер»¹⁹.

В рамках российско-израильского обмена основное внимание уделяется репрезентации и сохранению наследия культуры диаспор. В России действует несколько музеев, посвященных еврейской культуре, среди наиболее значимых — Еврейский музей и центр толерантности, Музей истории евреев в России.

Еврейский музей и центр толерантности включает в себя постоянную экспозицию, посвященную истории еврейской общины в России с середины XVIII в. до наших дней и постоянно обновляющиеся временные выставки, на которых представляется широкий спектр культурного наследия еврейской диаспоры разных лет, современное израильское искусство.

Музей истории евреев в России занимается реконструкцией картины еврейской жизни на территории Российской империи и СССР во всем многообразии ее культурных, социальных и политических форм. В нем представлены документы по истории еврейского образования и Хаскалы, артефакты светской культуры, музыки и литературы на идише и иврите.

В российских музеях и галереях, в рамках международного музейного взаимодействия, регулярно проводятся выставки израильских художников, скульпторов, коллекционеров.

Русская культура в Израиле представлена в Музее русского искусства. Его коллекция включает в себя работы представителей Серебряного века: В. Серова, Л. Бакста, А. Бенуа, Н. Гончаровой, М. Волошина.

---

¹⁸ «Урал Опера Балет» и «Провинциальные танцы» едут на фестиваль в Тель-Авив: новости 26.10.2019 // Балет 24. URL: <http://balet24.ru/?tag=фестиваль-m-art> (дата обращения: 13.05.2021).

¹⁹ Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Израиля в РФ Александра Бен Цви для агентства «Интерфакс» от 21 нояб. 2020 г.

Долгие годы в Израиле стоял остро вопрос об отсутствии культурной репрезентации русскоязычной диаспоры. В 2021 г. ситуация сдвинулась с мертвой точки: планируется открытие Центра наследия евреев СССР. В нем будут представлены отделы, посвященные достижениям советских евреев в науке, искусстве, спорте; вкладу русскоязычной диаспоры в создание и развитие Израиля.

Культурный обмен России и Израиля, как межгосударственное сотрудничество, проявляет себя и в виде взаимной организации «Дней Москвы» в Израиле и «Дней Иерусалима» в Москве. Первые «Дни Москвы» в Израиле открылись торжеством в театре «Гешер» в Тель-Авиве в 2013 г. В их рамках состоялись переговоры, деловые партнерские встречи представителей московской делегации с израильскими специалистами и представителями местных бизнес-кругов и «круглые столы». В 2017 г. в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе и Нетании прошли вторые «Дни Москвы»²⁰.

В сентябре 2017 г. в рамках организации «Дней Иерусалима» в Москве прошел культурный фестиваль на площадке Музея Москвы на Зубовском бульваре. Он был нацелен на ознакомление россиян с культурой и искусством Иерусалима, дальнейшее развитие сотрудничества и укрепление взаимопонимания между двумя городами. Прошли выступления израильской джаз-группы «Маджаул», ярмарка израильской кухни при участии торговцев популярного рынка Иерусалима «Махане Иегуда», уроки от знаменитых шеф-поваров Иерусалима, показ мод, совместный проект хореографа М. Либман-Шарон, видеохудожника Я. Нирель и доктора наук О. Бенни, изучающих синтез нанотехнологий и видеоарта, фото-выставка «Люди Иерусалима»²¹.

Мероприятия, в большинстве своем, носили культурно-образовательный характер и не были связаны с исторической памятью. Израиль преподносился как интересная восточная страна с особой культурой, открытой для ознакомления. Тогда как

---

²⁰ В Израиле стартовали Дни Москвы: официальный сайт мэра Москвы. 25.04.2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/29045073/> (дата обращения: 13.05.2021).

²¹ В Москве пройдут Дни Иерусалима: официальный сайт мэра Москвы. 08.09.2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/29045073/> (дата обращения: 07.02.2021).

в Израиле в ходе фестиваля образ Москвы и России был представлен как «старый близкий родственник», объединенный с Израилем общими ценностями и памятью. Возможно, это связано с реальным существованием феномена «русского Израиля» и отсутствием такового в России.

За двадцать один год российско-израильский культурный обмен прошел путь от своего концептуального закрепления и создания ответственных за него организаций до полноценного и стабильно развивающегося сотрудничества.

Туризм и паломничество

Туризм играет важную роль не только в экономическом развитии государства, но и в качестве инструмента межкультурного обмена, поскольку туристическая привлекательность опирается на аутентичность местной культуры и ее историю.

Как часть культурной сферы сотрудничества России и Израиля, туризм занимает отдельное и значимое положение. За последние двадцать лет привлекательность Израиля для российских туристов повысилась, что можно считать результатом сочетания нескольких факторов.

В начале 2000-х Израиль как туристическое направление, за исключением религиозного туризма, не имел высокой привлекательности для россиян. Это можно было связать и со сложной внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуацией в самом Израиле, и с невысоким уровнем международного туризма в России. В 2001—2003 гг. из-за политических событий, связанных с началом Второй Интифады (вооруженного восстания палестинских арабов против израильской власти на территории Западного берега реки Иордан и Сектора Газа), на туристическом рынке наблюдался значительный спад. По официальным данным в 2000 г. в страну въехало 36 тыс. российских туристов, в 2001 — 55 тыс., в 2002 — 37 тыс. человек²². До 2008 г. въезд в Израиль для российских граждан был возможен только при наличии

---

²² לישראל — תיירות ושירותי הארחה — מספר 54. Услуги по туризму и размещению — Статистический отчет Израиля 2003. № 54. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2006/23.shnaton%20tourism%20and%20hotels/st23_05.xls

вездной визы, что являлось дополнительным барьером для увеличения уровня туристического потока.

В 2008 г. вступило в силу российско-израильское соглашение о безвизовом режиме поездок граждан²³. Ожидалось, что это значительно повысит привлекательность Израиля для российских туристов. Турпоток из России действительно вырос на 84 %, достигнув 356 тыс. в 2009 г. Наибольшее число россиян, посетивших Израиль, было зафиксировано в 2014 г. — 361 тыс. Израильская сторона активно занялась привлечением российского турпотока на фоне событий, связанных с запретом авиасообщения России и Египта в конце 2015 г. Министерство туризма Израиля направило 6 млн. долларов на соответствующие мероприятия, основная часть которых была направлена на взаимодействие с российскими туроператорами²⁴.

Несмотря на позитивные моменты в развитии сотрудничества в сфере туризма и на принятие с 2016 г. трехгодичной программы совместных действий между Министерством туризма Израиля и Федеральным агентством по туризму России²⁵, в 2017—2019 гг. участились случаи массовых отказов российским туристам во въезде в Израиль и их последующая депортация. Принимающая сторона была озабочена излишним притоком желающих нелегально иммигрировать к ним в страну. По мнению израильских властей, россияне стали чаще обращаться за политическим убежищем, однако делали это не из политических, а экономических соображений. Все больше граждан РФ, пользуясь безвизовым режимом, приезжают в страну, а затем оформляют запрос на убежище и на время его рассмотрения получают возможность работать. Эти заявления нельзя назвать беспочвенными.

---

²³ Отменен визовый режим между Россией и Израилем // Российская газета. 2008. 21 марта. URL: <https://rg.ru/2008/03/21/israil-anons.html> (дата обращения: 16.05.2019).

²⁴ Израиль вложит \$6 млн в привлечение туристов из России // Коммерсантъ. 2015. 14 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/2854693> (дата обращения: 08.02.2021).

²⁵ Двусторонние отношения: Россия — Израиль: официальный сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/il/?currentpage=main-country> (дата обращения: 21.08.2020).

Ответные действия российской стороны были зеркальными, там стали депортировать израильских граждан. Десять туристов, прилетевших в Москву в феврале 2020 г., были высланы. Проблема существует, однако в целом российско-израильский туристический обмен развивается в позитивном ключе.

Отдельной и значимой частью турпотока в Израиль является религиозное паломничество в Иерусалим и иные Святые места, находящиеся на территории государства. Оно проходит как в рамках организованных туров (часть из которых курирует РПЦ), так и в порядке индивидуальных визитов. Ежегодно тысячи россиян приезжают в Израиль в основном в праздничные и значимые для православия даты. Израильская сторона всячески поддерживает данные инициативы, поскольку они приносят экономические выгоды государству. По данным Русской духовной миссии в Иерусалиме, основными местами посещения для паломников на Святой Земле являются: Храм Рождества Христова и пещера Иосифа в Вифлееме; гора «Нагорной проповеди» в Капернауме; монастырь кармелитов близ Нетании и Хайфы; храм и гробница Георгия Победоносца в Лидде; церковь святого Петра и часовня Тавифы в Яффе; храм Благовещения в Назарете и конечно Иерусалим.

2020 г. внес свои коррективы и приостановил многие инициативы в сфере культурного обмена, в особенности туризма и паломничества. Пандемия COVID-19 привела к закрытию границ и авиасообщения. Израиль был одним из первых, кто еще до локдауна ввел ограничительные меры для приезжающих — обязательный 14-дневный карантин²⁶.

В исследуемый период, сфера туризма развивалась наименее стабильно относительно остальных. При росте турпотока, позитивных моментов, касающихся постепенной отмены визовых ограничений, периодически возникают проблемы, носящие как внутри-, так и внешнеполитический характер, мешающие стабильному развитию данной сферы. В меньшей степени данные дестабилизирующие факторы влияют на паломнические миссии.

---

²⁶ הנחיות לנכנסים וליוצאים ממדינת ישראל. משרד הבריאות: официальный сайт Министерства здравоохранения Израиля. URL: <https://www.gov.il/he/departments/guides/flying-to-israel-guidelines> (дата обращения: 01.04.2021).

Взаимодействие в сфере науки

Развитие научного сотрудничества — одно из ключевых стратегических направлений в рамках двусторонних отношений государств по многим причинам, среди которых:

— тесная связь данной области с новациями в военно-технической сфере, что сближает науку с вопросами национальной стабильности и безопасности и повышает ее значимость для государства;

— результаты научного сотрудничества могут проявляться в виде готовых продуктов и технологий, продажа которых позитивно сказывается на экономическом развитии стран, принимающих участие в их разработке;

— объединение усилий, ресурсов и потенциалов позволяет повысить конкурентоспособность отдельно взятого актора на международной арене;

— обмен научным опытом и квалифицированными кадрами способствует развитию уровня развития и культуры общества.

Концептуальные документы, которые заложили основы сотрудничества в различных областях науки²⁷, объединяет прикладной характер предметов исследований, которые в них оговариваются. Т. е. научное сотрудничество России и Израиля можно охарактеризовать как прагматичный и практичный план создания совместных разработок, которые в будущем можно будет вывести на мировой рынок. Основными направлениями российско-израильского партнерства были: сотрудничество в космической области, сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, медицины, агро и нанотехнологий.

---

²⁷ «Меморандум о взаимопонимании между Российским космическим агентством и Израильским космическим агентством» (1994); «Меморандум о сотрудничестве в области науки, технологии и промышленных инноваций» (2006); «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль о сотрудничестве в области промышленных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ» (2010), «Программа сотрудничества между Правительством РФ и Правительством Государства Израиль в области образования, науки и молодежной политики на 2020—2023 гг.» (2020) и др.

Основы российско-израильского научного сотрудничества в космической области были заложены еще в конце XX в. В рамках его реализации в 2000 г. российской ракетой был выполнен запуск израильского спутника «ЭРОС-А1», в 2003 — «Амос-2», в 2006 — «ЭРОС-В1».

Помимо космической сферы, проводилась активная работа по созданию механизмов совместного финансирования и продвижения проектов научных исследований и разработок. В частности, в конце 2005 года на базе Российской государственной академии инноваций был учрежден «Центр научно-технического и инновационного сотрудничества России и Израиля», в 2006 между Роснаукой и Научно-исследовательским центром израильской промышленности был подписан «Меморандум о сотрудничестве в области науки, технологии и промышленных инноваций»²⁸, в рамках реализации которого Израиль инвестировал в развитие российских инновационных технологий.

В период 2006—2008 гг. хозяйственный уклад Израиля перестраивался в русле поощрения промышленных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР). При этом целью являлось формирование в стране экономики инноваций, способной обеспечить Израилю лидирующие позиции в мире в области высоких технологий [Марьясис, 2016: 88—89]. В то же время выпуск технически сложной и наукоемкой продукции требовал совместных усилий, объединения капиталов стран, международной производственной кооперации, что также способствовало дальнейшему углублению и научных, и экономических связей с РФ²⁹. Сотрудничество между Россией и Израилем в области НИОКР являлось обоюдно выгодным, так как в перспективе позволяло значительно расширить рынки сбыта продукции инновационных технологий обеих стран. Ориентация на экономику инноваций, а также координирование усилий России

---

²⁸ Россия и Израиль: перспективы экономического сотрудничества // Альянс Медиа. 2008. 19 мая. URL: http://businesspress.ru/newspaper/article_mId_6231_aId_448898.html (дата обращения: 01.04.2021).

²⁹ Пути расширения сотрудничества обсудили на форуме «Израиль — Россия» в Москве: официальный сайт мэра Москвы. 29.09.2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/30137073/> (дата обращения: 06.04.2020).

и Израиля в области высоких технологий имели положительные результаты. Уже в 2011 г. в рамках соглашения между российским инновационным центром «Сколково» и израильской компанией «Ariel R&D» был запущен проект «Israel-Skolково Gateway», целью которого было содействие сотрудничеству в области коммерциализации инноваций. Это предполагало подготовку проектов, а также создание международных стартап-компаний на основе российских и израильских инновационных технологий в целях привлечения финансирования и продвижения технологий в обеих странах и на глобальном рынке. В рамках проекта была налажена программа стажировок для научных кадров, в ходе которой, например, ученые физики, математики, экономисты и историки посетили в декабре 2012 г. ряд вузов Израиля, а также Хайфский порт и парк высоких технологий «Матам»³⁰.

При правительственной поддержке обеих стран был создан Российско-израильский центр агротехнологий, действующий с 2013 г. на территории Российского государственного аграрного университета им. К. А. Тимирязева в Москве. Однако он незначительно продвинулся в своей деятельности в силу привлечения недостаточного объема инвестиций³¹. Планируется создание еще одного демонстрационного центра израильских агротехнологий. Российская компания «Протеин Кормбиотех Исследования» и израильская Aquamaof разработали и внедрили технологию и установку для производства одного из самых дорогих компонентов в кормах для аквакультур — астаксантина³².

---

³⁰ Israel — Skolkovo Gateway проводит тренинг для ученых из Нижнего Новгорода // IT Business Week. 2012. 2 дек. URL: <http://itbusinessweek.com/israel-skolkovo-novgorod/> (дата обращения: 09.02.2021).

³¹ Приходько Н. Маленький Израиль заменит России Турцию с Голландией // Rambler.ru. 2016 12 февр. URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/32759040-malenkiy-izrail-zamenit-rossii-turtsiyu-s-gollandiy/> (дата обращения: 14.03.2021).

³² Россия и Израиль начали новый отбор проектов по промышленным НИОКР // Ведомости. 2020. 20 июл. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2020/07/16/rossiya-i-izrail-nachali-novii-otbor-proektov-po-promishlennim-niokr (дата обращения: 14.03.2021).

Сотрудничество в сфере НИОКР продолжается и по сей день. В июле 2020 г. был дан старт приему заявок по совместной проектной деятельности и научных разработок РФ и Израиля при поддержке Фонда инфраструктурных и образовательных программ Группы РОСНАНО и Агентства по инновациям со стороны Государства Израиль³³.

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) так же активно занимается развитием научного взаимодействия с Израилем. В рамках сотрудничества организации с Министерством науки и технологии Израиля в 2018 г. был дан старт приему заявок на конкурс проектов фундаментальных исследований на 2019—2021 гг.³⁴

Научные связи России и Израиля проявляют себя во взаимодействии высших учебных заведений и исследовательских центров. Наиболее активный диалог на регулярной основе с Израилем имеют те вузы, в которых существуют научные центры, занимающиеся ближневосточной проблематикой. Среди них можно выделить: секцию исследований Ближнего Востока Школы востоковедения НИУ ВШЭ; Центр ближневосточных исследований МГИМО; Ближневосточный клуб ФМП МГУ. Многие региональные вузы контактируют с израильскими коллегами в рамках договоров о научном сотрудничестве.

Важной платформой для научного сотрудничества России и Израиля является Фонд поддержки и развития еврейской культуры, традиций, образования и науки. Организация выступает в качестве спонсора научных исследований, организатором международных научных конференций, дискуссий, встреч, круглых столов³⁵. У многих общественных организаций, включенных в развитие межкультурных связей РФ и Израиля, действуют научно-исследовательские отделы. Особенностью их является нахождение на стыке еврейской культуры и культур народов СССР,

---

³³ Там же.

³⁴ Гранты: официальный сайт РФФИ. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/contest/n_812/o_2080016 (дата обращения: 14.03.2021).

³⁵ О фонде: официальный сайт Фонда поддержки и развития еврейской культуры, традиций, образования и науки. URL: <http://jewishfund.ru/about/> (дата обращения: 02.03.2021).

поэтому их реализация зависит от сотрудничества ученых из Израиля и России. Активно научно-исследовательской деятельностью занимаются упомянутые выше организации «Гишрей Тарбут» и «Мосты культуры». Основной целью их исследований является формирование архива российского еврейства, в котором собраны документы, свидетельства, книги и прочие материалы о еврейской культуре в бывшей Российской империи. Среди организаций, сотрудничающих по данному проекту, можно выделить: Еврейский университет в Москве, Институт иудаики и еврейской цивилизации в Санкт-Петербурге, Институт стран Азии и Африки МГУ, Российский центр «Холокост» в Москве, Центр изучения еврейской цивилизации в Москве, Центр Чейза по развитию иудаики на русском языке Еврейского университета в Иерусалиме и другие научно-исследовательские институты Израиля и России. Данный список иллюстрирует включенность обеих сторон в развитие проекта.

Подводя итог, стоит отметить, что научное сотрудничество России и Израиля во многом носит прикладной характер и плотно завязано на экономических выгодах. Основные сферы сотрудничества, НИОКР и медицина, направлены не только на научные разработки, но и на последующее их применение и распространение. Если на начальном этапе сотрудничества России были необходимы израильские технологии и квалифицированные кадры, а Израилю — инвестиции, то к 2021 г. виден сдвиг к общим разработкам и взаимным выгодам сторон.

Образование

Образование — неотъемлемая часть культуры. В рамках двусторонних отношений государств стоит говорить о трех направлениях исследования: изучении организации образовательного процесса для диаспор и общин, проживающих на территории государств; сотрудничестве между образовательными учреждениями двух государств; об образовательных инициативах, объединяющих россиян и евреев, направленных на изучение истории Холокоста. Связи России и Израиля в области образования — одно из развивающихся направлений в двустороннем диалоге государств. Сотрудничество в данной сфере подразумевает взаимодействие на нескольких уровнях: государственные

и правительственные контакты с целью заключения договоров о сотрудничестве; контакты между университетами и отдельными образовательными программами; обмен культурными послами, приглашение их к чтению лекций на базе университетов и иных образовательных организаций и др.

Отношения России и Израиля в области образования на высшем уровне до недавнего времени регулировались только Соглашением 1994 г.³⁶ Сотрудничество государств виделось необходимым для укрепления взаимного доверия, межкультурного взаимодействия, координации усилий по усовершенствованию образовательных технологий и общих инициатив в научно-образовательной сфере. Для координации выполнения заявленных действий была создана Совместная Комиссия, судить об эффективности которой достаточно сложно.

Первые подвиги в сотрудничестве появились только в начале 2000-х. Получение высшего образования израильянами в России выглядит следующим образом: каждый год выделяется квота на обучение израильских студентов за счет средств федерального бюджета. Последние годы эта цифра равна 60 местам, увеличившись в два раза с 2010 г.³⁷ Традиционно около 80 % приезжающих на учебу в Россию израильских студентов — граждане Израиля арабского происхождения, остальные — дети выходцев из СССР, в редких случаях — израильяне-сабры, не имеющие русских корней. Самыми популярными специальностями являются: лечебное дело, юриспруденция и различные направления IT-сферы. Поступление проходит на конкурсной основе, отбор в три этапа, обучение студентов проводится на русском языке.

По данным Минобрнауки России, в 2020—2021 учебном году в российских вузах обучается 591 израильский студент. Данных о количестве иностранных граждан, обучающихся в Израиле, нет. Это может быть связано с тем, что российские

---

³⁶ Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования...

³⁷ Глава РКЦ в Израиле рассказал об отборе кандидатов на учебу в России // РИА-Новости. 2020. 27 мая. URL: <https://ria.ru/20200527/1572038680.html> (дата обращения: 02.12.2020).

структуры указывают статистику, связывая данные с количеством выделяемых государственных квот на обучение иностранцев. Тогда как в Израиле такой необходимости нет, поскольку поступление россиян в высшие учебные заведения Израиля не финансируется государственным бюджетом, так как все высшее образование имеет коммерческую основу.

Российские студенты для поступления сдают психометрический тест, подтверждают уровень знания английского и/или иврита и поступают на общей конкурсной основе. Для репатриантов процедура многим упрощается, для них существует программа финансирования, благодаря которой государство покрывает 30—50 % ежегодных выплат учебному заведению, доступны курсы по ивриту и психологической адаптации, упрощенное обучение и облегченная сдача экзаменов. Данный факт показывает большую заинтересованность в привлечении евреев к переезду в Израиль, нежели обучение иностранных студентов-неевреев.

У российских студентов есть возможность получения международного диплома после прохождения стажировки в Израиле. Многие стажировки курируются программой МАСА, обучение длится от полугода до года и проходит по следующим специальностям: медицина; средства коммуникации; мультимедиа; менеджмент и маркетинг; инженерия. Однако важно заметить, что и в этом случае стажировки относятся к студентам, имеющим еврейское происхождение, что возвращает нас к тезису о заинтересованности Израиля в репатриантах.

Стоит обратить внимание, что, несмотря на заявления сторон о необходимости рассмотрения вопроса взаимного признания дипломов об образовании, проблема не решена, и обеим сторонам все еще приходится проходить длительную процедуру нострификации.

Важной подвижкой в развитии сотрудничества в сфере образования является подписание в декабре 2020 г. «Программы сотрудничества между Правительством РФ и Правительством Государства Израиль в области образования, науки и молодежной политики на 2020—2023 гг.». Данный документ конкретизирует и дополняет предшествующее Соглашение 1994 г. Оценивая интенсивность и результативность межвузовского сотрудничества России и Израиля, стоит отметить, что за 20 лет было налажено

взаимодействие между 53 университетами и научными организациями России и 40 организациями Израиля. В 2021 г. действуют 72 документа о сотрудничестве [Федорченко, Марьясис, 2006].

Нельзя обойти стороной и аспект религиозного образования. На территории РФ открыты и действуют множество образовательных учреждений для иудеев и евреев. Среди наиболее известных стоит отметить Еврейский университет. На территории РФ также действует пять высших религиозных учебных заведений (иешив), большое количество общеобразовательных и воскресных школ, молодежных клубов и детских садов. Члены еврейской диаспоры могут получать не только светское, но и религиозное образование на территории РФ, не испытывая ущемления.

Необходимо также упомянуть образовательные проекты на территории Израиля. «Таглит» — проект, который представляет собой тур в Израиль на десять дней для молодежи с еврейскими корнями от 18 до 26 лет. Тур бесплатный, поскольку он является подарком «по праву рождения» для всех участников³⁸.

Религиозное образование русскоязычного населения в Израиле тоже существует. Образовательные программы реализуются при поддержке РПЦ. На данный момент действует воскресная школа для взрослых при Троицком соборе в Иерусалиме. Церковную школу при Горненском монастыре в форме субботних занятий после богослужения могут посещать дети в возрасте от 4 до 15 лет, сопровождаемые родителями. Сестры монастыря проводят занятия по основам православной культуры, пению, а также занимаются с детьми рукоделием и учат их домоводству. Одной из самых современных является школа на подворье святой Тавифы, которая была создана в 2011 г. В 2018 г. состоялся первый выпуск учеников, окончивших семь классов. Церковная школа на подворье святого пророка Илии в Хайфе была открыта в 2012 г. При ней действует театральный факультатив для прихожан. В целом, образовательная деятельность РДМ в Иерусалиме направлена на детей эмигрантов из стран бывшего Советского Союза, как прибывших в страну, так и родившихся непосредственно в Израиле, Палестине и Иордании.

---

³⁸ Проекты: сайт Еврейского агентства для Израиля. URL: <http://archive.jewishagency.org/ru/> (дата обращения: 20.12.2020).

В рамках функционирования Российского культурного центра в Тель-Авиве реализуются программы по изучению русского языка и русской культуры.

Динамика развития сотрудничества в сфере образования видится в большей степени позитивной и активной. Начиная с 2000 г., Россия и Израиль плавно наращивают количество прямых межвузовских контактов; число выделенных квот на обучение в России израильтян не уменьшается, образование пользуется спросом среди израильтян, имеющих исторические корни в России. К 2021 г. заметны шаги обеих сторон к укреплению и расширению связей, о чем говорит заключение новых программ сотрудничества в сфере образования между государствами.

Заключение

В целом, российско-израильское сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере можно охарактеризовать как эффективное, поскольку действительно видна динамика расширения контактов и укрепления связей на всех уровнях и по всем рассмотренным направлениям. В 2000 г. Россия и Израиль, уже девять лет как восстановившие дипломатические отношения, находились на низком уровне реального взаимодействия. Но, начав с концептуального закрепления отношений, к 2010-м перешли в активную стадию реализации соглашений. В настоящее время траектории развития корректируются исходя из современных вызовов, можно говорить о нахождении отношений на своей высшей точке за весь исследуемый период, несмотря на существование внешне- и внутривосточных проблем и разногласий. Деятельность по реализации различных программ концептуально закрепленных направлений культурно-гуманитарного сотрудничества проходит в рамках взаимодействия государственных институтов, прежде всего, Министерств иностранных дел России и Израиля. Однако особенностью культурно-гуманитарных связей является возможность их продвижения «снизу вверх», что подразумевает инициативное участие в процессе не только государственных структур, но и заинтересованных общественных организаций, диаспор и их отдельных представителей.

Список источников

- Марьясис Д. А.* Макроэкономическое планирование в Израиле // Восточная аналитика. 2016. № 3. С. 83—95.
- Федорченко А., Марьясис Д.* Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия // Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО — Ун-т, 2006. Вып. 7, октябрь 2006. 71 с.

References

- Fedorchenko, A. V. and Maryasis, D. A. (2006), *Nauchno-issledovatel'skii kompleks Izrailia i Rossii: vozmozhnosti vzaimodeistviia: analiticheskie doklady* [Research complex of Israel and Russia: opportunities for interaction: analytical reports], iss. 7, *Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (universitet)*, Moscow, Russia.
- Maryasis, D. A. (2016), 'Macroeconomic planning in Israel', *Vostochnaia analitika* [Eastern Analytics], no. 3, pp. 83—95.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 09.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 09.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторах / Information about the authors

А. П. Анисимова — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

С. В. Точенов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

A. P. Anisimova — post-graduate student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

S. V. Tochenov — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

**ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**PERSONALITY IN THE DISCOURSE
OF INTELLIGENTSIA STUDIES**

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 73—99.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 73—99.

Научная статья

УДК 94(37).08

DOI: 10.46725/IW.2022.1.4

**АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ПЛАТОНОВСКИЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ
В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV ВЕКА**

Дмитрий Валериевич Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка рассмотреть творчество языческого историка IV в. Аммиана Марцеллина через призму платоновской философии. Ни зарубежная, ни отечественная историография, при всей ее обширности, не анализировала сколько-нибудь подробно вопросы влияния на историка платоновской и неоплатоновской философии, чрезвычайно популярной в эпоху поздней Римской империи. Основная задача нашего исследования заключается в том, чтобы проследить влияние платоновского философского наследия в историческом произведении Аммиана Марцеллина «Res Gestae», тем более что он практически единственный из всех языческих историков IV в., который подробно описывает свои философские взгляды. Следует отметить, что Аммиан Марцеллин — это тот историк, который привлекает платоновскую философию не для своеобразного «украшения» своего текста. Он, без сомнения, прекрасно разбирается в ней, ее основных положениях и понятиях и с их помощью, тем самым, «усиливает» свои

размышления и многочисленные отступления. Аммиан, вне всякого сомнения, знает центральное понятие всей платоновской философии — учение об идеях. На основе этого в «Res Gestae» присутствует довольно развернутая концепция, базирующаяся на трудах Платона и Плотина, о круговороте, перерождении души человека согласно закону Адрастеи. Аммиан правильно понимает, что звезды — это то место, где обитает душа до своего воплощения в материальный, чувственный мир. И, наконец, историк достаточно точно излагает представления об индивидуальных духах-покровителях человека, даэмонах, дающихся ему с самого рождения. Особо следует отметить образ императора Юлиана, одного из центральных персонажей всего произведения. Основные положения философии Платона и Плотина встречаются именно в тех местах текста «Res Gestae», где речь идет о характеристике этого правителя, тем самым раскрывается и без того убедительный образ императора как приверженца и ревнителя исключительно языческих взглядов. Поэтому все вышеперечисленные факты, бесспорно, выдают в Аммиане Марцеллине автора, цитирующего и упоминающего философов-платоников не хаотично и беспредметно, а с глубоким пониманием смысла этого цитирования.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Платон, Сократ, Плотин, Олимпиодор, Юлиан, поздняя Римская империя, платонизм, неоплатонизм

Для цитирования: *Кареев Д. В.* Аммиан Марцеллин и платоновский интеллектуализм: история и философия в поздней Римской Империи IV века // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 73—99.

Original article

AMMIANUS MARCELLINUS AND PLATO'S INTELLECTUALISM: HISTORY AND PHILOSOPHY IN THE LATE FOURTH-CENTURY ROMAN EMPIRE

Dmitry V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Abstract. This article is the first attempt to examine the work of the pagan historian Ammianus Marcellinus IV century through the prism of Platonic philosophy. Neither foreign nor domestic historiography, for all its vastness, has analyzed in any detail the questions of the influence on the historian of Platonic and Neoplatonic philosophy, which was extremely

popular in the era of the late Roman Empire. The main task of our research is to trace the influence of Plato's philosophical heritage in the historical work of Ammianus Marcellinus "Res Gestae", especially since he is practically the only one of all the pagan historians of the fourth century who describes his philosophical views in detail. It should be noted that Ammianus Marcellinus is the historian who attracts Plato's philosophy not for a kind of "decoration" of his text, but who is undoubtedly well versed in it, knows its main provisions and concepts, and with their help, thereby "strengthens" his reflections and numerous digressions. Ammianus undoubtedly knows the central concept of all Platonic philosophy — the doctrine of ideas. On the basis of this, in the "Res Gestae" there is a rather detailed concept, based on the works of Plato and Plotinus, about the cycle, the rebirth of the human soul according to the law of Adrasteia. Ammianus correctly understands that the stars are the place where the soul dwells before its incarnation in the material, sensual world. And, finally, the historian quite accurately sets out the ideas about the individual spirits—the protectors of man, the daemons, given to him from birth. Of particular note is the image of the Emperor Julian, one of the central characters of the entire work. The main provisions of the philosophy of Plato and Plotinus are found precisely in those parts of the text "Res Gestae" where we are talking about the characteristics of this ruler, thereby revealing the already convincing image of the emperor as an adherent and zealot of exclusively pagan views. Therefore, all of the above facts, undoubtedly, give out in Ammianus Marcellinus an author who quotes and mentions Platonic philosophers not chaotically and pointlessly, but with a deep understanding of the meaning of this citation.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Plato, Socrates, Plotinus, Olympiodorus, Julian, late Roman Empire, Platonism, Neoplatonism

For citation: Kareev, D. V. (2022), 'Ammianus Marcellinus and Plato's Intellectualism: History and Philosophy in the Late Fourth-Century Roman Empire', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 73—99 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Эпоха поздней Римской империи на сегодняшний день, без сомнения, представляет собой уже отдельный, завершающий этап в истории античности. Естественно, что в исторической науке ведутся и еще долгое время будут вестись дискуссии относительно того, когда начался этот этап, и, что немаловажно, когда он закончился. Тем не менее следует признать,

что, начиная с правления Диоклетиана и установления Тетрархии, перед историками предстает уже совсем другая Римская империя, нежели в период Принципата и даже смут III века.

Именно в это время, несмотря на глобальный социально-политический кризис, охвативший Империю в III в., и внешнеполитические потрясения IV в., а во многом и вопреки им, в языческой интеллектуальной среде формируются такие философские направления, как неопифагореизм и неоплатонизм, мировоззренческой основой которых становится платоновская философия. Не вызывает сомнения и тот факт, что фигура Платона для поздней античности является во всех отношениях знаковой. Она определяет весь интеллектуально-философский ландшафт той эпохи.

Не стала здесь исключением и языческая латинская историография IV в., которая в лице ее главного представителя Аммиана Марцеллина также пыталась восстановить не только классические нормы античного историописания, но и классическую античную культуру и философию.

Историографический обзор. Актуальность проблемы, вынесенной в заголовок статьи, заключается в том, что изучение проблемы сознания древнего автора и выявление его концептуальных установок до недавнего времени во многом оставалось на обочине как в отечественной, так и зарубежной историографии. Произведения античных историков интересовали исследователей, главным образом, как источники сведений о событиях, быте или языке той или иной эпохи, но не как сочинения, раскрывающее мировоззрение писателя. Не стал здесь исключением и Аммиан Марцеллин, так как историография нашего автора, при всей ее обширности, не анализировала сколько-нибудь подробно вопросы влияния на него платоновской и неоплатоновской философии. Основные темы главным образом касались различных аспектов правления императоров Констанция II, Юлиана, Иовиана, Валента и Валентиниана I, событийной истории, вопросов хронологии и географии римско-персидских войн IV в., источниковой базы сочинения Аммиана и обстоятельств его биографии [Из наиболее важных работ укажем: Дмитриев, 2007: 32—42; 2008: 12—23; Кареев, 2018: 135—152; Удальцова, 1968: 38—60; Barnes, 1993: 55—70; 1998; Kalafikis, 2014: 15—50; Matthews, 1989: 71—80; 1994: 252—269; Morley, 2016: 10—25; Rohrbacher, 2002]. Отдельно

здесь стоит отметить статью З. В. Удальцовой, посвященную не вполне традиционной для советской историографии теме мировоззрения Аммиана Марцеллина [Удальцова, 1968: 38—39]. В ней автор, наряду с описанием всей концепции сочинения Аммиана, раскрывает и его взгляды в целом на античную культуру, а также на языческую платоновскую и неоплатоновскую философию того времени [Удальцова, 1968: 40—43].

Поэтому новизна исследования будет заключаться в том, что наша работа представляет собой первую попытку детально проследить влияние философских текстов Платона и неоплатонических философов III—IV вв. в историческом сочинении Аммиана Марцеллина.

Постановка вопроса. Целью данной работы стало изучение «философских» мест текста Аммиана Марцеллина, непосредственно или опосредованно связанных с именем Платона, и выяснение того, что конкретно использовал историк из философского наследия прошлого, и с какой целью он это делал, тем более что Аммиан практически единственный из всех языческих историков IV в., который подробно описывает свои философские взгляды и предпочтения.

Методология и методы исследования

Исходя из поставленной цели, в работе используются и сочетаются историко-компаративный и нарративный методы исторического анализа.

Основная часть

Вначале остановимся подробнее на биографии нашего историка, поскольку его воспитание и дальнейшая карьера во многом дают ответ на вопрос, почему именно платоновская философия стала своеобразной культурной основой его исторического труда. Аммиан пишет о себе, что он был «младшим» («*adulescentes eum sequi iubemur*») в корпусе офицеров, служивших под начальством магистра конницы Востока Урсицина в 357 г. [Ammianus Marcellinus, 1935: 254]. Слово «*adulescens*» обычно применялось к тем, кто был моложе 30 лет, что предполагает, что Марцеллин родился в конце 320-х или начале 330-х гг. Его

родиной почти наверняка был сирийский город Антиохия, один из самых важных городов империи в IV веке [Rohrbacher, 2002: 14]. Это антиохийское наследие помогает нам объяснить и его удивительное решение писать на латыни, а не на греческом языке, хотя он называет себя греком в конце работы и, часто приводя греческие слова, комментирует их фразой «как мы это называем...» («quem habitum vocamus») [Rohrbacher, 2002: 14]. В Антиохии его юности латынь давно была привычным языком. К тому же император Констанций II очень часто использовал Антиохию в качестве своей базы во время своих войн против Персидского царства на протяжении 340-х гг., и город был заполнен латиноязычными солдатами и чиновниками [Rohrbacher, 2002: 14].

Действительно, если учитывать то, что мы знаем о ранней карьере Аммиана, не исключено, что он вырос в латиноязычной семье [Rohrbacher, 2002: 14; Matthews, 1989: 71—80]. При этом он служил в звании протектора домашних, а многие достигали этого положения только в течение долгих лет службы, но будущий историк был еще молодым человеком, когда стал протектором, что позволяет предположить, что он получил свое звание через семейные связи. Его отец, вероятно, был солдатом, и, возможно, даже тем самым могущественным Марцеллином, который был comes Orientis в 349 г. [Rohrbacher, 2002: 15; Barnes, 1998: 58].

Мы можем извлечь некоторые наводящие на размышления сведения о юности Аммиана и его интеллектуальной образованности из тех замечаний, которые разбросаны по всему тексту «Res Gestae». Он описывает себя как «ingenuus», то есть свободнорожденным, благородного происхождения и поэтому привыкшим скорее ездить верхом, чем ходить пешком [Ammianus Marcellinus, 1935: 510; Rohrbacher, 2002: 15]. В 359 г., по его словам, он жил в доме некоего Иовиниана, который был сатрапом Кордуэны, находившейся тогда под властью Персии [Ammianus Marcellinus, 1935: 447; Rohrbacher, 2002: 15]. Этот Иовиниан свою юность провел в качестве заложника Рима «и, будучи поселен в Сирии, пристрастился к наукам» [Ammianus Marcellinus, 1935: 447; Rohrbacher, 2002: 15]. Возможно, что Аммиан и Иовиниан познакомились еще в молодости, в период своего обучения. Это знакомство отчасти раскрывает и космополитический характер Антиохии юности Аммиана Марцеллина.

Поэтому вполне естественно, что для Аммиана Марцеллина — грека по происхождению, большого поклонника императора Юлиана — философия Платона занимала далеко не последнее место, хотя, исходя из анализа текста его главного труда, поначалу трудно сделать такой вывод, поскольку имя философа мы можем обнаружить буквально в считанных местах его произведения. В эпилоге он пишет: «Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению («miles quondam et Graecus»), изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы и доведя рассказ до гибели Валента» [Аммиан Марцеллин, 2005: 576]. В, казалось бы, парадоксальном контрасте этой фразы, по мнению Д. Рорбахера, раскрываются два отличительных качества Аммиана: с одной стороны, он солдат, то есть человек действия, а с другой стороны, ученый, знаток древней литературы, отважившийся на большой труд на неродном для него языке [Rohrbacher, 2002: 25]. Подтверждением этого обстоятельства служит письмо знаменитого антиохийского ритора Либания, написанное в 360 г., и, вполне возможно, относившееся к нашему историку. В нем Либаний пишет, что «он (вероятнее всего, наш историк. — Д. К.) зачислен в армию, но на самом деле он зачислен в число философов; он подражал Сократу, несмотря на то, что имел доходную работу — прекрасный Аммиан» [Rohrbacher, 2002: 19]¹.

Определение «Graecus» может также иметь и религиозное значение, и обозначать человека приверженного эллинской культуре и интеллектуальной традиции, то есть, другими словами, язычника. Смешение греческой и латинской культур в творчестве Аммиана — это одна из самых интригующих особенностей «Res Gestae». То, что грек решил писать на латыни, само по себе удивительно, несмотря на то, что латынь во многих отношениях была мировым языком, а также языком армии и двора, изображенного у Аммиана [Rohrbacher, 2002: 25]. И этот «греческий фон» постоянно демонстрируется у Аммиана, поскольку некоторые лингвистические особенности его труда лучше всего можно объяснить пониманием того, что автор и мыслит по-гречески [Rohrbacher, 2002: 25].

---

¹ Однако Т. Барнс считает, что адресат Либания — это не наш историк: *Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. N. Y., 1998. P. 57.

Одним из аспектов «Res Gestae», который, по-видимому, больше соответствует греческой историографической традиции, чем латинской, является широкое использование Аммианом Марцеллином формальных отступлений. Ни один историк, за исключением Геродота, не может сравниться с ним по абсолютному разнообразию тематики этих отступлений. Аммиан предоставляет читателю широкий спектр географической, этнографической, научной, философской и религиозной информации. И многие из отступлений Аммиана появляются как раз в разделе его труда, посвященном императору Юлиану [Rohrbacher, 2002: 26]. Комментарии Аммиана о Юлиане более чем убедительно подтверждают его суждение о беспристрастном подходе к описанию как всех событий римской истории, так и этого правителя. Император, несомненно, является героем произведения, и, когда Аммиан начинает описывать кампании Юлиана в Галлии, он предупреждает, что, хотя он всегда будет говорить правду, его рассказ будет казаться почти панегириком [Аммиан Марцеллин, 2005: 72; Rohrbacher, 2002: 30]. Он выгодно сравнивает Юлиана с великими императорами прошлого, такими как Тит, Веспасиан, Траян и Марк Аврелий [Аммиан Марцеллин, 2005: 72; Rohrbacher, 2002: 30]. Отступления от основного повествования описывают многие выдающиеся качества Юлиана, и после его смерти его добродетели излагаются как в официальных эпитафиях [Аммиан Марцеллин, 2005: 358—361]. Тем не менее, несмотря на явную предвзятость некоторых частей своего труда, Аммиан дает читателю несколько критических замечаний о карьере и характере императора. Юлиан был «скорее суеверным, чем точный [точным] в исполнении священных обрядов» («superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator») [Аммиан Марцеллин, 2005: 361—362; Ammianus Marcellinus, 1939: 510], склонным к чрезмерным жертвоприношениям и зависимости от ненадежных прорицателей. Вместе с тем, Аммиан критикует некоторые законы Юлиана, такие как, например, знаменитый его закон, запрещающий христианам преподавать языческую классику [Аммиан Марцеллин, 2005: 362]. Таким образом, из этого описания складывается во многом убедительный образ императора, приверженца и ревнителя исключительно языческих взглядов, пытающегося занять свое место в ряду великих правителей прошлого.

Но именно в этих отступлениях от основного повествования, связанных с личностью императора Юлиана, и содержатся сведения о Платоне и его философии. При всей краткости этих сообщений, тем не менее, они достаточно наглядно выдают в Аммиане знатока и почитателя платоновской философии.

Рассмотрим каждое из этих упоминаний отдельно, по мере их появления в тексте. Первое из них относится к 356 г. и связано с похвалой Цезарю Юлиану, когда тот находился в Галлии и готовился выступить в поход против аламаннов. Аммиан пишет: «Поскольку ему, философу, приходилось теперь, как государю, выполнять приемы военного учения и обучаться искусству маршировать на манер пиррихи под звуки флейт, он произносил про себя, нередко произнося имя Платона, старую пословицу: “Седло надели на быка! Не по нам это бремя”» [Аммиан Марцеллин, 2005: 78]. В этом случае имя Платона пока упоминается только для того, чтобы усилить характеристику будущего императора Юлиана, подчеркнуть философский характер правителя, его приверженность именно философскому образу жизни. При этом Аммиан приводит старую пословицу, на которую ссылался еще Цицерон в своих письмах к Титу Помпонию Аттику [Письма Марка Туллия Цицерона, 1950: 10].

Второе упоминание связано с персидским походом императора Юлиана 363 г. и относится к описанию провинций Персидского царства. Аммиан Марцеллин описывает земли, «которые отделяют Каспийское море от Красного», полагая, что «в этих пределах лежат плодородные земли магов» [Аммиан Марцеллин, 2005: 313]. Далее он пишет, что «знаменитый Платон» («*amplissimus Plato*»), «создатель великих идей» («*insignium auctor*»), называет магию магическим словом махагистия: это самое совершенное богопочитание» [Аммиан Марцеллин, 2005: 313]². Этот термин, и вообще какое-либо упоминание о магии, у Платона не встречается. Вполне возможно, что Аммиан здесь занимается своеобразным словоизобретательством, как и сам Пла-

---

² Следует отметить, что в издании Аммиана в серии Loeb Classical Library принимают чтение «*hagistiam*», а не «*machagistiam*»: *Ammianus Marcellinus / with an english translation J. C. Rolfe, in 3 vols. Vol. 2. L., 1940. P. 366.*

тон в диалогах «Кратил» или «Федр» [Платон, 1993: 153]. По нашему мнению, весь этот пассаж Аммиана Марцеллина о магах представляет собой неявную отсылку к этим диалогам Платона, а само имя философа в этом случае привлекается в качестве своеобразного авторитета.

Однако тут можно вспомнить чрезвычайную популярность персидской и индийской магии и философии среди интеллектуалов Греции и Рима и вообще интерес к восточным мистериальным культам. Достаточно упомянуть имя основателя неоплатонизма Плотина, специально принявшего участие в неудачном персидском походе императора Гордиана III 242 г. для того, чтобы попытаться проникнуть в Персию и Индию с целью изучения философии тех земель [Порфирий, 2010b: 428]. У Диогена Лаэртского, автора III в., в биографии Платона мы также можем найти упоминание о несостоявшейся поездке Платона к неким магам [Диоген Лаэртский, 2010: 138]. Также в анонимном тексте VI в. «Пролегомены к платоновской философии», созданном, вероятнее всего, в одной из платоновских школ Александрии, сказано, что из Персии «ради Платона маги сами явились в Афины, стремясь приобщиться к его философии» [Анонимные пролегомены к платоновской философии, 1986: 482]. Олимпиодор, александрийский неоплатоник VI в., в «Жизни Платона» говорит о том, что Платон «хотел познакомиться и с магами, но так как в это время в Персии случилась война..., то он отправился в Финикию и там познакомился с магами и выучился магической науке» [Олимпиодор, 2010: 414]. К тому же последние неоплатоники в начале VI в., во главе со схолархом Платоновской Академии в Афинах философом Дамаскием, бежали после гонений и закрытия Академии императором Юстинианом в 529 г. именно в Персию, где пытались обучить платонизму шаханшаха Хосроя I [Лосев, 2000b: 411].

Это отступление Аммиана Марцеллина вдвойне любопытно, поскольку здесь можно найти еще упоминание «бактрийца» Зороастра («*Vactrianus Zoroastres*»), а также царя Гистаспа, «мудрейшего» отца Дария («*deinde Hystaspes rex prudentissimus Darei pater*») [Аммиан Марцеллин, 2005: 313; *Ammianus Marcellinus*, 1940: 366—368]. Далее, согласно рассказу историка, Гистасп в «спокойной тишине» («*tranquillis silentiis*») постиг у брахманов

«законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий» («eorumque monitu rationes mundani motus et siderum purosque sacrorum ritus quantum colligere potuit eruditus») [Аммиан Марцеллин, 2005: 313; Ammianus Marcellinus, 1940: 368]. Однако подобных фактов в биографии Гистаспа мы не знаем.

Третье упоминание имени Платона относится все к тому же 363 г., но связано уже с гибелью императора Юлиана в ходе его неудачного персидского похода. Особенно показателен тот эпизод, где Аммиан описывает последние часы жизни Юлиана, по сути, сравнивая императора с Сократом: «Все присутствующие плакали, и Юлиан властным тоном порицал их даже в такой час, говоря им, что недостойно оплакивать государя, приобщенного уже к небу и звездам. Тогда все умолкли, лишь сам он глубоко-мысленно рассуждал с философами Максимом и Приском о высоких свойствах духа человеческого» [Аммиан Марцеллин, 2005: 358; Удальцова, 1968: 40]. В описании этой сцены можно усмотреть неявную отсылку к диалогу Платона «Федон», посвященного последним часам жизни Сократа, в котором собравшиеся ученики философа также не могли сдержать себя от рыданий, на что Сократ укоряет их схожей по смыслу фразой: «Ну что же вы, чудачки! Я для того, главным образом, и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, — ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!» [Платон, 1993: 79]. Историк здесь, по нашему мнению, явно делает попытку хотя бы литературно приравнять любимого им правителя к знаменитому философу.

В этом отрывке особо следует отметить фразу Аммиана о том, что Юлиан уже приобщен к небу и звездам («caelo sideribusque»). Эта фраза в еще большей степени выдает в нем знатока сочинений Платона. В платонической и неоплатонической традиции звездам отводилась ведущая роль, как «колесницам душ людей». Звезды — это то место где души пребывают до воплощения в тела и куда уходят после смерти. Платон об этом достаточно подробно рассуждает в «Тимее» («Всю эту новую смесь он (т. е. Демиург) разделил на число душ, равное числу звезд, и распределил их по одной на каждую звезду. Возведя души на звезды, как на некие колесницы, он явил им природу Вселенной») [Платон, 1994: 444]. В дальнейшем эти представления

разовьет Плотин, которого впоследствии также упоминает Аммиан и у которого есть два трактата, специально посвященных этой тематике — «О том, что делают звезды» во второй Эннеаде («Таковы логосы, связывающие нас со звездами, от которых мы получаем души...») [Плотин, 2016а: 143], и «О полученных нами демонах» в третьей Эннеаде («Когда души освобождаются отсюда, они приходят к звездам, созвучным их характерам и силе...») [Плотин, 2016b: 220]. Безусловно, делая подобное замечание, Аммиан знал этот общий платонический контекст.

Философы Максим и Приск, с которыми Юлиан беседует перед смертью, — это ближайшие учителя императора и представители Пергамской школы неоплатонизма. Максим Эфесский и Приск из Феспротии после его гибели подверглись гонениям со стороны императоров Валентиниана I и Валента в 364 г. [Лосев, 2000b: 408—409].

В дальнейшем Аммиан предлагает читателю краткий панегирик любимому правителю. И вновь, дабы усилить «философский» образ императора Юлиана, подчеркнуть прямую связь между его образом жизни и характером его правления Аммианом привлекаются диалоги Платона. В этом месте «*Res Gestae*» он пишет о философских добродетелях Юлиана: «По определению философов, есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и мужество («*temperantia prudentia iustitia fortitudo*»), к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, властность, счастье и благородство («*scientia rei militaris, auctoritas felicitas atque liberalitas*»). Все их вместе и каждую в отдельности Юлиан воспитывал в себе самым ревностным образом. Так, прежде всего, он блистал таким нерушимым целомудрием, что после смерти своей супруги не знал больше никогда никакой любви. Он ссылался на рассказ Платона о трагике Софокле. Когда того в старости уже спросили однажды, имел ли он еще дело с женщинами, он сказал, что нет, и прибавил, что считает счастьем освобождение от этой страсти, как от дикого и жестокого владыки» [Аммиан Марцеллин, 2005: 358—359; *Ammianus Marcellinus*, 1940: 502]. Это отступление Аммиана следует разбить на две части, поскольку оно комбинирует информацию из двух диалогов Платона. В первой части, безусловно, речь идет о добродетелях стража из XII книги диалога «Законы»:

«Итак, по-видимому, надо принудить стражей нашего божественного государства, прежде всего, научиться тщательно различать то, что состоит из четырех частей, на самом же деле составляет единство и тождество: оно включает в себя, как мы говорили, мужество, рассудительность, справедливость и разумность и заслуженно носит единое имя добродетели» [Платон, 1972: 473—474]. Рассказ же о Софокле мы встречаем в I книге диалога «Государство», откуда он взят Аммианом практически без каких-либо изменений: «Например, поэту Софоклу был при мне задан такой вопрос: “Как ты, Софокл, насчет любовных утех? Можешь ли ты еще иметь дело с женщиной?” — “Помолчал бы ты, право, — отвечал тот, — я с величайшей радостью ушел от этого, как уходит от яростного и лютого повелителя”» [Платон, 1994: 81].

И, наконец, четвертое упоминание связано уже с 374—375 гг. и правлением императоров Валента и Валентиниана I. Аммиан здесь пишет о судебных процессах на Востоке в Антиохии при Валенте, свидетелем которых он был непосредственно, и в связи с этим говорит о судебных речах, юристах и различных видах адвокатов. «Профессию судебных ораторов великий Платон («*amplitudo Platonis*») определяет так: *πολιτικῆς μοῦσίου εἶδωλον*, т. е. тень частицы политической науки, или как четвертую часть лести; Эпикур, называя ее *χαροτεχνία* (искусство обманывать), причисляет ее к дурным искусствам. Тизий называет ее орудием убеждения, и с ним соглашается Горгий Леонтинский» [Аммиан Марцеллин, 2005: 516]. И далее: «В древние времена трибуналы славилась изяществом речей, когда ораторы, обладавшие блестящим даром слова, прилежно занимавшиеся науками, выделялись талантом, честностью, богатством и обилием красоты слова. Таков был Демосфен. Когда предстояло ему говорить, то, по свидетельству аттических историков, стекались люди со всей Греции, чтобы его послушать. Точно так же, когда Каллистрат вел знаменитое дело об Оропе, сам Демосфен пришел его послушать, оставив Академию и Платона» [Аммиан Марцеллин, 2005: 517]. В этом случае Аммиан показывает знакомство с платоновским диалогом «Горгий»: «Суть этого занятия я зову удовольствием. Оно складывается из многих частей, поваренное искусство — одна из них. Впрочем, искусством оно только кажется; по-моему, это не искусство, но навык и сноровка. Частями того же

занятия я считаю и красноречие, и украшение тела, и софистику — всего четыре части соответственно четырем различным предметам» [Платон, 1990: 496].

Также в тексте «Res Gestae» постоянно, хотя и в небольшом количестве, присутствуют своеобразные «платонические» отступления. Так, рассказывая о смерти Цезаря Галла в 354 г., Аммиан Марцеллин позволяет себе довольно пространное рассуждение о природе возмездия и справедливости: «Такие и бесчисленное множество других подобных дел совершает воздающая за зло, а иной раз (о, если бы это было всегда!) за добро Адрастея, которую мы также называем другим именем — Немезида. Высшая правда воздействующего на мир божества заключается, по людским представлениям, в лунном круге, или, по определению некоторых, является индивидуальным духом-покровителем, направляющим судьбу каждого человека от его рождения; древние теологи признают ее дочерью Справедливости и учат, что она из таинственной вечности взирает на все совершающееся на земле. Она, как царица всех причин, вершительница всех дел, мешает жребии в урне судьбы, изменяя последовательность событий, приводя наши начинания иногда к результату, противоречащему нашим намерениям, и в вечной смене вершит разные дела. Нерасторжимыми узами необходимости опутывает она человеческую, тщетно воздымающуюся гордыню, возвышая и низвергая, как она сама захочет, то подавляет и топчет надменное высокомерие, то с самого низа возносит к счастливой жизни достойных. Потому-то в древних сказаниях приданы ей крылья, чтобы указать этим на быстроту, с которой она поспекает всюду налету, в руки дан руль, и под ноги подставлено колесо, дабы ясно было, что она правит миром, проникая во все стихии» [Аммиан Марцеллин, 2005: 38].

Вновь это отступление Аммиана необходимо разбить на отдельные части, поскольку здесь комбинируется информация, как из платоновской, так и уже из неоплатонической традиции. Упоминание Адрастеи содержится у Платона в диалоге «Федр», в котором философ подробно рассуждает о законе Адрастеи, связанном с кругооборотом, перевоплощением душ, их служением Богу или отпадением от него [Платон, 1993: 157]. Адрастеей клянется Сократ в V книге диалога «Государство»,

поскольку «опасается ее мести за слишком смелые мысли об общности жен и детей в государстве» [Платон, 1994: 224]. Немесида упомянута Платоном в IV книге диалога «Законы» как «вестница Правосудия» [Платон, 1972: 191].

Во многом этот отрывок пересекается и с окончанием X книги диалога «Государство», где речь идет о веретене Ананки (Необходимости) и трех ее дочерях: Клото, Атропос и Лахесис, дающих душам людей жребии жизни [Платон, 1994: 416—420]. В том же «Федре» у Платона присутствует и богиня Дике — вершительница справедливости в тысячелетнем круговороте жизни души, с той лишь разницей, что о крыльях и крыленности Сократ говорит применительно к душе человека, а не богини [Платон, 1993: 158].

Таков платоновский контекст этого отрывка. Неоплатонические влияния можно увидеть в том месте, где Аммиан говорит об индивидуальных духах-покровителях человека, определяющих судьбу каждого («*substantialis tutela generali potentia partilibus praesidens fatis*»). Как упоминалось выше, у Плотина есть отдельный трактат в третьей Эннеаде, «О полученных нами демонах», представляющий собой «детализацию платоновского учения о судьбе душ» [Лосев, 2000а: 653]. Под демоном или даэмоном, или же гением как раз понимается своеобразный внутренний руководитель человека, «которого мы выбираем перед воплощением на земле» [Лосев, 2000а: 654].

Дальнейшее развитие идей этого трактата мы обнаруживаем в другом месте текста Аммиана, где упоминается уже имя основателя неоплатонизма Плотина. Так, рассказывая о предзнаменованиях смерти императора Констанция II, историк снова допускает пространное рассуждение о божествах/демонах, дающихся человеку при рождении: «Теологи утверждают, что всякому человеку при самом рождении независимо от ожидающей его судьбы дается такое божество как бы для того, чтобы направлять его поступки; являются же они в видимом образе лишь очень немногим, тем, кто выделились [выделился] особенными добродетелями» [Аммиан Марцеллин, 2005: 247], ссылаясь даже на комика конца IV начала III в. до н. э. Менандра и приводя его фразу «При самом рождении приставляется к каждому человеку демон, мистагог его жизни» [Аммиан Марцеллин, 2005: 248]. И далее:

«Точно так же бессмертные поэмы Гомера дают понять, что не боги небесные беседовали с героями, помогали им в боях и поддерживали их: в общении с героями состояли их гении. Благодаря особенным их внушениям возвысились, как рассказывают, Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, старший Сципион и, как некоторые полагают, Марий и Октавиан, тот, что первый получил титул Августа; точно так же Гермес Трисмегист, Аполлоний Тианский и Плотин, который в своих творениях решился истолковать эти мистические вопросы и глубоким анализом показал, на каких основаниях эти гении, связанные с душами смертных людей, как бы приняв их в свое лоно, охраняют их, насколько это возможно, и дают им высшие знания, если увидят, что они чисты и свободны от скверны, которая возникает от соединения с телом» [Аммиан Марцеллин, 2005: 248].

И снова Аммиан неявно цитирует Плотина и его трактат «О полученных нами демонах», в котором сказано: «Ибо мы выбираем начало, стоящее выше нас, согласно выбору образа жизни» [Плотин, 216b: 224]. В то же время это может быть одновременно и отсылка к платоновскому «Тимею»: «Что касается главного вида нашей души, то ее должно мыслить себе как демона, приставленного к каждому из нас богом; это тот вид, который, как мы говорили, обитает на вершине нашего тела и устремляет нас от земли к родному небу, как небесное, а не земное порождение» [Платон, 1994: 497].

Отдельно стоит отметить, что историк, говоря о тех, кто истолковывает «мистические вопросы» («*ausus quaedam super has re disserere mystica*»), помимо Плотина ставит в этот ряд Гермеса Трисмегиста и Аполлония Тианского. И это не случайно, так как оба имени стоят в одном ряду в платоновской и неоплатонической философской и интеллектуальной традиции. Так, с именем Гермеса Трисмегиста («Трижды величайшего») связаны 18 небольших греческих трактатов религиозного, морального и философского содержания, получивших условное название «Поймандр» («Пастырь мужей»). В греческой литературе первых веков нашей эры имя Гермеса вообще было чрезвычайно популярно, и, как правило, связывалось с источником новой мудрости, нового знания, тем более что Гермес олицетворялся с египетским богом письменности и счета Тотом, который, в свою очередь,

особо почитался в платоновской философии [Лосев, 2000d: 286]. Этот так называемый герметический корпус был популярен и в век Аммиана и упоминается в сочинениях неоплатоников того времени Порфирия и Ямвлиха [Лосев, 2000d: 287]. Аммиан Марцеллин, безусловно, знал эту литературу, и упоминание Гермеса в его труде более чем оправдано.

В отличие от Гермеса Трисмегиста Аполлоний Тианский — это несомненно историческая личность. Он жил в I в. н. э. и происходил из города Тианы в малоазийской Каппадокии, и его активная философская деятельность пришлась на годы правления императоров Калигулы, Клавдия и Нерона [Лосев, 2000a: 80]. Об Аполлонии писали Апулей, Лукиан, Кассий Дион и, в особенности знаменитый ритор III в., Флавий Филострат, у которого есть произведение «Жизнеописание Аполлония Тианского». Сам Аполлоний «сделался героем философской легенды, одним из двух главных святых неопифагорейства, в которых оно выразило свой идеал философской жизни. Другим таким святым кроме Аполлония был сам Пифагор...» [Лосев, 2000a: 80; Удальцова, 1968: 40]. Он также упоминается у неоплатоников рубежа III—IV вв.

Имя основателя неоплатонической философии, философа III в. Плотина, было распространено не только в узких философских, но и в более широких интеллектуальных кругах того времени. Так, историк и философ IV века, современник Аммиана Марцеллина, Евнапий Сардский, в своем труде «О тех, кто уже составлял историю философов» считает нужным особо отметить, что «алтари Плотина и теперь еще теплятся, а книги его в гораздо большей степени, чем сочинения самого Платона, в ходу не только у образованных людей, но и огромное множество народа, когда случается им слышать что-либо из его учений, склоняется к ним» [Евнапий, 1997: 230]. В целом, для образованной среды Римской империи IV в. было характерно то состояние, когда интеллигент, если он не принадлежал к христианству, «автоматически» становился неоплатоником или, по крайней мере, симпатизировал этому кругу людей. Таков был и Аммиан, по своему складу, если и не философ, то, по крайней мере, человек, глубоко знающий и понимающий платоновское и неплатоновское учение.

Далее в XXII книге «Res Gestae», описывая Египет и Александрию, он продолжает показывать свою интеллектуальную и философскую эрудицию, перечисляя философов и грамматиков, живших там, и замечает, что «отсюда происходили знаменитый грамматик Аристарх, глубокий исследователь науки Геродиан, учитель Плотина Аммоний Саккас и многие другие писатели, создавшие себе имя в литературе. Среди них выделялся Дидим Халкентер, известный обилием разнообразных познаний» [Аммиан Марцеллин, 2005: 292]. Грамматик Аристарх («Arīstarchus grammaticae») — это Аристарх Самофракийский, греческий ученый, глава Александрийской библиотеки, исследователь и хранитель сочинений Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла и Аристофана [Словарь античности, 1989: 46]. «Глубокий исследователь науки Геродиан» («et Herodianus artium minutissimus sciscitator») — это Элий Геродиан, также греческий грамматик из Александрии, автор труда «Всеобщее учение об акцентах и количествах», посвященного Марку Аврелию [Словарь античности, 1989: 133]. Дидим Халкентер («Chalcenterus Didymus») — это греческий грамматик второй половины I в., анализировавший творчество различных писателей, сочинявший словари и комментарии [Словарь античности, 1989: 182]. И, наконец, Аммоний Саккас Александрийский («et Saccas Ammonius Plotini magister»), живший на рубеже II—III вв., — христианин, перешедший в язычество, носильщик по профессии (откуда его прозвище Саккас, то есть Мешочник), непосредственный учитель Плотина, хотя сам и не оставивший после себя ни одного письменного труда, философ, одним из первых попытавшихся совместить доктрины Платона и Аристотеля [Лосев, 2000а: 169].

Также в этом рассказе Аммиана упоминаются еще два крупнейших философа — это Пифагор и Анаксагор. Их присутствие в тексте связано с широко распространенными в греческой философской мысли представлениями о Египте как источнике знаний и мудрости, что было укоренено и в платоновской философской традиции («per mundum omnem inveniet mathemata huius modi ab Aegypto circumlata»). Пифагор, по мнению Аммиана, усвоив египетскую мудрость, «сумел придать всему, что говорил или намеревался сделать, высший авторитет и часто показывал свое золотое бедро в Олимпии, и его видели беседующим

с орлом» [Аммиан Марцеллин, 2005: 293] («*quicquid dixit aut voluit auctoritatem esse instituit ratam, et femur suum aureum apud Olympiam saepe monstrabat*») [Ammianus Marcellinus, 1940: 306], Анаксагор же благодаря этой мудрости «смог предсказать каменный дождь и, потрогав ил из колодца, — предстоящее землетрясение» [Аммиан Марцеллин, 2005: 293] («*hinc Anaxagoras lapides e caelo lapsuros et putealem limum contrectans tremores futuros praedixerat terrae*») [Ammianus Marcellinus, 1940: 306]. Оба этих эпизода также демонстрируют нам философскую начитанность Аммиана Марцеллина. В первом случае историк, по все видимости, ссылается на сочинение неоплатоника Порфирия «Жизнь Пифагора» [Порфирий, 2010а: 420], которое достаточно точно цитирует, во втором случае — это вольно пересказанный эпизод из труда Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [Диоген Лаэртский, 2010: 96].

В заключение своего «египетского» экскурса Аммиан упоминает еще и Солона, который, «воспользовавшись изречениями египетских жрецов, издал свои справедливые законы и оказал ими великую помощь римскому праву» [Аммиан Марцеллин, 2005: 293]. Традиция приписывать Солону путешествие в Египет и составление законов по образцу египетского законодательства идет еще от Геродота [Геродот, 1993: 19], однако в этом случае Аммиан, без сомнения, имеет в виду начало диалога Платона «Тимей» и рассказ о Солоне одного из участников этого диалога Крития [Платон, 1994: 426—430]. Далее идет фраза, которая в оригинале звучит следующим образом: «*Ex his fontibus per sublimia gradiens sermonum amplitudine Iovis aemulus Platon visa Aegyptio militavit sapientia gloriosa*» [Ammianus Marcellinus, 1940: 306—308]. В этом месте находится лакуна, и в английском издании текста Аммиана в серии Loeb Classical Library имя Платона вставлено издателем «по смыслу» [Ammianus Marcellinus, 1940: 308]. Действительно, уже начиная с III в., с сочинения Диогена Лаэртского [Диоген Лаэртский, 2010: С. 138], и вплоть до VI в., уже в поздней неоплатонической традиции, в трудах таких александрийских философов-неоплатоников, как Олимпиодор [Олимпиодор, 2010: 414] сказано, что Платон посещал Египет, хотя этот факт явно вымышлен поздней традицией. Вполне возможно, что в эпоху Аммиана подобные представления о Платоне,

наделявшие философа, по сути, мифологическими чертами, уже сформировались в интеллектуальной среде, и Аммиан просто воспроизвел их в своем труде. Отметим, что в русском переводе «Res Gestae» вместо имени Платона стоит «Иисус», что согласуется с некоторыми конъектурами этого места в тексте, однако не согласуется со смыслом всего «египетского» отступления Аммиана [Аммиан Марцеллин, 2005: 293]³.

Также в некоторых местах «Res Gestae», напрямую не связанных с философской тематикой, можно обнаружить своеобразные смысловые вставки, выдающие знакомство Аммиана с классической греческой философией. Так, в рассказе о затмениях Солнца и причинах этого явления он пишет о том, что «Луна не имеет собственного света» [Аммиан Марцеллин, 2005: 195] («quam nunquam habere proprium lumen opiniones variae collegerunt») [Ammianus Marcellinus, 1940: 12]. В этом случае историк, по нашему мнению, косвенно ссылается на соответствующее место в платоновском «Кратиле»: «Похоже, он нечто старое выдал за новое, сказав, что Луна получает свет от Солнца» [Платон, 1990: 644].

В рассказе о пожаре храма Аполлона Дафнейского в 362 г., который император Юлиан вменил в вину христианам и приказал закрыть главную церковь в Антиохии, мы можем обнаружить и любопытную альтернативную версию этих событий, когда «философ Асклепиад... прибыл издалека с целью повидать Юлиана и остановился в этом предместье. Он поставил у ног большой статуи маленькое серебряное изображение Небесной богини («*deae caelestis argenteum breve figmentum*»), которое повсюду носил с собой, и, возжегши, по обычаю, перед ним восковые свечи, ушел из храма, а после полуночи, когда никого не было в храме и никто не мог прийти на помощь, вылетавшие искры упали на старое дерево, вспыхнувший в сухом материале огонь разгорелся и пожрал все до самого верха здания» [Аммиан Марцеллин, 2005: 282]. Небесная богиня это, конечно же, без сомнения, Афродита

---

³ З. В. Удальцова также принимает чтение «Иисус», который, по ее мнению, «для Аммиана Марцеллина — не бог, а один из “учителей мудрости”, основатель новой религии»: Удальцова З. В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский Временник. 1968. Вып. 28. С. 41.

Небесная (Уrania), фигурирующая в диалогах Платона и «Эннеадах» Плотина [Платон, 1993: 89; Плотин, 2016b: 248]. Философ Асклепиад («Asclepiades philosophus») — это философ-киник IV в., упоминавшийся в произведениях того же Юлиана [Император Юлиан, 2016: 300].

Заключение

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, следует отметить философскую эрудицию Аммиана. По количеству перечисленных им философов, раторов и грамматиков ему просто нет равных в позднеантичной языческой исторической литературе. Философы, упомянутые в «Res Gestae», — это, прежде всего, Платон, Сократ, Плотин, Аммоний Саккас, Максим Эфесский, Приск из Феспротии, Эпикур, Горгий Леонтинский, Аполлоний Тианский, Пифагор, Анаксагор, Асклепиад, Пасифил, Симонид, Перегрин. Из непосредственно или опосредованно цитируемых философских трактатов, конечно же, лидируют диалоги Платона, такие как «Горгий», «Кратил», «Федон», «Федр», «Государство», «Тимей» и «Законы». Затем Аммиан Марцеллин цитирует Плотина и его трактаты «О том, что делают звезды» (II Эннеада) и «О полученных нами демонах» (III Эннеада). И, наконец, историка также выдает знакомство с трактатом «Жизнь Пифагора» неоплатоника Порфирия и с широко известным античным произведением «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского.

Далее следуют грамматика и риторы — Демосфен, Аристарх Самофракийский, Элий Геродиан, Дидим Халкентер, комедиограф Менандр, оратор Демосфен, трагик Софокл.

Тем не менее, отвечая на главный вопрос нашего исследования, следует сказать, что Аммиан Марцеллин — это тот историк, который привлекает платоновскую философию не для своеобразного «украшения» своего текста. Он, без сомнения, прекрасно разбирается в ней, ее основных положениях и понятиях и с их помощью тем самым «усиливает» свои размышления и многочисленные отступления. Аммиан, вне всякого сомнения, знает центральное понятие всей платоновской философии — учение об идеях. На основе этого в «Res Gestae» присутствуют

представления, базирующиеся на трудах Платона и Плотина, о круговороте, перерождении души человека согласно закону Адрастеи. Аммиан правильно понимает, что звезды — это то место где обитает душа до своего воплощения в материальный, чувственный мир. И, наконец, историк достаточно точно излагает представления об индивидуальных духах-покровителях человека, даэмонах, дающихся ему с самого рождения.

Особо следует отметить образ императора Юлиана, одного из центральных персонажей всего произведения. Основные положения философии Платона и Плотина встречаются именно в тех местах текста «Res Gestae», где речь идет о характеристике этого правителя, тем самым раскрывается и без того убедительный образ императора как приверженца и ревнителя исключительно языческих взглядов.

Поэтому все вышеперечисленные факты, бесспорно, выдают в Аммиане Марцеллине автора, цитирующего и упоминающего философов-платоников не хаотично и беспредметно, а с глубоким пониманием смысла этого цитирования.

Список источников

- Аммиан Марцеллин.* Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М.: АСТ, 2005. 631 с.
- Анонимные пролегомены к платоновской философии // Платон. Диалоги / пер. с древнегр. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ю. А. Шичалина, Т. Ю. Бородай и др. М.: Мысль, 1986. С. 476—506.
- Геродот.* История / пер. с древнегр. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1993. 600 с.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010. 570 с.
- Дмитриев В. А.* Аммиан Марцеллин в отечественной историографии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 32—42.
- Дмитриев В. А.* Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 12—23.

- Евнаний.* Жизни философов и софистов // Римские историки IV века / пер. с древнегр. Е. В. Дарк, М. Л. Хорькова. М.: РОССПЭН, 1997. С. 225—297.
- Император Юлиан.* Полное собрание творений / пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша, Л. И. Щеголевой и др. СПб.: Квадривиум, 2016. 1088 с.
- Кареев Д. В.* Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны императора Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 4. С. 135—152.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 6: Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000а. 958 с.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 7: Последние века, кн. I. М.: АСТ, 2000б. 511 с.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 7: Последние века, кн. II. М.: АСТ, 2000с. 543 с.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития, кн. I. М.: АСТ, 2000d. 830 с.
- Олимпиодор.* Жизнь Платона // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010. С. 412—415.
- Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3 т. / пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1949—1951. Т. II: Годы 51—46. 1950. 511 с.
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 1 / пер. с древнегр. Вл. С. Соловьева и др. 1990. 860 с.
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 2 / пер. с древнегр. С. А. Ананьина и др. 1993. 526 с.
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 3 / пер. с древнегр. С. С. Аверинцева и др. 1994. 654 с.
- Платон.* Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968—1972. Т. 3, ч. 2 / пер. с древнегр. С. Я. Шейнман-Топштейн и др. 1972. 678 с.
- Плотин.* Вторая эннеада / пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016а. 384 с.
- Плотин.* Третья эннеада / пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016б. 480 с.
- Порфирий.* Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010а. С. 416—426.

- Порфирий*. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010b. С. 427—440.
- Словарь античности / пер. с нем. Е. В. Гущина, И. В. Колосова и др. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
- Удальцова З. В.* Мироззрение Аммиана Марцеллина // Византийский Временник. 1968. Вып. 28. С. 38—60.
- Ammianus Marcellinus* / with an English translation J. C. Rolfe. Vol. I. L.: Harvard University Press, 1935. 589 p.
- Ammianus Marcellinus* / with an English translation J. C. Rolfe. Vol. II. L.: Harvard University Press, 1940. 689 p.
- Barnes T. D.* Ammianus Marcellinus and His World // *Classical Philology*. 1993. Vol. 88, №. 1. P. 55—70.
- Barnes T. D.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. N. Y.: Cornell University Press, 1998. 304 p.
- Kalafikis G.* Ammianus Marcellinus on the Military Strategy of the emperor Valentinian I (364—375 AD): General Principles and Implementation // *Byzantiaca*. 2014. Vol. 31. P. 15—50.
- Matthews J. F.* The Roman Empire of Ammianus. Baltimore: John Hopkins University Press, 1989. 608 p.
- Matthews J. F.* The origin of Ammianus // *Classical Quarterly*. 1994. Vol. 44, №. 1. P. 252—269.
- Morley G. Beyond the Digression: Ammianus Marcellinus on the Persians // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2016. №. 3. P. 10—25.
- Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. L.; N. Y.: Routledge, 2002. 324 p.

References

- Ammianus Marcellinus (2005), *Rimskaja istoriia* [Roman history], Translated by Kulakovskiy, Yu. A. and Sonni, A. I., AST, Moscow, Russia.
- Ammianus Marcellinus* (1935), Translated by Rolfe, J. C., vol. I, Harvard University Press, London, UK.
- Ammianus Marcellinus* (1940), Translated by Rolfe, J. C., vol. II, Harvard University Press, London, UK.
- ‘Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy’ (1986), Platon. *Dialogi* [Dialogues], Translated by Sheinman-Topstein, S. Ya., Shichalin, Yu. A., Borodai, T. Yu. and others, Mysl’, Moscow, Russia, pp. 476—506.

- Barnes, T. D. (1993), 'Ammianus Marcellinus and His World', *Classical Philology*, vol. 88, no 1, pp. 55—70.
- Barnes, T. D. (1998), *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*, Cornell University Press, New York, USA.
- Herodotus, (1993), *Istoriia* [History], Translated by Stratanovsky, G. A., Ladomir, Moscow, Russia.
- Diogenes Laertius, (2010), *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitnykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia.
- Dmitriev, V. A. (2007), 'Ammianus Marcellinus in Russian historiography', *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Pskov State University Bulletin, series: Social sciences and humanities], no. 1, pp. 32—42.
- Dmitriev, V. A. (2008), 'Sassanian state in the news of the Roman historian Ammianus Marcellinus', *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Pskov State University Bulletin, series: Social sciences and humanities], no. 3, pp. 12—23.
- Emperor Julian, (2016), *Polnoe sobranie tvorenii* [Complete Collection of Creations], Translated by Sidash, T. G., Shchegoleva, L. I. and others, Kvadrivium. St. Petersburg, Russia.
- Eunapius, (1997), 'The lives of philosophers and sophists', *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], Translated by Dark, E. V. and Khorkova, M. L., Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, Moscow, Russia, pp. 225—297.
- Kalafikis, G. (2014), 'Ammianus Marcellinus on the Military Strategy of the emperor Valentinian I (364—375 AD): General Principles and Implementation', *Byzantiaca*, vol. 31, pp. 15—50.
- Kareev, D. V. (2018), 'The battles at the fortress of Singara and the Roman-Persian wars of Emperor Constantius II: on the question of the chronology and sequence of events', *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], no. 4, pp. 135—152.
- Losev, A. F. (2000a), *Istoriia antichnoi estetiki. Pozdnii ellinizm* [History of ancient aesthetics. Late Hellenism], AST, Moscow, Russia.
- Losev, A. F. (2000b), *Istoriia antichnoi estetiki. Poslednie veka*. [History of ancient aesthetics. The last centuries], vol. I, AST, Moscow, Russia.
- Losev, A. F. (2000c), *Istoriia antichnoi estetiki. Poslednie veka*. [History of ancient aesthetics. The last centuries], vol. II, AST, Moscow, Russia.
- Losev, A. F. (2000d), *Istoriia antichnoi estetiki. Itogi tysiacheletnego razvitiia* [History of ancient aesthetics. The results of millennial development], vol. I, AST, Moscow, Russia.

- Matthews, J. F. (1989), *The Roman Empire of Ammianus*, John Hopkins University Press, Baltimore.
- Matthews, J. F. (1994), 'The origin of Ammianus', *Classical Quarterly*, vol. 44, no 1, pp. 252—269.
- Morley, G. (2016), 'Beyond the Digression: Ammianus Marcellinus on the Persians', *Journal of Ancient History and Archaeology*, no. 3, pp. 10—25.
- Olympiodorus, (2010), 'Life of Plato', Diogenes Laertius, *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia, pp. 412—415.
- Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu.* (1950), [Letters from Mark Tullius Cicero to Atticus, relatives, brother of Quintus, M. Brutus], Translated by Gorenshteina, V. O., vol. II, 51—46 years: Akademiia Nauk SSSR, Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Platon, (1990), *Sobranie sochinenii. v 4 tomakh* [Collected works in 4 volumes], Translated by Soloviev, Vl. S and others, vol. 1, Mysl', Moscow, Russia.
- Platon, (1993), *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Collected works in 4 volumes], Translated by Ananyin, S. A. and others, vol. 2, Mysl', Moscow, Russia.
- Platon, (1994), *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Collected works in 4 volumes], Translated by Averintsev S. S. and others, vol. 3, Mysl', Moscow, Russia.
- Platon, (1972) *Sochineniia v 3 tomakh* [Collected works in 3 volumes], Translated by Sheinman-Topstein, S. Ya., Egunova, A. I. and Kondratyev, S. P., vol. 3, ch. 2, Mysl', Moscow, Russia.
- Plotinus, (2016a), *Tret'ia enneada* [Third Ennead], Translated by Sidasha, T. G., Izdatel'stvo Olega Abyshko, St. Petersburg, Russia.
- Plotinus, (2016b), *Vtoraia enneada* [Plotinus Second Ennead], Translated by Sidasha, T. G., Izdatel'stvo Olega Abyshko, St. Petersburg, Russia.
- Porphry, (2010a), 'Life of Pythagoras', Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia, pp. 416—426.
- Porphry, (2010b), 'Life of Plotinus', Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia, pp. 427—440.
- Rohrbacher, D. (2002), *The Historians of Late Antiquity*, Routleg, London; New York, UK, USA.

Slovar' antichnosti [Dictionary of antiquity] (1989), Translated by Gushchina, E. V. and Kolosova, I. V. and others, Progress, Moscow, Russia.

Udal'tsova, Z. V. (1969), 'The Worldview of Ammianus Marcellinus', *Vizantiiskii Vremennik* [Byzantine Time Period], vol. 28, pp. 38—60.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Кареев — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

D. V. Kareev — Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 100—126.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 100—126.

Научная статья

УДК 327.8(091) (44).082

DOI: 10.46725/IW.2022.1.5

ВИНСЕНТ Д'АБЕРНОН И ФРАНКО-БРИТАНСКАЯ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ В ПОЛЬШЕ (1920 г.)

Никита Дмитриевич Сорокин

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
n.d.sorokin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4305-3079>

Аннотация. Заключение в 1921 г. невыгодного для Москвы Рижского мирного договора, поставившего точку в советско-польской войне 1919—1921 гг., стало прямым следствием поражения Красной армии в августе 1920 г. Ряд исследователей связывает успех польской армии исключительно с военным гением польского лидера Юзефа Пилсудского, забывая, что в те судьбоносные дни в Варшаве работала франко-британская военно-дипломатическая миссия, одним из лидеров которой был англичанин лорд Винсент д'Абернон. В настоящей статье изучена роль и место франко-британской военно-дипломатической миссии в «Чуде на Висле», а также персонального вклада британца д'Абернона в победу союзников. Особое внимание автор уделяет вопросам взаимоотношений членов миссии с польским политическим и военным истеблишментом, а также тем дипломатическим усилиям, которые были предприняты д'Аберноном в русле консолидации позиций Лондона и Парижа и транслирования этих установок в Варшаву. При написании статьи автором был использован исторический метод как прием для анализа многочисленных дневников и воспоминаний участников событий, а также историко-системный метод, позволяющий поместить изучаемые события в контекст архитектуры международных отношений на европейском континенте исследуемого периода. В результате проделанной работы автор приходит к следующим базовым выводам: 1) успех польской армии в битве за Варшаву напрямую связан с выполнением Пилсудским тех организационных и военно-тактических рекомендаций, которые были даны франко-британской военно-дипломатической

© Сорокин Н. Д., 2022

миссией; 2) ключевую роль в «Чуде на Висле» сыграла политическая и военная поддержка Польши Британией и Францией, которая, в свою очередь, стала возможной благодаря предоставлению своевременного и высокоточного анализа событий лордом д'Аберноном; 3) «нечистая дипломатическая игра», которую вела Москва с Варшавой и членами миссии, помогли д'Абернону выработать подход к работе с «советской угрозой» в качестве посла Его Величества в Берлине.

Ключевые слова: В. д'Абернон, Ю. Пилсудский, М. Вейган, П. Редклифф, Ллойд Джордж, «Чудо на Висле», советско-польская война, Рижский мирный договор, Варшава, Красная армия

Для цитирования: *Сорокин Н. Д.* Винсент д'Абернон и франко-британская военно-дипломатическая миссия в Польше (1920 г.) // *Интеллигенция и мир.* 2022. № 1. С. 100—126.

Original article

VINCENT D'ABERNON AND THE FRANCO-BRITISH MILITARY-DIPLOMATIC MISSION IN POLAND (1920)

Nikita D. Sorokin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
n.d.sorokin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4305-3079>

Abstract. The conclusion of the Riga Peace Treaty in 1921, which put an end to the Soviet-Polish war of 1919—1921, was a direct consequence of the defeat of the Red Army in August 1920. A number of researchers associate the success of the Polish army exclusively with the military genius of the Polish leader Joseph Pilsudski, forgetting that during those fateful days a Franco-British military-diplomatic mission worked in Warsaw, one of the leaders of which was the Englishman Lord Vincent d'Abernon. This article examines the role and place of the Franco-British military-diplomatic mission in the “Miracle on the Vistula”, as well as the personal contribution of d'Abernon to the victory of the Allies. The author pays special attention to the issues of relations between the members of the mission with the Polish political and military establishment, as well as the diplomatic efforts that were undertaken by d'Abernon in the course of consolidating the positions of London and Paris and broadcasting these instructions to Warsaw. The author

used the historical method as a technique for analyzing numerous diaries and memoirs of participants of those events, as well as a historical and systematic method that allows placing the studied events in the context of the architecture of international relations on the European continent of the period under study. As a result of the work done, the author comes to the following basic conclusions: 1) the success of the Polish army in the Battle of Warsaw is directly related to the implementation by Pilsudski of those organizational and military-tactical recommendations that were given by the Franco-British military-diplomatic mission; 2) the key role in the “Miracle on the Vistula” was played by the political and military support of Poland by Britain and France, which, in turn, was made possible by the provision of timely and highly accurate analysis of events by Lord d’Abernon; 3) the “dirty diplomatic game” that Moscow conducted with Warsaw and members of the mission helped d’Abernon to develop an approach to dealing with the “Soviet threat” as His Majesty’s ambassador in Berlin.

Keywords: W. d’Abernon, J. Pilsudski, M. Weigan, P. Radcliffe, Lloyd George, “Miracle on Vistula”, Polish-Soviet War, Peace of Riga, Warsaw, Red Army

For citation: Sorokin, N. D. (2022), ‘Vincent d’Abernon and the Franco-British Military-diplomatic Mission in Poland (1920)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 100—126 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Битва за Варшаву 13—25 августа 1920 г., более известная как «Чудо на Висле», стала переломным моментом советско-польской войны 1919—1921 гг. Причины поражения Красной армии в битве, которая повернула ход всех военных действий и, в конечном итоге, привела к подписанию невыгодного для Советской России Рижского мирного договора 1921 г., оцениваются историками по-разному. Многие исследователи сходятся в мысли, что залогом победы польской армии стал военный гений главы II Речи Посполитой Юзефа Пилсудского [Wandycz, 1969; Ullman, 1973; Jedrzejewicz, 1977; Wagner, 1979; Jena, 1980; Klessmann, 1981]. Сам Ю. Пилсудский в своих воспоминаниях однозначно дает понять, что именно его руководство обороной столицы Польши позволило остановить наступление РККА [Pilsudski, 1920: 152—153].

Возвышая личную заслугу Пилсудского в «Чуде на Висле», многие исследователи сводят к минимуму роль англо-французской военно-дипломатической миссии, направленной Лондоном и Парижем для поддержки польского командования. Британская часть миссии была представлена лордом Винсентом д'Аберноном, сопровождаемым генералом Перси Редклиффом; французская — Жаном Жюссераном и генералом Максимом Вейганом. Так, например, британский историк, занимающийся вопросами польской государственности, Норман Дэвис пишет, что «Пилсудский стал архитектором той победы», а «союзные правительства и их представители не играли вообще никакой роли в Варшавской битве». «Дипломаты Союзников в Польше во время Варшавской битвы находились в полнейшем замешательстве, препираясь друг с другом, со своими правительствами и с польским руководством» [Davies, 1972: 220], — заключает Дэвис.

Вместе с тем, существует и альтернативная точка зрения. «25 июля англо-французская миссия прибыла в Варшаву и приняла активное участие в руководстве операциями польской армии. Генералу Вейгану была предоставлена руководящая роль в операциях по защите Варшавы», — отмечает Исаак Минц в трехтомнике «История дипломатии» [История дипломатии... , 1945: 82]. Уинстон Черчилль, занимавший в 1920 г. должность военного министра, вспоминает в своих мемуарах, что «через влияние и авторитет лорда д'Абернона ... Вейган добился эффективного военного контроля [над обороной Варшавы]. Он [Вейган] перегруппировал отступающие польские армии и переломил ход битвы, организовав массивную контратаку» [Churchill, 1929: 282—283]. Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж поздравил д'Абернона с успешным завершением Варшавской операции, отметив, что его главная заслуга заключалась в «убеждении поляков принять условия сотрудничества с Союзниками в рамках работы миссии» [Bryant, 1990: 527]. Редакторы сборников «Документы британской внешней политики» Роан Батлер и Дж. Бэри замечают в предисловии к восьмому тому серии, что работа миссии существенным образом «поспособствовала успеху сопротивления поляков натиску Красной армии» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 6].

Постановка проблемы. Пришло время разобраться, какое в действительности значение для свершения «Чуда на Висле» имела работа англо-французской союзной миссии и каким был вклад молодого британского экономиста и дипломата лорда д'Абернона в эту работу.

Методология и методы исследования

При написании статьи автором был использован исторический метод как прием для анализа многочисленных дневников и воспоминаний участников событий, а также историко-системный метод, позволяющий поместить изучаемые события в контекст архитектуры международных отношений на европейском континенте исследуемого периода.

Основная часть

К лету 1920 г. ситуация на фронтах советско-польской войны складывалась не в пользу Варшавы. Конфликт, который начался на закате Первой мировой войны с серии пограничных стычек, перерос в полномасштабные военные действия с вторжением Польши на Украину в марте 1920 г. Советские войска остановили поляков под Киевом, и теперь уже Варшаве угрожало вторжение Рабоче-крестьянской Красной армии. Пилсудский, осознавая всю взрывоопасность ситуации, обратился за помощью к Лондону. Премьер-министр Ллойд Джордж, который считал действия поляков авантюрными и не одобрял, предложил следующие условия, на которых Лондон может вмешаться в конфликт: Польша объявляет перемирие, соглашается на проведение своей восточной границы по линии Керзона, принимает Британию в качестве посредника при подписании мирного договора на конференции в Лондоне. Ллойд Джордж обещал предоставить Пилсудскому военную помощь только в том случае, если Москва не согласится на перемирие и не прекратит наступление. Поляки, рассчитывавшие, в первую очередь, на военную поддержку, с неохотой приняли условия британского премьера, но не торопились воплощать обещанное в жизнь [Documents on British Foreign Policy, 1958: 441—442, 490—491, 502—506, 524—530].

Не желая оставаться «один на один» с Варшавой и Москвой, Ллойд Джордж решил привлечь к урегулированию конфликта Париж. Французский президент Александр Мильеран выразил готовность направить в Варшаву генерала Максима Вейгана, начальника штаба маршала Фоша и Жана Жюссерана, французского посла в США, который в тот момент был отозван в Париж. Своим военным представителем Ллойд Джордж назначил генерал-майора Перси Редклиффа, главу отдела боевых операций военного министерства. Дипломатическим аспектом работы миссии было предложено заняться лорду д'Абернону. Назначение молодого экономиста, лингвиста и бывшего военного лорда д'Абернона на столь ответственный пост стало первым опытом этого британца на дипломатической службе; опытом, который будет им продолжен на должности посла Великобритании в Германии в 1920—1926 гг.

Следует заметить, что между британцем д'Аберноном и французом Вейганом сразу сложились теплые и уважительные отношения. Дипломат так описывал генерала: «Идеальный солдат, педантичный, трудолюбивый; жесткий в суждениях, но скромный; смелый, но рассудительный; безоговорочно верящий в дисциплину, порядок и организацию, но не мыслящий стереотипами» [D'Abernon, 1931a: 127—128]. Генерал отвечал на комплименты дипломата той же монетой, отмечая, что д'Абернон рекомендовал себя как человек умный и деятельный [Weygand, 1957: 94].

21 июля 1920 г. д'Абернон и Рэдклифф встретились с президентом Мильераном, генералом Вейганом и рядом высокопоставленных французских дипломатов и достигли согласия по следующим принципиальным позициям: 1) «склонить Варшаву к перемирию с Москвой», 2) «изучить возможность оказания Польше военной поддержки», если Россия откажется от перемирия [D'Abernon, 1931b: 16—17]. Миссия в полном составе покинула Париж вечером 22 июля на специальном поезде, предоставленном Мильераном. За те три дня, что миссия добиралась до польской столицы по железной дороге, произошел ряд важных событий: Варшава предложила Москве пойти на перемирие, но Красная армия продолжила наступление [Documents on British Foreign Policy, 1958: 395—397]. Советское руководство, ранее

выражавшее заинтересованность в скорейшем мирном сворачивании конфликта, теперь смотрело на ситуацию во многом по-другому. Москва, размышляя уже о новом миропорядке после победы, официально не отказываясь от прекращения огня, старалась всячески затянуть его наступление. Так, 24 июля нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин сообщил в ноте своему британскому коллеге Дж. Керзону, что им было отдано распоряжение начать подготовку мирных переговоров, а также о согласии на британское посредничество в этих переговорах. Те же намерения Чичерин подтвердил и в своем ответе полякам. Переговоры было предложено начать 30 июля.

Время в дороге сотрудники миссии не тратили понапрасну. По пути была совершена остановка в Праге для встречи с чешским президентом Томашем Масариком, который назвал ситуацию с обороной Варшавы обреченной и посоветовал союзникам не вмешиваться [История дипломатии, 1945: 82]. Кроме того, в пути делегация изучила диспозицию сил воюющих сторон. Поляки сосредоточили основные силы на южном театре военных действий в Восточной Галиции. Советские войска успешно атаковали на севере в районе Варшавы, оборона которой рассыпалась на глазах. Д'Абернон пришел к выводу, что первоочередной причиной поражений поляков является неразбериха в польском военном командовании. Никто не отдавал письменных приказов, также отсутствовали какие-либо записи телефонных распоряжений. Польский офицерский корпус был четко поделен на четыре неформальные группы — тех, кто получил подготовку в России, Германии, Франции или Австро-Венгрии. Представители каждой военной школы с недоверием и настороженностью относились друг к другу, в офицерской среде царили зависть и неразбериха [Bryant, 1990: 531].

Ситуацию для поляков осложнял несговорчивый и своевольный характер главы государства Юзефа Пилсудского. Свои первые впечатления о Пилсудском д'Абернон получил из беседы с бывшим польским премьер-министром Игнацием Падеревским, который характеризовал первое лицо Польши как слабого руководителя. Падеревский утверждал, что именно Пилсудский несет ответственность за то опасное положение, в которое попала Варшава. Кроме того, до членов миссии дошли слухи о том, что

Пилсудский планировал сформировать социалистическое правительство. Такой шаг позволил бы Пилсудскому упрочить свои внутривластные позиции, а также получить более благосклонное расположение Москвы на мирных переговорах.

Проанализировав ситуацию, члены англо-французской миссии еще до прибытия в Варшаву разработали план действий: 1) сместить Пилсудского с должности верховного главнокомандующего, 2) усилить северный фронт для организации более эффективной обороны столицы, 3) усилить роль французской военной миссии в конфликте, 4) активизировать работу по заключению перемирия, 5) не позволить полякам вовлечь союзников в конфликт под предлогом спасения поляков от РККА [Weygand, 1957: 94]. Относительно вопроса обороны Варшавы позиции Вейгана и д'Абернона разошлись. Француз считал, что ситуация для поляков не безнадежна, в то время как британец не разделял оптимизм коллеги. Д'Абернон полагал, что Советы будут затягивать переговоры с целью взятия польской столицы. Кроме того, англичанин рекомендовал Лондону составить список из двухсот офицеров, которые бы смогли принять участие в обороне Варшавы [Documents on British Foreign Policy, 1958: 400].

Миссия прибыла в Варшаву 25 июля 1920 г. Делегатов встречали британский и французский послы сэры Хорас Румбольд и Гектор де Панафье, военные атташе обеих стран, а также группа польских официальных лиц. Д'Абернон вспоминал, что «прием был сдержанным — не чувствовалось душевности или энтузиазма». Британца удивило то спокойное настроение, которое царило в осажденном городе. «На улицах не было даже намека на тревогу или панику; никакого знака того, что польские мужчины массово призывались для обороны страны» [D'Abernon, 1931b: 22], — отмечал д'Абернон.

Первые несколько дней в Варшаве миссия провела в постоянных встречах и совещаниях. В первую очередь, союзники решили обсудить дальнейшую судьбу Пилсудского. Генерал Вейган неоднократно в приватной обстановке высказывал идею об отстранении Пилсудского от командования польскими войсками. Послы Румбольд и де Панафье, а также британский военный атташе генерал Адриан Картон де Виарт, хорошо знакомые с внутривластной ситуацией в Польше, призвали Вейгана

отказаться от этой идеи, поскольку она никогда не получила бы поддержки среди поляков и лишь привела бы к политическому кризису в стране. Союзники пришли к выводу, что следует сделать ставку на патриотические чувства. «Ничто не сможет остановить отступление поляков до того момента, как враг не достигнет Варшавы. Тогда патриотические чувства трансформируются в понимание необходимости защиты столицы» [Carton W. A de, 1950: 107—108], — заключил де Виарт. Больше союзники идею отстранения Пилсудского от власти не поднимали.

В день прибытия миссия также начала серию встреч с польскими официальными лицами. Положительное впечатление на д'Абернона произвел недавно назначенный министр иностранных дел Евстафий Сапега. Министр был откровенен с членами миссии и не отрицал всей серьезности ситуации. Сапега заявил, что сделает все от него зависящее, чтобы перемирие было заключено, хотя и выразил сомнения в реальности достижения этой цели. Свои сомнения первый дипломат Польши объяснил тем, что накануне Варшавой была перехвачена советская телеграмма, в которой Москва приказывала всем соединениям быть готовыми к массивной атаке. Д'Абернон оценил честность и ум Сапеги, отметив в своих записках о работе миссии, что министр «действительно хотел заключения перемирия, чем выделялся среди польского истеблишмента» [D'Abernon, 1931b: 31—32].

На следующий день д'Абернона и его коллег в Бельведерском дворце принимал Пилсудский. Поблагодарив делегацию за визит, польский глава сразу же перешел к делу и потребовал от союзников направить в Польшу несколько дивизий для поддержания боевого духа обороняющихся. Д'Абернон указал Пилсудскому на то, что офицеры французской военной миссии, которая уже несколько месяцев находилась в Польше, не были эффективно использованы, и направление новых военных контингентов не сможет переломить ситуацию. В свое оправдание польский главнокомандующий ответил, что польские и французские военные испытывали трудности в общении из-за языкового барьера. Британец парировал, сказав, что офицеры Его Величества по всему миру командуют солдатами, не говорящими по-английски, что не мешает выполнению поставленных задач. Пилсудский также отметил необходимость поддержки Польши в части снабжения

ее армии амуницией, дополнительные объемы которой потребуются, когда все резервисты и волонтеры встанут в строй. Встреча с Пилсудским произвела на всех делегатов негативное впечатление. Д'Абернон охарактеризовал главу Польши как человека с амбициями Наполеона, но без какого-либо таланта [Bryant, 1990: 533].

Следующую встречу миссия провела с лидером Крестьянской партии премьер-министром Винценты Витосом, бравировавшим своей близостью к простому народу и демонстративно не носящим галстук. Встреча с этим «театральным крестьянином», как охарактеризовал премьер-министра один из членов миссии, лишь подтвердила убеждение делегатов в неадекватности высшего руководства Польши. «Они говорят все, кроме правды», — заключил после серии встреч с польским истеблишментом генерал Вейган. Д'Абернон писал премьеру Ллойд Джорджу: «Я совсем не полагаюсь на поляков. В их политике я не вижу даже намека на эффективность или вменяемость. В первую очередь, я рассчитываю на заключение перемирия. Перемирие — это лучший способ хоть как-то спасти Польшу». Своей супруге дипломат писал следующее: «Никто не может прогнозировать развитие событий. Преобладает восточная, средневековая атмосфера» [Bryant, 1990: 533—534].

Тем же вечером Вейган провел еще одну встречу с Пилсудским, прошедшую с глазу на глаз. Генерал изложил главе государства свой план выхода из того военного кризиса, в который попала Польша:

1. Приказы отдаются офицерами только в письменном виде и по утвержденной форме. За неподчинение приказам нарушитель строго наказывается.

2. Замена непрофессиональных офицеров (многие из которых были соратниками Пилсудского) на доказавших свой профессионализм (многие из которых были недоброжелателями Пилсудского).

3. Передислоцирование излишних воинских контингентов с направления Восточная Галиция на Варшавское направление [Weygand, 1957: 104—107].

Пилсудский не принял ни одной из вышеперечисленных рекомендаций. Собеседники разошлись разочарованными друг в друге, что немедленно вылилось в личную обоюдную неприязнь. Начиная с этого момента, д'Абернону, помимо своей прямой

обязанности (помощи Польше в выходе из кризиса наименее кровопролитным способом), пришлось выстраивать диалог между Пилсудским и Вейганом.

На следующий день миссия работала над вопросом разблокирования работы морского порта вольного города Данциг, через который союзники поставляли Варшаве основной объем военной помощи. Данциг, подмандатная территория Лиги Наций, был преимущественно населен немцами, которые не желали усиления роли Варшавы в управлении городом. По этой причине портовые работники устроили забастовку, не пропуская товары военного назначения, предназначенные для поддержки польской армии. В частности, в порту ждал разгрузки британский военный корабль «Гритон». Английский высокий комиссар в Данциге сэр Реджинальд Тауэр боялся вызвать в городе беспорядки и решил не применять британские войска, расквартированные в Данциге, для разблокирования работы порта. После долгого обсуждения члены миссии сошлись во мнении, что союзникам необходимо возобновить процесс снабжения польской армии любой ценой. Д'Абернон аргументировал свое решение тем соображением, что в случае, если Варшава будет сдана Советам, польское правительство переместится в Познань, снабжение которого может осуществляться только через Данциг. Используя свое положение официального представителя премьер-министра, дипломат дал сэру Тауэру поручение провести работу по разблокировке работы порта, даже если это потребует применения силы британским военным контингентом [Documents on British Foreign Policy, 1958: 406, 409—411], [D'Abernon, 1931b: 38]. В тот же вечер дипломат направил вторую депешу, предназначенную на этот раз главе Форин офиса Керзону. Зная о том, что сэр Тауэр являлся убежденным противником силового решения проблемы (британский высокий комиссар работал согласно мандату Лиги Наций и не имел права вставать на позицию одной из сторон), д'Абернон просил министра отозвать Тауэра в Лондон для консультаций и назначить на его место члена миссии от Британии сэра Хакинга [Documents on British Foreign Policy, 1958: 405—406].

Встреча с министром казны Владиславом Грабским, а также ужин у министра иностранных дел Сапеги, на котором присутствовал почти весь кабинет министров, окончательно

убедили д'Абернона в правоте суждений генерала Вейгана. Грабский в беседе подтвердил диплому, что ответственность за военные и социально-экономические неудачи Польши всецело лежит на Пилсудском. Глава Польши не хотел предпринимать ни одного действия (пусть даже самого необходимого), которое потенциально могло бы ограничить его власть; он превозносил свой военный гений и не желал слышать никаких советов и рекомендаций. Также главный финансист подтвердил свою готовность плотно сотрудничать с миссией и предпринимать рекомендованные ее членами действия. Беседы с другими членами польского кабинета также оказались продуктивными. Д'Абернон писал в своих воспоминаниях: «Они желали воспользоваться помощью Вейгана и французской военной миссии, но не могли послушаться приказа главы Польши Пилсудского» [D'Abernon, 1931b: 34—35].

27 июля на оперативном совещании британский генералитет, входивший в состав миссии, рекомендовал д'Абернону выдвинуть Пилсудскому ультиматум о назначении генерала Вейгана главой Генштаба Польши. Вести с северного фронта заставляли действовать быстро, поскольку Красная армия находилась уже в каких-то семидесяти километрах от Варшавы. На фоне успехов РККА активизировались контакты Советской России и Веймарской республики. Представители двух стран начали обсуждать вопросы новых границ Германии, Польши и России. В Москве, кроме того, заговорили о революционизировании Польши и всей Центрально-Восточной Европы [Черноперов, 2006: 166—204].

Необходимость воплощения в жизнь рекомендаций Вейгана более не вызывала сомнений. Дипломат назначил собрание всего польского высшего командования, а также дал генералу Редклиффу два поручения: направить в британское военное министерство письмо с перечислением военных нужд Варшавы, встретиться с Пилсудским и объявить тому о решении назначения Вейгана и реформах в армии.

Встреча с польским генералитетом прошла достаточно успешно. Д'Абернон выступил с предложением о назначении генерала Вейгана начальником польского Генерального штаба, но встретил сопротивление со стороны военных. Генералы боялись, что назначение француза командующим польским Генштабом может вызвать недовольство в офицерской среде, которая и без того

не отличалась дисциплиной и слаженностью работы. Стороны сошлись на решении, что Вейган будет назначен советником главы Генштаба и получит право доступа ко всем документам, а его рекомендации будут иметь самый серьезный вес. Кроме того, генерал Редклифф назначался помощником Вейгана. Польский генералитет также соглашался на передислокацию излишних контингентов на Варшавское направление [Documents on British Foreign Policy, 1958: 665—668]. Дипломат был доволен результатами переговоров и писал Керзону, что они «подняли моральный дух правительства и были очень тепло встречены» [Bryant, 1990: 536].

28 июля сэру Хакингу удалось сдвинуть с мертвой точки блокирование работы Данцигского порта. Военный груз, находившийся на борту «Тритона» был выгружен, а работа порта полностью восстановлена. Союзную помощь польской армии погрузили на поезда. 3 августа она прибыла в Варшаву. Вмешательство Хакинга возмутило сэра Тауэра, который так и не был отозван в Лондон. Тауэр направил Керзону жалобу на д'Абернона о том, что дипломат дает поручения и действует в разрез с инструкциями, поступающими Тауэру из Лондона. Глава Форин офиса, который, все-таки, решил не отзываться Тауэра, направил д'Абернону письмо, в котором предостерегал того от резких действий и призывал «не давать инструкций, расходящихся с официальной позицией внешнеполитического ведомства» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 410—411].

Между тем, польское военное командование передало союзной миссии перехваченную секретную советскую телеграмму, в которой говорилось о необходимости затягивания советскими переговорщиками разрешения вопроса о перемирии до 4 августа. Все так и произошло. Когда польская дипломатическая делегация прибыла в г. Барановичи для проведения переговоров, представители Советской России и ее союзников объявили о переносе даты и места встречи, сославшись на отсутствие со своей стороны полномочий обсуждать и подписывать какие-либо документы о перемирии. Новой датой было названо 4 августа. Новым местом — Минск [Documents on British Foreign Policy, 1958: 422].

Неприкрытое затягивание переговорного процесса вместе с продолжающимися военными успехами Красной армии окончательно убедили д'Абернона в неготовности Москвы к перемирию.

«Мы должны твердо дать Советам понять, что если продвижение их армии продолжится, то подготовка к заключению перемирия и возобновлению торговых отношений категорически невозможны» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 419], — писал дипломат 30 августа в своем обращении к лорду Керзону. 31 августа д'Абернон также уведомил британское военное министерство, что большевики намеренно затягивают переговоры для создания условий к продвижению вглубь польской территории. Надежды остановить победное шествие Красной армии дипломатическими методами не оставалось практически никакой, поэтому британец связывал главную возможность исправления ситуации исключительно с управленческими и военными талантами генерала Вейгана, который должен был перестроить работу польского Генштаба.

Вместе с тем, ситуация в самом Генштабе исправлялась крайне медленно. 30 июля д'Абернон записал в своем дневнике: «Невыносимо сложно убедить польское военное командование сосредоточить достаточное количество войск на северном фронте» [D'Abernon, 1931b: 44]. Четырьмя днями позже дипломат будет докладывать лорду Керзону, о жалобах генерала Вейгана на неисполнение его приказов польскими офицерами. Генерал также сообщал, что поляки практически не предприняли никаких действий для защиты подступов к Варшаве [Bryant, 1990: 538]. Д'Абернон решил лично проверить линию обороны польской столицы и пришел к выводу, что Вейган был прав. Требовалась также перестройка работы польской разведки. Ее деятельность велась настолько плохо, что британский военный атташе генерал де Виарт и генерал Редклифф чуть не попали в советский плен под Брест-Литовском. Обороняющиеся даже не знали, что Красная армия стояла в каком-то часе езды от города [D'Abernon, 1931b: 51—53]. Д'Абернон решил взять ситуацию в свои руки и назначил встречу союзной миссии с польским военным командованием на вечер 3 августа.

Совещание 3 августа стало поворотной точкой командования этой военной кампанией. Д'Абернон уличил польский Генштаб в том, что Вейган не получает полный доступ к документам и что приказы генерала не исполняются. Обвинения застали поляков врасплох и вызвали целый шквал несогласных и недовольных заявлений. Министр Сапега выразил сожаление, что генерал

Вейган не удовлетворен уровнем взаимодействия, и заверил, что ни одно важное решение не будет принято без участия француза. Вместе с тем, Сапега заявил, что Варшава не начнет переговоры о перемирии с Москвой пока Советы не освободят ранее занятый ими г. Барановичи. Кроме того, польский министр попросил д'Абернона и главу французской миссии Жана Жюссерана вернуться в свои столицы и запросить военную поддержку. Британец передал эту просьбу в Форин офис, но получил отказ лорда Керзона.

После встречи 4 августа польская сторона перестала игнорировать распоряжения генерала Вейгана. Согласно рекомендациям француза, польское командование передислоцировало часть сил к реке Буг — последней природной преграде, отделявшей Варшаву от войск РККА. Кроме того, Пилсудский согласился сделать то, на чем союзная миссия настаивала с самого первого дня своей работы — «перевосить» значительные силы польской армии с направления Восточной Галиции на варшавское направление [Weygand, 1957: 129—130]. Министр Грабский также сообщил д'Абернону, что часть польских высокопоставленных военных, не согласных исполнять рекомендации союзников, была отстранена от командования и заменена более гибкими офицерами. В своем дневнике британский дипломат подчеркивал, что «Вейган настроен гораздо более оптимистично, чем 48 часов тому назад, и отмечает настрой поляков на более тесную работу» [Bryant, 1990: 538—539]. Французскому генералу удалось «прикрепить» к каждому крупному польскому военному соединению своих доверенных людей, так что Вейган теперь мог получать оперативную информацию и без задержек транслировать свои решения напрямую в армейские соединения.

В первые дни августа 1920 г. Варшава одержала несколько локальных побед. Ситуация на фронте для Польши стала выправляться, и поэтому 9 августа Вейган и Пилсудский договорились перейти в контрнаступление. Идея заключалась в том, чтобы ударить по Красной армии с ее южного фланга. Атака была бы неожиданной для большевиков, поскольку все их основные силы были сосредоточены на варшавском направлении. Генерал Редклифф охарактеризовал этот план как «смелый и весьма перспективный». Он также отметил, что контратака может с легкостью провалиться, если РККА предпримет минимальные меры предосторожности на южном

направлении или если польская столица падет раньше, чем замысел будет реализован. Удержать Варшаву в польских руках стало главной задачей Вейгана и Редклиффа в течение второй декады августа.

Поскольку военные вопросы теперь были замкнуты на генералах Вейгане и Редклиффе, в профессионализме которых д'Абернон не сомневался, дипломат решил сфокусироваться на вопросах мирного урегулирования конфликта. Британец обратился к министру иностранных дел Сапеге с предложением о возобновлении переговоров в Минске, как на том настаивала советская сторона. «Варшава не должна дать Москве ни малейшего повода к обвинениям в затягивании или нежелании мира», — писал д'Абернон 9 августа в своем послании Ллойд Джорджу. В том же документе дипломат отрицал все инсинуации Советов относительно вины польской стороны в провале переговоров в Барановичах: «С самого первого дня моей работы в Варшаве мы использовали любые возможности к установлению перемирия». С другой стороны, РККА «перешла всякие мыслимые границы» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 441], а сами большевики не имели ни малейшего намерения разрешить конфликт миром.

Д'Абернон понимал, что проблема «коммунизации» Европы — гораздо больше, чем, хоть и кровопролитная, но все же локальная советско-польская война; и что без привлечения к сотрудничеству Германии — одного из крупнейших европейских государств — решить эту проблему невозможно. Стратегическое видение британца заключалось в реинтеграции Берлина в «европейскую семью». Д'Абернон, который совсем скоро станет британским послом в Германии, разработал рекомендации по созданию на континенте антибольшевистской лиги, в число членов которой, по его мысли, должна была войти и Германия. Этот документ так и не был отправлен в Лондон, но сохранился в личном архиве дипломата. Д'Абернон, видимо, посчитал эти рекомендации преждевременными, поскольку антигерманские настроения и желание максимально ослабить Берлин преобладали в политико-экономических кругах Европы и соответствовали «духу Версаля». С большой долей вероятности можно сказать, что именно миссия д'Абернона в Варшаве сформировала в мировосприятии дипломата убеждение в необходимости включения «на равных» Берлина в политические процессы [Bryant, 1990: 539].

Между тем поляки продолжали настаивать на оказании им прямой военной поддержки. 5 августа 1920 г. состоялось совещание под председательством д'Абернона, на котором были выработаны предложения о трех возможных уровнях военной помощи от Лондона и Парижа. «Программа максимум» предполагала направление в Польшу не менее 2 пеших и 2 конных дивизий под командованием французского или британского генерала. «Средний вариант» заключался в занятии союзными войсками Данцига, направление в Польшу большого количества амуниции и военных советников. «Программа минимум» предполагала только взятие под контроль Данцига, что позволило бы организовать через его порт поставки помощи [Documents on British Foreign Policy, 1961: 443—444].

Возможно, предполагая, что рекомендации англо-французской миссии не будут услышаны в Лондоне и Париже, д'Абернон направил вслед за коллективными свои личные предложения. Дипломат указывал на необходимость поднятия боевого духа польской армии. И даже если союзники решат не направлять Варшаве реальную военную поддержку, то следует создать видимость таких намерений. Д'Абернон предложил «запустить» информацию о подготовке ряда деклараций Лондона и Парижа о статусе Данцига, а также «секретные сведения» о направлении в Польшу больших резервов амуниции. «Хорошо разыгранная интрига станет для поляков лучшим тонизирующим средством», — заключил дипломат [Documents on British Foreign Policy, 1961: 446].

Проработка вопроса о помощи Польше д'Аберноном и его коллегами позволила подготовить франко-британскую встречу на высшем уровне, которая состоялась в начале августа 1920 г. в английском городе Хит. Премьер-министр Ллойд Джордж и президент Мильеран договорились отправить Варшаве снаряжение для 22 дивизий, возобновить блокаду России, а также предпринять все усилия для недопущения захвата Советами Данцига. В ответ главы Британии и Франции потребовали от Польши издания декларации, в которой бы говорилось, что Варшава готова сражаться за свою независимость до последней капли крови последнего польского солдата. Кроме того, Пилсудский должен был назначить единого командующего всеми военными операциями, при котором бы находились союзные советники [Documents on British Foreign Policy, 1958: 709—755].

Сообщение об итогах встречи лидеров Франции и Великобритании достигло Варшавы 10 августа и было принято с крайним удовлетворением, как среди правящих кругов, так и в народных массах. Газета «Таймс» сообщала, что толпы поляков, собравшиеся у стен французской военной миссии и британского посольства, скандировали лозунги в поддержку Антанты¹. Единственным проблемным моментом договоренностей стал вопрос назначения главнокомандующего, поскольку этот пост за день до встречи Ллойд Джорджа и Мильерана был предложен генералу Вейгану, что шло вразрез с договоренностями глав союзных государств [D'Abernon, 1931b: 67—69].

Вместе с тем, отношения в стане союзников начали резко ухудшаться. Увлеченный переговорами о заключении торгового соглашения с Советской Россией, Ллойд Джордж 10 августа 1920 г. отозвал британские предложения о помощи Польше, которые были достигнуты в Хите [Ullman, 1973: 225—232, 253—257]. Президент Мильеран в ответ на односторонние действия британцев также в одностороннем порядке признает официальным правительством России ставку генерала Петра Врангеля, начавшего успешное наступление в Крыму [Carley, 1976: 163—189]. Британский премьер был взбешен, узнав о таком поступке французов из утренней «Таймс» [Ullman, 1973: 237—240].

Англо-французское дипломатическое противостояние, разменной монетой которого стала помощь Польше, вызвало в Варшаве эффект разорвавшейся бомбы. Все усилия дипломатической миссии д'Абернона и его партнеров были поставлены под угрозу. Прогресс, достигнутый в ходе переговоров, был утрачен. Д'Абернон был в отчаянии. «Я предполагаю, что Палата общин настроена против Польши и против меня лично» [Bryant, 1990: 541], — писал дипломат в своем дневнике.

Москва прорабатывала как военные, так и политические шаги. 23 июля в Смоленске был учрежден Польревком — Временный революционный комитет Польши — который, по мысли Ленина, должен был стать новым польским правительством после поражения Пилсудского. В состав комитета вошло 8 человек, в том числе Феликс Дзержинский. Номинальным председателем

---

¹ Times. Times Newspapers. 1920. 13 August.

Польревкома стал Юлиан Мархлевский. Одной из первоочередных задач Польревкома стало формирование лояльно настроенных военных соединений. Так, 4 августа комитет направил в польские части приказ «О немедленном образовании в частях армии советских солдатских депутатов с передачей им всей власти в армии и об аресте наиболее контрреволюционных генералов» [Кантор, 2020: 64]. Вместе с тем, формирование польской Красной армии шло очень трудно. К середине августа ее численность насчитывала всего около 1000 человек, большинство из которых были переведены из рядов советской Красной армии. Гражданское население также не желало пополнять ряды польских красноармейцев. Дзержинский сообщил Ленину 5 августа, что местное население «враждебное, угоняют скот, лошадей, снимают с повозок колеса» [Кантор, 2020: 64].

Тем временем советские войска продолжали свое наступление на польскую столицу. Положение Варшавы становилось с каждым днем все более обреченным. К концу июля польская армия потеряла 30 тысяч человек убитыми и 200 тысяч ранеными. В строю находилось всего 172 тысячи человек [Айрапетов, URL:<https://regnum.ru/news/polit/3026814.html>]. 3 августа 1920 г. армии большевиков прервали железнодорожное сообщение между Варшавой и Данцигом. Из перехваченной поляками советской телеграммы следовало, что массированная атака на город должна начаться 14 августа [D'Abernon, 1931b: 77].

Для союзной миссии наступило время эвакуации. Осознавая, какой смертельной угрозе подвергается Польша без помощи союзников, д'Абернон накануне отъезда предпринял еще одну попытку спасения Варшавы. В своей телеграмме Керзону дипломат предложил без промедлений заключить между воюющими сторонами перемирие, скрепленное гарантиями Лондона и Парижа. По мысли британца, союзники бы подтверждали Москве, что Варшава не будет использовать перемирие для перевооружения, а Польше — военную помощь в случае нарушения большевиками соглашений [Documents on British Foreign Policy, 1958: 475]. Керзон оставил обращение д'Абернона без ответа. Рано утром 14 августа 1920 г. миссия покинула Варшаву и переместилась в Познань. Внимание мировой общественности было приковано к битве за Варшаву. обороной города командовал Вейган, которому

помогали Редклифф, польские и французские офицеры, в том числе, и молодой Шарль де Голль, который был в последствие представлен к польской военной награде и удостоился упоминания о своей храбрости в ряде донесений генерала Вейгана.

16 августа 1920 г. Пилсудский предпринял попытку контратаки на южном направлении. «Это ход настоящего игрока. Смелые действия в манере Пилсудского. Такой неординарный шаг может обескуражить русских и прервать их атаку» [D'Abernon, 1931b: 89], — восхищался наш британец военной неординарностью польского лидера. Усилия дали немедленные плоды. Д'Абернон сообщал Керзону, что Красную армию застали врасплох и она бежала с поля боя. На следующий день дипломат сообщал главе Форин офиса следующее: «Смелая атака полностью оправдала себя: разгром большевиков оказался возможен» [D'Abernon, 1931b: 90]. Днем позже д'Абернон докладывал: «Части Красной армии, окружающие Варшаву, находятся в смертельной опасности — она будет либо захвачена, либо разбита» [Bryant, 1990: 542]. В своем следующем письме британскому премьеру дипломат с удовольствием констатировал, что «возможно, за всю мировую историю атакующая армия никогда не терпела такое сокрушительное поражение» [Bryant, 1990: 542]. Впечатленные победой, члены англо-французской миссии приняли решение вернуться 19 августа в Варшаву.

Почувствовав вкус победы, поляки стали проявлять больше самостоятельности в принятии решений и игнорировать советы англо-французской миссии. В частности, на военном совете, который состоялся 19 августа 1920 г., Пилсудский проявил жест явного неуважения к генералу Вейгану. Польский лидер говорил более двух часов на родном языке, ни разу не обратившись к главному французскому военному советнику. Вейган был глубоко возмущен таким отношением и даже потребовал от д'Абернона, чтобы миссия в срочном порядке покинула Польшу [Weugand, 1957: 151—152]. Британец попытался успокоить француза словами о том, что отъезд из страны во время решающих сражений означал бы акт предательского поведения в отношении польского народа. Вместе с тем, д'Абернон, как и Вейган, был крайне недоволен действиями польской стороны. «Они слушают его советы

с неохотой; говорят только то, что устраивает их; не проявляют никакой благодарности за поддержку», — возмущался дипломат. А ведь именно благодаря действиям и советам Вейгана и Редклиффа «полякам удалось выйти из этой безнадежной ситуации» [Bryant, 1990: 143].

Между тем, советско-польские мирные переговоры начались 17 августа в Минске. Предложения Москвы были следующими: «РСФСР и УССР признавали независимость Польши, право польского народа выбрать форму правления (Ст. 1), отказывались от контрибуции (Ст. 2), в качестве границы принималась «линия Керзона» с небольшими отступлениями в пользу Польши в районе Белостока и Холма (Ст. 3), Польша брала обязательство ограничить армию численностью в 50 тыс. чел., которую предполагалось усилить рабочей и гражданской милицией (Ст. 4), сразу же после подписания прелиминариев Варшава должна была приступить к демобилизации (Ст. 5), выдать лишнее оружие и боеприпасы советской стороне (Ст. 6), прекратить производство вооружения на своей территории (Ст. 7)» [Айрапетов, 2020: 528]. Но поляки одержали победу не только на военном, но и на дипломатическом фронте. В Минске большевики пытались держать поляков в неведении относительно исхода битвы, требуя принятия условий гораздо более суровых, чем те, которые были предложены Ллойд Джорджу 10 августа. Случайно узнав о победе, польская делегация прервала переговоры и вернулась в Варшаву, где раскрыла всю изящность советского замысла [Komarnicki, 1957: 723—728].

К этому времени необратимость польской победы стала окончательно ясна. Вместе с тем, позиция британского дипломата заключалась в продолжении советско-польских мирных переговоров, но уже на более выгодных для Варшавы условиях. Д'Абернон полагал, что новые военные реалии требуют прекращения переговоров в Минске и их переформатирования «на новой основе и на новом месте» [Bryant, 1990: 544]. Британский премьер придерживался того же мнения. Он не хотел, чтобы миссия покинула Польшу до тех пор, пока вопрос не будет решен дипломатически. 25 августа он поручил д'Абернону оставаться в Варшаве, чтобы поляки не повторили «военных ошибок весны

и не выставили излишних условий из-за своей победы» [Bryant, 1990: 544]. По стечению обстоятельств д'Абернон получил это сообщение уже после своего отъезда из польской столицы.

Д'Абернона по-прежнему беспокоило закрытие порта Данцига, организованное английским высоким комиссаром сэром Тауэром. Вместе с тем, кроме протеста, направленного в Форин офис, дипломат мало что мог сделать. Д'Абернон убедил генерала Редклиффа направить в Военное министерство сообщение о том, что действия Тауэра поставили миссию в неловкое положение. Редклифф настоятельно призвал Военное министерство принять все возможные меры. 23 августа 1920 г. Д'Абернон телеграфировал Керзону о столкновении между защитниками Данцига и Красной армией вопреки Версальскому договору, добавив, что «если такое умышленное нарушение положений Версаля будет допущено без возражений и последствий для Советов, то мирный баланс в этой части Европы окажется под угрозой» [Documents on British Foreign Policy, 1961: 517].

Ллойд Джордж соглашался с мнением д'Абернона о незаконности блокирования Данцига. На встрече с итальянским премьером Джованни в Люцерне британский лидер предложил обеспечить для Польши силами всех стран Антанты возможность «свободного пользования и обслуживания всего порта без каких-либо ограничений» [Documents on British Foreign Policy, 1961: 518, 522]. Лондон стал действовать решительно. Уже через два дня к Данцигу были отправлены три крейсера и шесть эсминцев. Быстрый ответ Антанты убедил немцев повлиять на бастующих и возобновить работу порта. 27 августа перевозка боеприпасов союзниками для нужд Варшавы возобновилась [Documents on British Foreign Policy, 1961: 532].

В последние дни пребывания в Варшаве д'Абернон в основном занимался информированием Форин офиса об успехах польской армии и подготовкой доклада о польско-советских дипломатических отношениях, который британец назвал «Восемнадцатая решающая битва мира». В докладе дипломат раскритиковал тех представителей английского истеблишмента, которые были «достаточно глупы, чтобы требовать от них [большевиков] быть искренними и прямыми». Дипломат выражал глубокую благодарность Ллойд Джорджу за то, что премьер доверил ему стать частью

миссии: «Я глубоко обязан Вам за предоставленную мне возможность получения этого опыта» [D'Abernon, 1931b: 100—105].

Миссия покинула Варшаву 25 августа. М. Вейган был награжден высшим польским военным орденом «*Virtuti Militari*», вручаемым за выдающиеся боевые заслуги. Ю. Пилсудский в день вручения отлучился из столицы, чтобы не представлять генерала к ордену лично [Wandycz, 1920: 365]. В. д'Абернон отметил, что поляки с опозданием выражают свою благодарность тем, кто помог сделать победу возможной, добавив, что «теперь они очень щедро наверстывают упущенное время» [D'Abernon, 1931b: 111]. В Кракове князь Р. Чарторийский устроил для миссии пышный пир. Во время празднования было произнесено много хвалебных слов, в том числе и в адрес британского дипломата. 28 августа миссия прибыла в Париж, где также получила грандиозный торжественный прием. Рэдклифф отметил, что не видел такой многолюдной демонстрации в Париже даже во время торжеств по случаю подписания Версальского мира. Д'Абернон задержался во французской столице на несколько дней, чтобы провести ряд встреч с французскими официальными лицами. На «Набережной Орсе» британец выразил свое негодование в отношении новой формы дипломатии, практикуемой Советской Россией. Он отметил, что Москва использует грязную дипломатию, прибегая к недобросовестности и двуличию. «Они гордятся тем, что бьют ниже пояса и нарушают свое слово», — негодовал д'Абернон [Byrant, 1990: 545].

Заключение

Так какие же факторы позволили «Чуду на Висле» случиться? Безусловно, не следует преуменьшать роль польской армии, политического и военного командования в этом успехе. Вместе с тем, важным фактором, безусловно, стало дипломатическое и военно-управленческое участие англо-французской миссии в этом конфликте. Благодаря работе генерала Вейгана польская армия была реорганизована: на командные посты были привлечены способные руководители, боеспособность соединений повысилась, польская столица была подготовлена к советскому нападению. В то время как Пилсудский начал свое контрнаступление,

Вейган и Рэдклифф фактически командовали обороной Варшавы, без сохранения которой в польских руках победа Пилсудского, вероятно, была бы невозможна.

Вместе с тем, определяющим фактором успешности выполнения поставленных в Лондоне и Париже задач была работа д'Абернона, который осуществлял дипломатическое обеспечение работы миссии, фактически став главным переговорщиком по линии Варшава — Москва, а также между правительствами Польши и союзников. Обеспечение военных рычагами влияния на командование польскими силами, поставки оружия и амуниции через Данциг, продолжение переговоров между Москвой и Варшавой, выявление «уловок» советской дипломатии — все это стало возможным благодаря усилиям британца.

Список источников

- Айранетов О. Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920—1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020. 800 с.
- Айранетов О. Р.* 100 лет назад. От Польревкома до битвы под Варшавой. URL:<https://regnum.ru/news/polit/3026814.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- История дипломатии: в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. М.: Госполитиздат, 1941—1945. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.). 1945. 884 с.
- Кантор Ю. З.* Как Польшу «штыками прощупали» // Дилетант. 2020. № 58. С. 62—65.
- Черноперов В. Л.* Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1919—1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 436 с.
- Bryant R.* Lord D'Abernon, the Anglo-French Mission, and the Battle of Warsaw, 1920 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. Bd. 38. H. 4. S. 526—547.
- Carley M. J.* The Politics of Anti-Bolshevism: the French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // *The Historical Journal*. 1976. Vol. 19. № 1. P. 163—189.
- Carton W. A de.* Happy Odyssey: The memoirs of Lieutenant-general Sir Adrian Carton de Wiart. L.: Jonathan Cape, 1950. 287 p.
- Churchill W.* The Aftermath. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1929. 502 p.

- D'Abernon*. An Ambassador of Peace: Lord d'Abernon's Diary. L.: Hodder and Stoughton, 1929. Vol. 1. 332 p.
- D'Abernon*. Portraits and Appreciations. L.: Hodder and Stoughton, 1931a. 259 p.
- D'Abernon*. The Eighteenth Decisive Battle of the World: Warsaw 1920. L.: Hodder and Stoughton, 1931b. 178 p.
- Davies N.* White Eagle, Red Star. L.: Macdonald and Co, 1972. 220 p.
- Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. 1st series / ed. by R. Butler and J. P. T. Bury. L.: H. M. Stationery Off, 1958. Vol. 8. 891 p.
- Jedrzejewicz W.* Kronika zycia Józefa Pitsudskiego. 1867—1935. L.: Polska Fundacja Kulturalna, 1977. 544 p.
- Jena K. V.* Polnische Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg. Das Problem der Beziehungen zu Sowjetrußland nach dem Rigaer Frieden von 1921. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. 244 S.
- Klessmann C.* Der polnisch-sowjetische Krieg von 1920 als europäisches Problem // Ostmitteleuropa. Berichte und Forschungen / hrsg. von U. Haustein, G. W. Strobel und G. Wagner. Stuttgart: Steiner Verlag, 1981. S. 310—334.
- Komarnicki T.* Rebirth of the Polish Republic. A Study in the Diplomatic History of Europe, 1914—1920. L.: W. Heinemann, 1957. 776 p.
- Pilsudski J.* Rok 1920. L.: Fifth Impression, 1941. 224 p.
- Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Vol. 3: The Anglo-Soviet Accord. Princeton: Princeton University Press. 1973. 536 p.
- Wagner G.* Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftlich, 1979. 294 S.
- Wandycz P. S.* General Weygand and the Battle of Warsaw // Journal of Central European Affairs. 1960. Vol. 19. № 4. P. 357—365.
- Wandycz P. S.* Soviet-Polish Relations, 1917—1921. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 418 p.
- Weygand M.* Mémoires, mirages et réalité. Paris: Flammarion, 1957. 522 p.

References

- Airapetov, O. R. (2020), *Vneshniaia politika Sovetskoi Rossii i SSSR v 1920—1939 godakh i istoki Vtoroi mirovoi voiny* [The foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920—1939 and the origins of the Second World War], Rodina, Moscow, Russia.
- Airapetov, O. R., *100 let nazad. Ot Pol'revkoma do bitvy pod Varshavoi* [100 years ago. From Polrevkom to the Battle of Warsaw], available at: <https://regnum.ru/news/polit/3026814.html> (Accessed 10 May 2021).

- Bryant, R. (1990), 'Lord D'Abernon, the Anglo-French Mission, and the Battle of Warsaw, 1920', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 38, heft 4, S. 526—547.
- Butler, R. and Bury, J. P. T. (1958) (eds.), *Documents on British Foreign Policy, 1919—1939*, 1st series, vol. 8, H. M. Stationery Off, London, UK.
- Chernoperov, V. L. (2006), *Diplomaticheskaiia deiatel'nost' V. L. Koppa v Germanii v 1919—1921 gg.* [Diplomatic activity of V. L. Kopp in Germany in 1919—1921], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Carley, M. J. (1976), 'The Politics of Anti-Bolshevism: the French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920', *The Historical Journal*, vol. 19, no. 1, pp. 163—189.
- Carton, W. A de (1950), *Happy Odyssey: The memoirs of Lieutenant-general Sir Adrian Carton de Wiart*, Jonathan Cape, London, UK.
- Churchill, W. (1929), *The Aftermath*, Charles Scribner's Sons, New York, N. Y.
- D'Abernon, (1929), *An Ambassador of Peace: Lord d'Abernon's Diary*, vol. 1, Hodder and Stoughton, London, UK.
- D'Abernon, (1931a), *Portraits and Appreciations*, Hodder and Stoughton, London, UK.
- D'Abernon, (1931b), *The Eighteenth Decisive Battle of the World: Warsaw 1920*, Hodder and Stoughton, London, UK.
- Davies, N. (1972), *White Eagle, Red Star*, Macdonald and Co, London, UK.
- Jedrzejewicz, W. (1977), *Kronika zycia Józefa Pilsudskiego, 1867—1935*, Polska Fundacja Kulturalna, London, UK.
- Jena, K. V. (1980), *Polnische Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg, das Problem der Beziehungen zu Sowjetrußland nach dem Rigaer Frieden von 1921*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany.
- Kantor, Yu. Z. (2020), 'How Poland was "probed with bayonets" ', *Diletant* [Amateur], no. 58, pp. 62—65.
- Klessmann, C. (1981), 'Der polnisch-sowjetische Krieg von 1920 als europäisches Problem', in Haustein U., Strobel G. W. and Wagner G. (eds.) *Ostmitteleuropa, Berichte und Forschungen*, Steiner Verlag, Stuttgart, Germany, S. 310—334.
- Komarnicki, T. (1957), *Rebirth of the Polish Republic, a Study in the Diplomatic History of Europe, 1914—1920*, W. Heinemann, London, UK.
- Pilsudski, J. (1941), *Rok 1920*, Fifth Impression, London, UK.
- Potemkin, V. P. (ed.) (1945), *Istoriia diplomatii: v 3 tomakh, tom 3: Diplomatiiia v period podgotovki Vtoroi mirovoi voiny (1919—1939 gg.)* [History of diplomacy: in 3 volumes, vol. 3: Diplomacy

- during the preparation of the Second World War (1919—1939)], Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Ullman, R. (1973), *Anglo-Soviet Relations, 1917—1921*, vol. 3: The Anglo-Soviet Accord, Princeton University Press, Princeton, N. J.
- Wagner, G. (1979), *Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920*, Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftlich, Wiesbaden, Gemany.
- Wandycz, P. S. (1960), 'General Weygand and the Battle of Warsaw', *Journal of Central European Affairs*, vol. 19, no. 4, pp. 357—365.
- Wandycz, P. S. (1969), *Soviet-Polish Relations, 1917—1921*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Weygand, M. (1957), *Mémoires, mirages et réalité*, Flammarion, Paris, France.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Н. Д. Сорокин — кандидат исторических наук, проректор по социальному развитию и международной деятельности, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

N. D. Sorokin — Candidate of Science (History), Vice-Rector for Social Development and International Affairs, Ivanovo State University, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 127—151.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 127—151.

Научная статья

УДК 745(091)(470.315)"19"

DOI: 10.46725/IW.2022.1.6

ХУДОЖНИК ФЕДОР КАУРЦЕВ: ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАЛЕХ

Дмитрий Игоревич Польшанский

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
dipol53@mail.ru, <https://orcid.org:0000-0003-3680-5508>

Аннотация. В статье на основе опубликованных, архивных и вновь обнаруженных, источников восстанавливаются в их социально-культурном контексте основные факты биографии одного из ведущих мастеров «второго поколения» палехских художников советского времени Ф. А. Каурцева (1896—1963). Прослеживаются формирование и трансформации его социальной и художественной идентичности от ученичества в иконописной мастерской Н. М. Софонова в 1900-е — 1910-е гг. до начала работы в палехской Артели древней живописи в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Художник принадлежал к известной с начала XIX в. палехской художественной династии, в 1916—1921 гг. прошел фронты первой мировой и гражданской войн и только в 1928 г. вернулся к живописи. Сохранившаяся, несмотря на годы отрыва от искусства, творческая идентичность помогла ему в начале 1930-х гг. занять ведущее место во втором поколении мастеров Артели древней живописи и включиться в ее художественный поиск, пробуя себя в лаковой миниатюре, росписи фарфора и книжной иллюстрации. Ведущими в его творчестве стали сюжеты традиционной и новой деревенской жизни, иллюстрации русской литературной классики XIX в., изображения животных, орнаментальные композиции. Учитывая общность биографии Ф. А. Каурцева с палехскими живописцами, пережившими коренные общественно-политические и экономические трансформации первой трети XX в. в России, автор полагает, что дальнейшее исследование его творчества в 1930-е гг. позволит составить более полное представление о роли художественной интеллигенции в обеспечении преемственности культурных традиций и в формировании на их основе знакового феномена новой советской культуры — искусства Палеха.

Ключевые слова: Палех, иконописание, лаковая миниатюра, художественные традиции, Артель древней живописи, Федор Александрович Каурцев

Благодарности: Автор благодарит директора Государственного музея палехского искусства Ольгу Александровну Колесову и руководителя библиотечно-информационного центра Светлану Олеговну Быкову за возможность работать с материалами фондов и библиотеки ГМПИ, ценные советы и замечания. Важными и полезными для автора, впервые обратившегося к истории Палеха, были также встречи и беседы с палехскими художниками Татьяной Леонидовной Сурковой и Владимиром Александровичем Влезько. Автор выражает также глубокую благодарность директору Государственного архива Ивановской области кандидату исторических наук Александру Михайловичу Семененко и сотрудникам архива за оказанное в сложных условиях пандемии содействие.

Для цитирования: *Полывянный Д. И.* Художник Федор Каурцев: долгое возвращение в Палех // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 127—151.

Original article

ARTIST FYODOR KAURTSEV: A LONG RETURN TO PALEKH

Dmitry I. Polyvyanny

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Abstract. Based on few published, mostly archive and newly discovered sources, the article reveals basic biographic facts concerning Fyodor A. Kautsev (1896—1963) — one of the leading persons of the second generation Palekh artists of the Soviet time — in socio-cultural context. Transformations of his social and creative identity are traced from his schooling in N. M. Sofonov's icon-painting workshop to the beginning of his work in Palekh Artel of ancient painting in the end of the 20-ies-beginning of the 30-ies. The artist belonged to Palekh art dynasty known from the beginning of the XIX c., in 1916—1921 went through the fronts of the first world and civil wars in Russia returning to art work only in 1928. His creative identity, saved despite years being far from art, helped him in the beginning of the 1930-ies

to occupy leading position among the second generation of the Artel's masters and to get included into its art search, trying lacquer miniature, painting on china and book illustration. Scenes of traditional and new village life, illustrations of classic Russian literature of the XIX c., images of cattle and wild animals, ornamental compositions became leading themes of his paintings. Keeping in mind common features of his biography with other Palekh icon painters who survived severe sociopolitical and economic changes in Russia, the author concerns, that further research of his creative work can help to more fully represent the role of folk art intelligentsia in keeping continuity of cultural traditions and shaping of Palekh art as the emblematic phenomenon of the new Soviet culture.

Keywords: Palekh, icon painting, lacquer miniature, art traditions, Artel of ancient painting, Fedor Alexandrovich Kaurtsev

Acknowledgments: The author would like to thank Olga Aleksandrovna Kolesova, Director of the State Museum of Palekh Art, and Svetlana Olegovna Bykova, Head of the Library and Information Center, for the opportunity to work with the materials from the collections and library of the MMPI and for their valuable advice and comments. The meetings and conversations with Palekh painters Tatiana Leonidovna Surkova and Vladimir Aleksandrovich Vlezko were also important and useful for the author, who is turning to Palekh history for the first time. The author also expresses his deep gratitude to Alexander Mikhailovich Semenenko, Director of the State Archive of Ivanovo Region, Candidate of Historical Sciences, and the staff of the archive for their assistance in the difficult conditions of the pandemic.

For citation: Polyvyannyu, D. I. (2022), 'Artist Fyodor Kaurtsev: Long Return to Palekh', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 127—151 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Федор Александрович Каурцев (23.12.1896—16.02.1963) известен как «ведущий мастер второго поколения» [Соболевский, 1958: 13, 14; Котов, 1968: 38—39; Некрасова, 1978: 147, 179, 227, 326; Лавров, 2014: 110; Die Schule von Palech, 1923—1950, 2010: 101, 223, 270] палехских художников лаковой миниатюры. Эта характеристика была дана ему в начале 1930-х гг. «певцом Палеха» — журналистом и писателем Е. Ф. Вихревым [Вихрев, 1934: 14]. Он отнес ко «второму поколению» Ф. А. Каурцева, П. Д. Баженова, А. Г. Баканова,

А. С. Баранова, Г. К. Буреева и А. М. Буторина, подчеркнув, что «второе поколение — это мастера, члены артели [древней живописи], вышедшие из учеников. Революция оборвала их ученье в иконописных мастерских, и они продолжили его в артели... Дальнейшие успехи их зависят от собственных исканий, от саморазвития, от расширения тематических возможностей» [Вихрев, 1938: 12]. В дальнейшем исследователи не раз пополняли этот список. Для целей данной статьи важно то, что термин «второе поколение» обозначил круг представителей искусства советского Палеха, к которому принадлежал Ф. А. Каурцев.

Миниатюры художника, написанные на темы русской и советской литературной классики («Ревизор», «Станционный смотритель», «Бронепоезд 14-69» и др.), зарисовки жизни советского Палеха («Увидели аэроплан», «Радио в деревне», «На сцене колхозного клуба» и др.), анималистика (ваза и блюдо «Павлин», письменный прибор «Мир животных» и др.) вошли в золотой фонд палехской живописи XX в. Работы Ф. А. Каурцева хранятся во многих художественных музеях и частных коллекциях нашей и зарубежных стран, высоко ценятся среди знатоков и продолжают привлекать внимание участников художественных аукционов.

На мемориальной доске палехского дома по улице Максима Горького (Ильинской), где Ф. А. Каурцев жил в 1930—1963 гг., он назван «художником лаковой миниатюры». В силу своего предназначения надпись, разумеется, не охватывает другие области деятельности мастера: реставрацию фресок храмов Московского Кремля и Троице-Сергиевой лавры, росписи Саратовского государственного детского театра, Дворцов пионеров в Иваново и Ленинграде, оформление книг, работы по фарфору и пр. В кратких сведениях о нем, содержащихся в справочниках и общих трудах, встречаются разночтения и неточности [Братчикова, 1996: 57; Художники Палеха. Именной справочник, 2011: 105; Die Schule von Palech. 1923-1950: 270].

Постановка вопроса: В центре внимания данной публикации — формирование социальной и творческой идентичности Ф. А. Каурцева в начале жизненного пути (1913—1921) и обстоятельства его возвращения к творчеству в 1920-е — начале 1930-х гг. Статья написана к 125-летию со дня рождения художника и нацелена на сохранение исторической памяти о талантливом

палешанине, чья жизнь пришлась на годы войн и революций, коренных изменений в политической, социальной и хозяйственной жизни нашей страны. Делая упор на содержание жизненного опыта и образованности живописца, формирование и трансформации его социальной и творческой идентичности, мы стараемся показать, как они наряду с уникальной культурной средой Палеха начала XX в. могли повлиять на его возвращение к творчеству. При этом автор, не будучи искусствоведом, оставляет другим исследователям оценку художественных произведений своего героя и его творчества в целом.

Источниковедческий обзор. Авторским подведением итогов рассматриваемого в настоящей статье этапа жизни можно счесть написанный в 1932 г. для сборника «Палешане» очерк Ф. А. Каурцева «Ближе к жизни» [Вихрев, 1934: 262—288], черновик которого сохранился в Российском государственном архиве литературы и искусства¹. Черновик намного превышает объем опубликованного текста и включает важные для нашего исследования заметки автора.

В 1949 г. московский искусствовед Н. Д. Соболевский подготовил к 25-летию Артели древней живописи оставшийся неизданным сборник очерков и воспоминаний палехских художников трех поколений — «Советский Палех. Палешане». Пять лет спустя отдельные собранные им материалы, в том числе очерк за подписью Ф. А. Каурцева «Из рода в род», в сильно урезанном виде вошли в небольшую книгу под редакцией Г. И. Горбунова, изданную в Иваново [Палех, 1954: 47—48]. Материалы, которые хранятся в рукописном собрании Государственного музея палехского искусства², включают очерк Ф. А. Каурцева, озаглавленный Н. Д. Соболевским «Из рода в род»³. Черновик Каурцева, лежащий в основе очерка, как и более ранняя автобиография (1935) вместе с частными и деловыми письмами 1920—60-х гг., записями, справками и прочими бумагами нашлись среди документов,

---

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 94. Оп. 1. Д. 279. Л. 27—33 (далее: РГАЛИ).

² Государственный музей палехского искусства. Архив Н. Д. Соболевского. П. 10—11, 13 (далее: ГМПИ).

³ Там же. П. 11. Л. 333-337, П. 13. Л. 22—39.

обнаруженных автором в бывшем доме художника⁴. Их данные были сверены (там, где это возможно) с материалами ГМПИ, в котором хранится еще одна автобиография художника⁵, с материалами Государственного архива Ивановской области и РГАЛИ. Они позволяют восстановить важные подробности детства и юности будущего живописца, его обучения в иконописной мастерской Н. М. Софонова в 1907—1912 гг., а также осветить его затянувшееся из-за двух войн и послевоенных невзгод возвращение к творчеству в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Если учитывать, что такой путь в целом типичен для «второго поколения» палехских художников XX в., то его детали и обстоятельства, выявляемые в статье, могут быть значимы для истории советского палехского искусства и его творцов в целом.

Методология и методы исследования

Представленная работа лежит в русле «новой биографической истории», для которой характерно внимание к «личностям второго плана», позволяющее глубже понять возникновение и деятельность творческих сообществ.

Основная часть

Федор Александрович Каурцев принадлежал к пятому поколению известной фамилии палехских мастеров, впервые упоминаемых в источниках в начале XIX в. Отвечая на запрос министра внутренних дел О. П. Козодавлева о состоянии иконописания в Палехе и Холуе, владимирский губернатор А. Н. Супонев писал ему 17 мая 1814 г.: «В произведениях иконописства (здесь и далее подлинники приведены в редакции их авторов. — *Д. П.*) отличаются особенно крестьяне села Палех

---

⁴ Обнаружением документов и возможностью написать эту статью в доме, где жил Ф. А. Каурцев в 1930—1963 гг., автор обязан его нынешней владелице — потомственной палехской художнице Любови Константиновне Некрасовой. Сейчас находки (более двухсот письменных документов и примерно столько же художественных) разобраны, описаны и передаются в ГМПИ. Цитируемые в статье документы указаны с названиями согласно передаточной описи.

⁵ ГМПИ. Автобиографии художников. П. Каурцев Ф. А. Л. 1—8.

Андрей и Иван Александровы Коурцевы⁶, которые содержат у себя многих работников». Две иконы «славных Коурцевых» — двенадцатые праздники и Богоматерь — были отосланы в Петербург как образцы палехской иконописи и предназначались в дар И. В. Гете [Кобеко, 1896: 4—5]. Первый исследователь искусства советского Палеха А. В. Бакушинский на основании этих сведений назвал мастерскую Коурцевых среди крупнейших в первой половине XIX в. «хранителей старого палехского стиля» [Бакушинский, 1934: 96].

Потомок «славных Коурцевых» был осведомлен о своих предшественниках. Отвечая на вопрос Е. Ф. Вихрева, Ф.А. Каурцев писал ему 12 июня 1933 г.: «По наведении мною справок выяснено, что Коурцевы Андрей и Иван действительно были, и была у них сестра Маремьяна ..., которая была выдана в дом Софоновых, и поэтому Коурцевы были родственниками Софоновых, и вот почему, когда Софоновы стали развивать свое хозяйство по иконописному делу, фамилия Коурцевы тут слышится. По-видимому, принимали большое участие своими работами, и один из братьев моего деда уже был управляющим, а их было трое. Из них порядочным мастером был Иван, который уехал в Москву тогда работать»⁷ [См.: Колесова 2006: 417]. Эти сведения находят подтверждение в других источниках. Маремьяна Коурцева вышла в 1807 г. замуж за Льва Михайловича Софонова — основателя иконописной мастерской в Палехе (1830), и написанная к их свадьбе икона «Св. Лев и св. Маремьяна» хранится в ГМПИ [Колесова, 2010: 117]. Находясь в С.-Петербурге в начале 1820-х гг., Л. М. Софонов направлял отчеты по уплате оброка работавших там палешан брату жены Ивану Александровичу Коурцеву, — вотчинному управляющему-бурмистру, назначенному в Палех владельцами части села Бутурлиными [Иконописная мастерская

---

⁶ В Палехе, находящемся в пограничной зоне владимирско-московских и нижегородских говоров, в написании фамилий использовались обе фонетические нормы — на «а» и на «о» (Каурцев-Коурцев или Коурцов, Сафонов-Софонов и т. д. В статье применены те написания палехских фамилий, которые употреблялись в цитируемых документах соответствующего времени.

⁷ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 58. Л. 1. Орфография и пунктуация оригинала здесь и далее приведена к современным нормам. — Д. II.

Н. М. Софонова. Палех: материалы к истории рода палехских иконописцев Софоновых, их художественного наследия и деятельности по реставрации древнерусских памятников, 2015: 15].

Со временем расширявшееся иконописное дело Софоновых поглотило мастерскую, сын Ивана Александровича Петр работал у них мастером, а внук Иван Петрович — приказчиком. Его брат и дед Ф. А. Каурцева Федор Петрович (1836—1901) также был мастером у Софоновых и пользовался особым доверием хозяев [Иконописная мастерская Н. М. Софонова, 2015: 36]. Палехский историк-краевед Д. И. Салапин, склонный к критическим оценкам коллег и односельчан, отметил в своих записках, что Федор Петрович «был очень оригинальный человек, представил из себя образованного и вообще человека богатого», хотя и был «совершенно безграмотный»⁸. Вторая жена Ф. П. Каурцева Мария Арсеньевна, по словам Салапина, была «очень хорошая старушка» родом из соседнего с Палехом села Красное (по метрической книге палехского Крестовоздвиженского храма⁹ — из с. Свергино в 1,5 км от Палеха. — *Д. П.*). После смерти мужа и сына она жила вместе с невесткой и внуками и скончалась в 1911 г.

Отец художника Александр Федорович Коурцев (1864—1900), как и его отец, также был мастером в Софоновской мастерской. Д. И. Салапин заметил, что он был «иконописец, хороший мастер, и так же немного имел тех же свойств, что и отец»¹⁰. Оставшиеся от него в бумагах сына материалы включают четыре десятка прорисей храмовых фресок (часть из них подписаны полным именем или инициалами), планы и эскизы росписи храмов, два подписанных карандашных наброска образов: «Св. Пророк Илия» и «Моление о чаше»¹¹. Его жена и мать Федора Мария Михайловна (1872 — после 1948) происходила из известной палехской семьи и была сестрой иконописцев Ивана, Михаила, Василия и Григория Бакановых¹². Федор Александрович, которому

⁸ ГМПИ. Архив Д. И. Салапина. Тетрадь 2. Л. 47 об.

⁹ ГАИО. Ф. 810. Оп. 1. Д. 4. Л. 68об.—69.

¹⁰ ГМПИ. Архив Д. И. Салапина. Тетрадь 2. Л. 47 об.

¹¹ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Набросок отца Ф. А. Каурцева — А. Ф. Коурцева (1862—1896).

¹² ГАИО. Ф. 810. Оп. 1. Д. 5. Л. 430 об.—431.

на момент смерти отца было всего четыре года, писал в черновике автобиографии 1949 г.: «Мой отец работал... иконописцем у предпринимателей Сафоновых, где работал и мой дед, и мои дяди Каурцевы... Но те тяжелые условия, лишенные всяких антисанитарных правил, и 14-часовой рабочий день давали повод к развитию злокачественной болезни туберкулеза... которая преждевременно свела в могилу и моего отца, прожившего всего 36 лет»¹³. Годом позже, в 1901 г., от той же болезни скончался и Федор Петрович. Мария Михайловна осталась со свекровью Марией Арсеньевной и двумя детьми — четырехлетним Федором и семилетней Анной (еще два сына — Александр и Михаил — умерли детьми еще при жизни отца)¹⁴. На жизнь она зарабатывала подневными полевыми работами, продажей церковных свечей и сдачей внаем комнаты¹⁵. Дети, по выражению Ф. А. Каурцева, «вставшие на полусиротское положение», закончили четырехклассную сельскую школу, где Анна отличалась прекрасной успеваемостью. Девочка затем выучилась на швею, но и ее в 1911 г. вместе с бабушкой унесла та же болезнь, что и отца с дедом. Федор по окончании сельской школы, как он пишет, «по стопам отца» в 1908 г. был отдан в обучение в иконописную мастерскую Н. М. Софопова, где проучился пять с половиной лет (против обычных шести), и был выпущен «полумастером»¹⁶ с окладом в 50 рублей годовых.

Заработок Федора позволил ему и матери не возвращаться к обработке оставшегося от отца земельного надела в 2 десятины, который «Приговором крестьян с. Палех» от 24 апреля 1912 г. был выделен Марии Михайловне¹⁷. Как вспоминал художник: «Мать вскоре после смерти моего отца закрепленную имеющуюся

---

¹³ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1949 г.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1156. Оп. 2. Д. 31. Л. 59 об., Д. 32. Л. 34 об.

¹⁵ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Похвальные листы за успехи в учебе сестры Ф. А. Каурцева Анны за 1907—1908 гг.

¹⁶ Эта подробность указана только в черновике автобиографии 1935 г. (ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1935 г.), в дальнейшем Ф. А. Каурцев указывал в автобиографиях, что после обучения в 1907—1912 гг. стал мастером.

¹⁷ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Выписи из приговора крестьян с. Палех на землю М. М. Коурцевой от 24 апреля 1912 г.

землю, которую не в состоянии была обработать, передала в общество с надеждой, что, когда мы подрастем, землю опять перевести на нее». По его словам, «мать при переделе земли обратно ее не получила, и наше хозяйство осталось безземельным до Октябрьской революции»¹⁸.

Три поколения семьи Каурцевых вписаны в кардинальные социальные изменения в России второй половины XIX — начала XX вв. Дед родился крепостным крестьянином Бутурлиных, был переведен, как и другие мастера, на оброк, а затем перешел через временнообязанное состояние в крестьянское сословие пореформенной России. Прориси отца, родившегося в 1862 г., подписаны: «[Владимирской] губер[нии] Вязниковского уезда села Палех крестьянина Александра Федорова Каурцева»¹⁹. Такой же формуляр подписи использовали «крестьяне села Палех» Л. М. Софонов в 1844 и Н. М. Софонов в 1875 г. при росписи храма в с. Мордовское [Иконописная мастерская Н. М. Софонова, 2010: 116]. Не выделившийся из хозяйства матери Федор Каурцев числился «крестьянским сыном» до мобилизации в армию осенью 1916 г.

Посетивший Палех в 1863 г. заведующий архивом и канцелярией кремлевской Оружейной палаты Г. Д. Филимонов, имея в виду сочетание аграрных и художественных занятий иконописцев-палешан, назвал их «крестьянами-ремесленниками»²⁰. В до-реформенные годы, находясь на оброке, они нередко перекладывали поземельные трудовые обязанности на свои семьи, а после отмены крепостного права улаживали свои отношения с сельским обществом через передачу земли в аренду или наем батраков для обработки своих небольших наделов. В этом плане аграрная реформа, дошедшая до Палеха в 1912 г., мало изменила ситуацию, и лишь в годы войны на фоне резко упавшего спроса на роспись храмов и иконы некоторые иконописцы-палешане стали переносить центр тяжести своих занятий на землю. И. М. Баканов, который перед Первой мировой войной стал преподавателем в школе иконописи после тридцати четырех лет работы мастером у Софоновых,

---

¹⁸ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1949 г.

¹⁹ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Прорись цветочного орнамента с подписью А. Ф. Коурцева.

²⁰ *Филимонов Г. Д. Палех // День. 1863. № 34—35.*

вспоминал: «Но, прослужив два года, увидав, что место здесь не-прочно, я в 1915 г. купил лошадь и стал заводить хозяйство. После занятий в дни отдыха я работал на лошади, а в 1918 г. совсем бросил школу и стал заниматься только крестьянством» [Вихрев, 1934: 110].

Ф. А. Каурцев также отметил в автобиографии 1935 г. двойственность занятий отца: «Социальное положение родителя — крестьянин, имущественное положение было середняк. Основная работа моего отца по найму у хозяев Сафоновых по иконописи, а сельское хозяйство являлось подсобным»²¹. На фото мастеров Софоновской мастерской в Николо-Угрешском монастыре (ок. 1895 г.) [Сафонова, 2015: 24] Александр Федорович и его братья позируют в фуражках мастеровых, держа в руках как символы профессии рабочие инструменты иконописца — муштабели (длинные тросточки с закругленным концом для опоры руки с кистью при рисовании на вертикальной поверхности).

Немногие сохранившиеся источники о юности Федора Каурцева также содержат свидетельства крестьянской идентичности. Среди его бумаг — запись пяти куплетов «Крестьянской марсельезы», которая, по свидетельству палехского художника Н. М. Зиновьева, была популярна среди местной молодежи [Вихрев, 1934: 140]. Крестьянской теме посвящен сохранившийся в бумагах юношеский карандашный рисунок с подписью дореволюционной орфографии «Ф. А. Каурцевъ» (на сохранившейся ученической папке фамилия написана через «о») ²². В письме Е. Ф. Вихреву от 12 июля 1933 г. он объяснял, что его записали Каурцевым на военной службе и добавил, что выговор на «А» в простонародье считается городским²³.

Действительно, насыщенная и разнообразная культурная атмосфера Палеха в начале XX в. существенно отличала его среди российских сел. Г. Д. Филимонов в 1863 г. писал о Палехе, что «народное сознание дает ему в среде своей значение какой-то академии»²⁴. По аналогии с Академией художеств он мог иметь

---

²¹ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1935 г.

²² Там же. Ученический рисунок на деревенскую тему.

²³ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

²⁴ *Филимонов Г. Д. Палех // День, 1863, № 35. С. 13.*

в виду роль села как художественной школы, источника образцов и средоточия мастеров, способных обеспечить соответствие произведений своих учеников высшим эстетическим критериям и художественным традициям. Впоследствии Е. Ф. Вихрев со ссылкой на неизвестного палехского поэта («Ты единственное, Палех, академия-село») вернулся к метафоре «некоего Филимонова», сделав ее брендом уже советского Палеха [Вихрев, 1938: 180].

Осведомленность иконописцев-палешан в изобразительном искусстве нарастала в течение всего XIX в. В Палехе имелись русские и зарубежные альбомы по искусству, художественные журналы, западноевропейские иллюстрированные издания Библии. В бумагах Ф. А. Каурцева имеются вырезки и иллюстрации из отечественных и иностранных журналов и книг, начиная с 1830-х гг. Знакомство с храмовой живописью развивалось и поддерживалось частыми «отъездками» для росписи и реставрации храмов, выполнявшихся под руководством ведущих российских архитекторов и реставраторов. Так, между 1885 и 1914 гг. мастера Софоновской мастерской выезжали в Москву и Владимир, Казань и Нижний Новгород, Ярославль и Кострому, Троице-Сергиеву Лавру и Ростов Великий, Екатеринбург и Томск [Иконописная мастерская Н. М. Софонова, 2010: 112—113]. С заказными работами в Москве и С.-Петербурге нарастали связи палешан со столичной художественной элитой, в рядах которой появились и выходцы из их села, например, известный художник-передвижник А. М. Корин.

Палехская художественная среда отличалась от других центров иконописи наличием нескольких школ и высокой конкурентностью. Наряду с ученичеством в мастерских Софоновых и отделившихся от них Белоусовых с 1902 г. начальную подготовку художников обеспечивала открытая в Палехе Комитетом попечения о древней иконописи школа, где, как отмечалось выше, с 1914 г. преподавал дядя Федора И. М. Баканов. В бумагах Ф. А. Каурцева сохранились подписные эскизы классических гипсов учащихся этой школы, оборотная сторона которых использовалась им для собственных набросков. Н. М. Зиновьев рисует яркую картину противостояния мастерских и школы: «Хозяева сговорились, чтобы школьников не брать в мастера, им школа была поперек горла, она была открыта по инициативе

ученых... Хозяева много мешали школе, а нас, первый выпуск, бойкотировали даже» [Вихрев, 1934: 141]. Так, не смог найти работу в Палехе по окончании школы иконописи А. Буторин, однако А. Баранов, закончивший школу в 1914 г., получил место мастера в мастерской Белоусовых [Вихрев, 1934: 209—210, 251]. Видимо, соперничество между мастерскими и школой не разделяло палехскую художественную молодежь, которая делилась друг с другом впечатлениями и знаниями.

Хотя немалая часть палехских иконописцев не была сильна в грамоте, среди палешан не была редкостью литературная начитанность. Федора Каурцева интересовала поэзия «серебряного века» — сохранились его выписки из стихов Н. А. Гумилева («На озере Чад» и «Мой старый друг»), В. Я. Брюсова («Послание Андрею Белому»), Ф. К. Сологуба («Когда я в бурном море плавал») и П. Бутурлина («Суламита») ²⁵. Здесь — и вечная любовная лирика «Песни песней», и африканская романтика, и модное среди поэтов-декадентов обращение к дьяволу, которое находит параллель в наброске, также сохранившемся в бумагах Каурцева ²⁶.

Богатство и разнообразие «культурного слоя» Палеха включали и сформированный за многие десятилетия творчества, общения и наращивания художественного опыта местных художников нематериальный сегмент: мироощущение и эстетические предпочтения, художественный стиль и язык, любовь к родному Палеху и чувство причастности к наращивавшему поколению за поколением сообществу мастеров; иными словами, все то, что обеспечило формирование уникального палехского стиля вначале в иконописи, а затем и в светском искусстве. Выдающийся русский художник П. Д. Корин (1892—1967) говорил о себе: «Я — художник не по призванию. Я палешанин. Я — художник по наследству» ²⁷. Наверное, под этими словами подписался бы и его односельчанин и современник — герой этого очерка.

В августе 1916 г. девятнадцатилетний иконописец Федор Каурцев был мобилизован и по окончании унтер-офицерской

---

²⁵ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Записи руки Ф. А. Каурцева (отрывки стихов).

²⁶ Там же. Набросок головы дьявола.

²⁷ Там же. Архив Н. Д. Соболевского. П. 10. Л. 1.

школы направлен на Западный фронт в чине младшего унтер-офицера. В Пинских болотах он тяжело заболел и был отправлен на лечение в Москву, где его застала революция. Весной 1918 г. демобилизованный солдат возвратился в Палех, но уже в ноябре того же года был призван в РККА. Участие в Гражданской войне уместилось в нескольких строках автобиографии 1935 г.: «В 1918 г. 30 ноября был призван военным комиссариатом, принят и зачислен в полк особого назначения, и вскоре был выслан на колчаковский фронт в Уфу. 19 года в конце марта попадаю в плен и отправлен в тыл, находясь там до декабря 1919 года, из них 2 месяца был на работах под особым надзором, а 5 месяцев был больным в городе Ачинске и месяц как служащий в том же госпитале с припиской 4 Тюменского полка в декабре 1919 года. Красные заняли город, и я с 2-го января снова зачислен в красноармейские части, оставаясь на службе в том же госпитале на должностях 1) как ученика при перевязочной, 2) надзирателем, 3) пом-хозяйством и последняя должность зав. прачечной, с которой был уволен 4 октября 1921 г. согласно приказу по армии»²⁸. Позднее реминисценции Гражданской войны появятся в творчестве художника: футляре для очков «Бой под Уфой» (1933), письменном приборе «Красная Армия» (1933) и др.²⁹

В начале 1922 г. двадцатипятилетний демобилизованный красноармеец вновь возвратился в Палех. «Вернувшись домой с военной службы, поступить на работу не мог», вспоминал Каурцев, — «то, чему обучался, стало ненужным... И мне пришлось заниматься разнородной полубатрацкой работой, чтобы иметь возможность прожить, обрабатывая наделенный мне участок полевой земли за неимением своей лошади в хозяйстве»³⁰. В этом отношении он мало отличался от других «палешан», например, А. А. Дыдыкина, занимавшегося «исключительно крестьянским трудом с 1917 по 1927 гг.» [Вихрев, 1934: 163]. Жизнь семьи осложняло отсутствие лошади, обветшал дом, одряхлая корова, которая помогла матери пережить трудные годы войн. Сам Каурцев, обосновывая свое бедняцкое состояние, писал в 1926 г.:

---

²⁸ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1935 г.

²⁹ Там же. Автобиографии художников. П. Ф. А. Каурцев. Л. 7.

³⁰ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1949 г.

«По профессии с малолетства учился живописи, от которой заработка в настоящее время нет. Кроме того, пять лет был на военной службе, по приходу с которой необходимо было поправить свое хозяйство, которое пришло в упадок, и до настоящего времени не имею ни средств, ни возможности его восстановить. Вся имеющаяся стройка пришла в ветхость и требует ежегодного ремонта, чтобы совсем не развалилась»³¹. В конце 1925 г., разделив по договору с матерью скудное имущество — избу, две десятины земли, корову и самовар, — Федор Каурцев стал самостоятельным хозяином³². В январе 1926 г. Палехский райсельсовет выдал ему удостоверение об имущественном положении бедняка³³. Самовар и старая корова были вскоре проданы, на новую скотину средств не было, и брат матери В. М. Баканов одолжил Каурцевым на год стельную телку Зорьку, чтобы ее приплод обеспечил им кормилицу³⁴. Был нужен новый дом, и на четвертом десятке лет Федор пошел учиться на плотника. Это ученичество оказалось для него не последним.

После семи лет «разнородной физической работы»³⁵ в июне 1928 г. Ф. А. Каурцев подал заявление о вступлении кандидатом в палехскую Артель древней живописи, основанную тремя годами ранее. Первоначально насчитывавшая всего семь человек (И. И. Голиков, И. М. Баканов, А. И. и И. И. Зубковы, А. В. и В. В. Котухины и И. В. Маркичев) Артель во главе с председателем А. В. Котухиным крепла и разрасталась. Ее членами в 1925 г. стали Г. М. Баканов, И. П. Вакуров, А. И. Ватагин и Д. Н. Буторин, в 1926 г. ее пополнили Н. М. Зиновьев и А. А. Дыдыкин. В том же году в артель «под руку» И. И. Голикова по настоятельным просьбам И. М. Баканова был принят 24-х летний П. Д. Баженов, учившийся у него в иконописной школе до 1917 г. В 1927 г. ему в виде исключения была

---

³¹ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Копия кассационной жалобы на решение Иваново-Вознесенского губернского суда от 12.01.1926 г.

³² Там же. Акт о разделе имущества от 14 октября 1925 г.

³³ Там же. Удостоверение Палеховского райсельсовета о составе семьи и имущественном положении от 12 января 1926 г.

³⁴ Там же. Копия договора Ф. А. Каурцева с В. М. Бакановым об аренде от 28 декабря 1925 г.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 279. Л. 27.

установлена стипендия в 20 руб., а 26 ноября того же года он был принят в члены артели³⁶.

В 1928 г. Верхневолжским Госторгом были установлены стипендии для учеников (25 руб. в месяц) и оплата труда обучавших их мастеров (50 руб. в месяц). Руководство Артели воспользовалось укрепившимся финансовым положением, чтобы вернуть к творчеству еще двух выпускников дореволюционной иконописной школы — А. С. Баранова и Г. С. Буреева, ранее учившихся у Н. М. Зиновьева и И. М. Баканова [Вихрев, 1934: 42]. Для этого был использован кандидатский стаж, в 1925—1927 гг. применявшийся к новым членам Артели и предполагавший представление общему собранию пробной работы. Новым кандидатам устанавливалась плата по 15 руб. в течение четырех месяцев [Гуляев, 1972: 26—27].

Третьим кандидатом стал Ф. А. Каурцев. Среди его бумаг сохранились три черновика заявления о приеме в артель от июня 1928 г.³⁷ На обороте одного из них — набросок заявления об отсрочке долга в 40 рублей, взятого под будущий урожай, на обороте другого — денежные расчеты, в которые входит будущее жалованье кандидата. В третий черновик к просьбе добавлено «по возможности». Заявление было удовлетворено, и с 1 июля 1928 г. тридцатидвухлетний палешанин вернулся к ученичеству. Как он писал, «невольно закрадывалось сомнение, что не сумеешь усвоить эту технику и перенять опыт старых мастеров. И с большими трудностями день за днем я переключал и втягивал себя в эту творческую работу. Но этого было мало, чтобы некоторой заученностью навыков и приемов выучиться работать, надо было в основном полюбить мысленно, уйти в нее и связать в одно целое, так как она не может быть творческой и живой, если ты не сможешь дать ей при выполнении того, что думаешь и мыслишь. И моя учеба началась первое время с копирования работ лучших мастеров и наглядности, сидя с ними в общей мастерской, что скоро дало положительную сторону по усвоению этой сложной работы»³⁸.

---

³⁶ ГАИО. Ф. 2977. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.

³⁷ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Черновики заявления о приеме учеником в Артель древней живописи.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 279. Л. 27.

Кандидатский стаж завершился 1 ноября 1928 г., и Каурцев обратился в правление Артели с заявлением: «Настоящим прошу Артель о зачислении меня в члены вашей Артели, т. к. срок моего кандидатства истек. А посему вам предоставляется перевести меня в члены Артели или продлить срок моей дальнейшей подготовки. Я же со своей стороны ничего не буду иметь против того и другого, что и прошу Артель обсудить мое заявление». На собрании 6 ноября заявление Каурцева было удовлетворено, что отражено в протоколе № 4 и визе председателя Артели И. П. Вакурова и секретаря А. В. Котухина: «Принять на общих правах и зачислить в члены Артели с 15 ноября 1928 г.»³⁹. В декабре того же года новый член Артели был избран кандидатом в члены ее правления и членом культкомиссии⁴⁰. Годом позже он стал полноправным членом-учредителем Артели и членом ревизионной комиссии⁴¹. Перевод на сдельную работу в первый полный год работы (1929) обеспечил художнику среднемесячный заработок 39 руб. 05 коп.⁴² Надо думать, благосостояние Каурцевых укрепилось, и к 1930 г. был построен новый дом для семьи, в которую вошла молодая жена Глафира Павловна (1911 г. р.). В этом доме родились дети художника — Александра (1932) и Валентин (1935).

Артель древней живописи по уставу была промышленным кооперативом, которому устанавливался финансовый и производственный план, разверстанный на ее членов-живописцев (так была обозначена их профессия в соответствующей графе анкеты). В автобиографии 1935 г. Каурцев определил свое тогдашнее «социальное положение на правах рабочего»⁴³, но его, как и его коллег, долгое время не оставляли и крестьянские заботы. В новом статусе живописца-рабочего-кооператора он продолжал обрабатывать и засеивать свои две десятины, как и большинство членов артели⁴⁴. В марте 1930 г. был образован колхоз «Красный Палех», куда были включены наделы членов «Артели древней

³⁹ ГАИО. Ф. 2977. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

⁴⁰ Там же. Л. 12—14, 22.

⁴¹ Там же. Л. 15, 22.

⁴² ГМПИ. Архив Артели древней живописи. Л. 16.

⁴³ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1935 г.

⁴⁴ Там же. Архив Артели древней живописи. П. 1. Л. 25.

живописи». Их интересы представлял «приходящий член правления» Ф. А. Каурцев⁴⁵. Отношения между артелью и колхозом в 1930—1931 гг. были конфликтными, и можно с уверенностью предположить, что представителю Артели приходилось нелегко, пока живописцев и их семьи числили колхозниками и разверстывали на них колхозные обязательства. Правление Артели жаловалось, что ее членам приходится заниматься искусством после тяжелого крестьянского труда, в то же время, более половины ее членов числились в списке нуждающихся в снабжении хлебом [Вихрев, 1934: 46—48; Гуляев, 1985: 125—126]. Вмешательство областных партийных и советских органов в пользу живописцев в 1931 г. было поддержано Наркоматом земледелия РСФСР, и участие членов Артели в колхозе с 1933 г. перешло на добровольную основу.

Период повторного художественного ученичества Каурцева «под рукой» И. И. Голикова и И. П. Вакурова вскоре перешел в самостоятельное творчество, которое, как и у других членов Артели, сочеталось с тиражированием работ мастеров старшего поколения. Как писал художник, «выпускаемая работа первоначально преимущественно отражала деревенские темы, с чем повседневно встречаешься, и обставляя их как будто сказочными пейзажами, но на самом деле они тоже взяты с действительности, с той красивой природы, которой богата наша местность»⁴⁶.

В 1930 г. работа Каурцева «Веселая компания» была выставлена в Государственном Русском музее⁴⁷. Позднее музеем была закуплена пластина «Пейзаж с коровами» (1932), которая, как и ее автор, позднее получила высокую оценку в каталоге Русского музея: «Выдающимся пейзажистом был Ф. А. Каурцев. Его «Пейзаж с коровами» ... решен в золотисто-охристых тонах и словно пронизан солнечным светом. Важной особенностью народной природы искусства палехской миниатюры является органичное соединение фантастического и реального, умение ярко отразить прекрасное в повседневной жизни» [Сорокина, 1984:

---

⁴⁵ Там же. Архив Ф. А. Каурцева. Черновик автобиографии 1935 г.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 279. Л. 29об.

⁴⁷ ГМПИ. Автобиографии художников. П. Ф. А. Каурцев. Л. 7.

239]. Вероятно, эти качества мастер стремился передать своим ученикам, которых к лету 1932 г. было трое⁴⁸.

В книжках члена артели Ф.А. Каурцева за 1930—1931 гг. наряду с тиражированием массовой продукции значатся авторские работы «После боя» и «Заря свободы» (тарелка), миниатюры на темы русской литературной классики: «Ночь накануне Ивана Купалы», «Ревизор», «Размышления у парадного подъезда», образы нового Палеха («Аэроплан в полете») и др.⁴⁹

Первым крупным авторским проектом живописца стали миниатюры по мотивам гоголевского «Ревизора». В рукописи очерка для «Палешан» он писал: «Но самая трудность по росписи встретилась, когда пришлось переключиться на свою композицию, где пришлось сосредоточивать свои мысли, чтобы скомбинировать и составить композицию того или иного действия на картинке, и как бы я ни старался это делать, они как нарочно разбегались в разные стороны и не могли подойти и остановиться на каком-нибудь отдельном моменте. Так же трудно приходилось и с подсобным литературным материалом, что заставляло по несколько раз перечитывать одно и то же, для того, чтобы составить определенное понятие на составление композиции отдельного какого-либо действия или составить одну общую из всего прочитанного»⁵⁰. Миниатюры на темы «Ревизора» удостоились высокой оценки Н. М. Зиновьева: «У нас есть молодой мастер Каурцев..., он написал «Ревизор» Гоголя. К костюмам того времени очень трудно применить стиль Палеха, но он справился» [Вихрев, 1934: 148—149].

Пробовал себя живописец и в других художественных жанрах. Заставками и концовками Каурцева был оформлен его очерк в «Палешанах» Е. Ф. Вихрева (1934), а двумя годами позднее вышло первое издание романа Б. Пильняка «Созревание плодов» (1936), полностью оформленное художником и с цветной репродукцией его пластины «Палех» [Пильняк, 1936]. Удавалась Каурцеву и роспись по фарфору. Н. Д. Соболевский писал, что работы

---

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 279. Л. 33 об.

⁴⁹ ГМПИ. Архив Ф. А. Каурцева. Членские книжки Ф. А. Каурцева в Артели древней живописи за 1930—1931 гг.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 279. Л. 29.

художника в этом жанре «выделяются свежестью замысла и оригинальностью его претворения» [Соболевский, 1958: 14].

Сам художник критически оценивал достигнутое. В черновике очерка он писал: «И если бы я попытался отметить здесь свои лучшие работы за последнее время, то вряд ли бы я сумел, потому что в основном вся выпускаемая мною работа не удовлетворяет меня полностью, и мне кажется, что я не сумел дать сюжету того, чего хотел. И иногда даже приходилось совсем исполненную вещь смывать, потому что она не согласуется с твоей мыслью, которая захватывает более широкие размахи в дополнительную сторону к сюжету»⁵¹.

На творчество Каурцева обратил благосклонное внимание первый исследователь палехского искусства, наставник живописцев-палешан и почетный член Артели искусствовед А. В. Бакушинский, который считал его одним из наиболее близких к И. И. Голикову по художественному мышлению [Бакушинский, 1934: 196, прим. 10⁵²].

Активизация творческого начала «второго поколения» палехских живописцев, которое войны и революции застали в начале профессионального становления, в значительной мере зависела от житейских обстоятельств и возможности обеспечить себе и своей семье относительно стабильное экономическое положение. Пример Каурцева показывает, что выбор не ограничивался броской формулой из романа Б. Пильняка: «Решить, что лучше — искусство или валянье валенок». Во второй половине 1920-х годов перед членами Артели, а в более широком плане — перед всей творческой средой Палеха, для которой она стала центром притяжения, остро стоял еще один вопрос — о соотношении между массовым ремесленным производством лаковой миниатюры и создании высокохудожественных авторских проектов, без которых было бы невозможно обретение собственного стиля нового Палеха [Гуляев, 1985: 122—124].

---

⁵¹ Там же. Л. 33 об.

⁵² Прим. 10: «Молодой мастер, несомненно, способен выработать свой характер и круг тем, колорит и манеру, очень живописную и свободную. Но ему много следует работать над композицией и преодолением прямой подражательности».

Ко времени вступления Каурцева в Артель пути решения этого сложного вопроса на текущий момент определились в напряженной дискуссии между торговыми организациями, обеспечивавшими сбыт художественной продукции, руководством Артели с ее научным консультантом А. В. Бакушинским, отстаивавшим творческую самостоятельность художников, и органами управления культурой, видевшими в лаковой миниатюре важный идеологический ресурс. Ведущие мастера старшего и второго поколений создавали и совершенствовали художественные образцы, тиражируемые для продажи на внутреннем рынке и за рубежом, выполняли тематические заказы государственных органов на актуальные социально-политические темы. Они работали над сложными индивидуальными творческими проектами, экспериментировали в росписи по фарфору и ткани. В их число вошел и Ф. А. Каурцев, вернувшись к кисти в то время, когда, по мнению В. А. Гуляева, «палехские живописцы осознали общественное значение своей деятельности. Они вступили в сферу высокого искусства и перестали считать себя крестьянами, для которых работа над художественными “изделиями” — кустарный промысел» [Гуляев, 1972: 36].

Так свершилось долгое возвращение в Палех последнего живописца из рода «славных Коурцевых». Оценивая его второй самостоятельный проект — миниатюры на темы пушкинского «Станционного зрителя» (1935) — первый директор ГМПИ, в будущем — заместитель директора Третьяковской галереи и профессор МГУ искусствовед Г. В. Жидков писал: «“Станционный зритель” Ф. А. Каурцева — прекрасное доказательство того положения, что художественная традиция Палеха не является чем-то неподвижным, раз навсегда предопределившим природу произведений, из нее вырастающих. Разбираемая работа еще раз показывает, что традиция эта ни в какой мере не противоречит подлинным исканиям в том случае, если от нее идет художник, серьезно и сосредоточенно работающий, творчески понимающий смысл традиции, а не механически повторяющий накопленные ею формальные мотивы» [Жидков, 1937: 123—124]. Эта характеристика, на наш взгляд, может быть применена и к творчеству Ф. А. Каурцева в целом.

Заключение

Главным, а зачастую единственным, постоянным, в резко изменявшихся политических, социальных, экономических и прочих обстоятельствах жизни Ф. А. Каурцева оставалось выросшее на прочной основе семейных, корпоративных, художественных и местных традиций творческое самосознание палехского живописца, включавшее «наследственное» чувство палехского стиля. В обстановке общественных катаклизмов и житейских невзгод это самосознание позволило ему возвратиться к кисти по стопам отца, деда и прадедов. Объединяя новую творческую общность художников Палеха, это уникальное самосознание было общим достоянием старшего и второго поколений художников. Второе поколение, само неся потери от болезней и войн, замещало своих уходящих учителей и принимало на себя ответственность за умножение этого уникального нематериального достояния и его передачу своим ученикам.

Как художник Ф. А. Каурцев продолжал и развивал унаследованные от предков традиции, встраивая их в новые условия жизни своей большой и малой Родины. Вместе со своими учителями из старшего поколения, братьями по второму и учениками последующих поколений палехских мастеров в течение всей жизни он продолжал важнейшие функции творческой интеллигенции — сохранение художественных традиций и творческой среды; обеспечение культурной преемственности как основы духовного развития общества; формирование смыслов и образов, выражающих новые реалии жизни и ориентиры художественного творчества.

Список источников

- Бакушинский А. В.* Искусство Палеха. М.: Academia, 1934. 269 с.
- Братчикова Е. К.* Палехские миниатюристы: Именной справочник. М.: Изд. дом «Паспорт интернешнл»: Русслит, 1996. 123 с.
- Вихрев Е. Ф.* Палешане: Записки палехских художников о их жизни и творчестве, написанные летом 1932 г. и иллюстрированные ими самими. М.: Моск. т-во писателей, 1934. 388 с.
- Вихрев Е. Ф.* Палех. 1927—1932: Вторая композиция. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1938. 412 с.

- Гуляев В. А.* Палехская артель древней живописи в 1920-е гг. (по архивным материалам Ивановской области) // Научно-исследовательский институт художественной промышленности: сб. тр. М.: Легкая индустрия, 1972. Вып. 6. С. 24—42.
- Гуляев В. А.* Русские художественные промыслы 1920-х гг. Л.: Художник РСФСР, 1985. 160 с.
- Жидков Г. В.* Пушкин в искусстве Палеха. М.; Л.: Изогиз, 1937. 165 с.
- Иконописная мастерская Н. М. Софонова. Палех: материалы к истории рода палехских иконописцев Софоновых, их художественного наследия и деятельности по реставрации древнерусских памятников / авт.-сост. В. В. Дергачёв. М.: Гласность, 2010. 530 с.
- Кобеко Д. Ф.* О Суздальском иконописании. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 1896. 6 с.
- Колесова О. А.* Палех и палешане. Путеводитель. Иваново: Изд. дом «Референт», 2010. 156 с.
- Колесова О. А.* Палехские иконописцы XVIII — начала XX в. // Искусствознание. 2006. Вып. 1. С. 391—442.
- Котов В. Т.* Искусство Палеха. Путеводитель. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1968. 119 с.
- Лавров Д. Е.* Образ электрического света как отражение советской идеологии в лаковой миниатюре Палеха // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. №. 4. С. 107—112.
- Некрасова М. А.* Палехская миниатюра. Л.: Художник РСФСР, 1978. 364 с.
- Палех: Сборник статей к 30-летию нового палехского искусства / ред.-сост. Г. И. Горбунов. Иваново: Кн. изд-во, 1954. 156 с.
- Пильняк Б.* Созревание плодов. М.; Л.: Гослитиздат, 1936. 296 с.
- Сафонова И. А.* Многоликий Палех. Иваново: Изд. дом «Референт», 2015. 416 с.
- Соболевский Н. Д.* Искусство советского Палеха. М.: Советский художник, 1958. 93 с.
- Сорокина М. А., Васильева Т. Б.* Лаковая миниатюра и декоративная живопись // Русское народное искусство в собрании Государственного Русского музея / ред. сост. И. Я. Богуславская. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 237—262.
- Художники Палеха. Именной справочник / авт.-сост. Г. Ф. Соколова. Иваново: Государственный музей палехского искусства, 2011. 271 с.
- Die Schule von Palech. 1923—1950. Lackminiaturen der Ikonenmaler / hrsg. M. Kopplin. München: Hirmer Verlag 2010. 250 S.

References

- Bakushinsky, A. V. (1934), *Iskusstvo Palekha* [Palekh art], Academia, Moscow, Russia.
- Bratchikova, E. K. (1996), *Palekhskie miniaturisty, imennoi spravochnik* [Palekh miniaturists, Name directory], Izdatel'skii dom "Pasport Interneshnl": Russlit, Moscow, Russia.
- Dergachev, V. V. (comp.) (2010), *Ikonopisnaia masterskaia N. M. Sofonova, Palekh: materialy k istorii roda palekhskikh ikonopistsev Sofonovykh, ikh khudozhestvennogo nasledii i deiatel'nosti po restavratsii drevnerusskikh pamiatnikov* [Icon-painting workshop of N. M. Sofonov, Palekh: materials on the history of the Sofonov family of Palekh icon painters, their artistic heritage and activities for the restoration of ancient Russian monuments], Glasnost', Moscow, Russia.
- Gorbunov, G. I. (ed.-comp.) (1954), *Palekh: Sbornik statei k 30-letiiu novogo palekhskogo iskusstva* [Palekh: Collection of articles for the 30th anniversary of the new Palekh art], Knizhnoe izdatel'stvo, Ivanovo, Russia.
- Gulyaev, V. A. (1972), 'Palekh artel of ancient painting in the 1920s. (according to the archival materials of the Ivanovo region)', in Pomerantseva, E. V. (ed.), *Nauchno-issledovatel'skii institut khudozhestvennoi promyshlennosti, sbornik trudov* [Research Institute of the Art Industry, collection of works], Legkaia industriia, Moscow, Russia, iss. 6, pp. 24—42.
- Gulyaev, V. A. (1985), *Russkie khudozhestvennye promysly 1920-kh godov* [Russian arts and crafts of the 1920s], Khudozhnik RSFSR, Leningrad, Russia.
- Kobeko, D. F. (1896), *O Suzdal'skom ikonopisanii* [About Suzdal icon painting], Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, St. Petersburg, Russia.
- Kolesova, O. A. (2006), 'Palekh icon painters of the XVIII — early XX century', *Iskusstvoznanie* [Art history], iss. 1, pp. 391—442.
- Kolesova, O. A. (2010), *Palekh i palestshane. Putevoditel'* [Palekh and the Palestinians. Guide], Izdatel'skii dom "Referent", Ivanovo, Russia.
- Kopplin, M. (ed.) (2010), *Die Schule von Palech, 1923-1950, Lackminiaturen der Ikonenmaler*, Hirmer Verlag, München, Germany.
- Kotov, V. T. (1968), *Iskusstvo Palekha. Putevoditel'* [Palekh art. Guide], Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, Moscow, Russia.
- Lavrov, D. E. (2014), 'The image of electric light as a reflection of Soviet ideology in the lacquer miniature of Palekh', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, seria 2: Istoria* [Bulletin of St. Petersburg University, series 2: History], iss. 4, pp. 107—112.

- Nekrasova, M. A. (1978), *Palekhskaia miniatiura* [Palekhskaya miniature], Khudozhnik RSFSR, Leningrad, Russia.
- Pilnyak, B. (1936), *Sozrevanie plodov* [Fruit ripening], Gosudarstvennoe literaturnoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, Russia.
- Safonova, I. A. (2015), *Mnogolikii Palekh* [Many-faced Palekh], Izdatel'skii dom "Referent", Ivanovo, Russia.
- Sobolevsky, N. D. (1958), *Iskusstvo sovetskogo Palekha* [Art of Soviet Palekh], Sovetskii khudozhnik, Moscow, Russia.
- Sokolova, G. F. (2011) (comp.), *Khudozhniki Palekha, imennoi spravochnik* [Palekh artists, Nominal directory], Gosudarstvennyi muzei palekhskogo iskusstva, Ivanovo, Russia.
- Sorokina, M. A. and Vasilyeva, T. B. (1984), 'Lacquer miniature and decorative painting', in Boguslavskaya, I. Ya. (ed.-comp.), *Russkoe narodnoe iskusstvo v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeia* [Russian folk art in the collection of the State Russian Museum], Khudozhnik RSFSR, Leningrad, Russia, pp. 237—262.
- Vikhrev, E. F. (1938), *Palekh, 1927—1932. Vtoraia kompozitsiia* [Palekh, 1927—1932. Second composition], Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", Moscow, Russia.
- Vikhrev, E. F. (1934), *Paleshane. Zapiski palekhskikh khudozhnikov o ikh zhizni i tvorchestve, napisannye letom 1932 goda i illiustrirovannye imi samimi* [Paleshan. Notes of Palekh artists about their life and work, written in the summer of 1932 and illustrated by themselves], Moskovskoe tovarishchestvo pisatelei, Moscow, Russia.
- Zhidkov, G. V. (1937) *Pushkin v iskusstve Palekha* [Pushkin in the art of Palekh], Gosudarstvennoe izdatel'stvo izobrazitel'nogo iskusstva, Leningrad, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Д. И. Полывянный — доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

D. I. Polyvyannyu — Doctor of Science (History), Professor, Head of the Scientific and Educational Center for the Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 152—173.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 152—173.

Научная статья

УДК 281.2(091)”18/19”

DOI: 10.46725/IW.2022.1.7

БЕЗМЕРНО ПРЕДАНЫ: О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Татьяна Александровна Красницкая

Шуйский филиал Ивановского государственного университета,

Шуя, Россия, krasniz_t@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7554-318>

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников анализируется просветительская деятельность церковной интеллигенции российской провинции последней четверти XIX — начале XX века. В центре внимания — процесс и результаты просветительской работы представителей духовного ведомства во Владимирской епархии. Анализ деятельности церковной интеллигенции осуществлен по трем управленческим звеньям церковно-школьной системы: *епархиального архиерея*, на которого возлагалось общее попечение о церковных школах в епархии (архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност), *епархиального наблюдателя*, осуществлявшего наблюдение за учебными заведениями (В. Г. Добронравов) и *заведующего школой*, заботившегося о ее устройстве и содержании (протоиерей К. А. Веселовский). Делается вывод о том, что имея общую цель — просвещение народа в духе православной веры, представители духовного ведомства действовали в этом направлении в соответствии с возложенными задачами и возможностями.

© Красницкая Т. А., 2022

Общий посыл к созданию школ во Владимирской епархии исходил от епархиального духовного начальства, чья руководящая роль определяла позицию и активность местного духовенства. Деятельность церковно-школьной инспекции, состоявшей из епархиального и уездных наблюдателей, позволяла видеть реальную картину становления школьного образования, а значит определять ее дальнейшее развитие. Вся тяжесть в деле открытия школ и их функционирования возлагалась на заведующего школой. Успешная деятельность последнего не только влияла на решение вопроса развития народного образования в пределах прихода, но и меняла отношение крестьян к получению образования. Просветительская деятельность церковной интеллигенции сыграла немаловажную роль в развитии церковно-школьной системы в России в дореволюционный период.

Ключевые слова: церковная интеллигенция, Русская православная церковь, церковные школы, система церковно-школьного образования, просветительская деятельность, российская провинция

Для цитирования: *Красницкая Т. А.* Безмерно преданы: о просветительской деятельности церковной интеллигенции российской провинции в последней четверти XIX — начале XX в. // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 152—173.

Original article

IMMENSELY DEVOTED: ON THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE CHURCH INTELLIGENTSIA OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE LAST QUARTER OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

Tatyana A. Krasnitskaya

Shuisky branch of the Ivanovo State University,
Shuya, Russia, krasniz_t@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7554-318>

Abstract. The article analyzes the educational activities of the church intelligentsia of the Russian province in the last quarter of the XIX — early XX century on the basis of a wide range of sources. The goals, process and results of the educational work of the representatives of the spiritual department in the Vladimir eparchy are in the centre of attention. The analysis of the activities of the church intelligentsia is presented in 3 perspectives —

the administrative links of the church-school system: *the eparchial bishop*, who was entrusted with the general care of the church schools in the eparchy (Archbishop of Vladimir and Suzdal eparchy Feognost), *the eparchial observer*, who supervised the educational institutions (V. G. Dobronravov) and *the head of the school*, who took care of its structure and maintenance (Archpriest K. A. Veselovsky).

The author made a conclusion that the representatives of the spiritual department, having a common goal-to educate the people in the spirit of the Orthodox faith, acted in this direction in accordance with the assigned tasks and opportunities.

The general motivation for the creation of schools in the Vladimir eparchy came from the eparchial spiritual authorities, whose leadership role determined the position and activity of the local clergy. The activities of the church and school inspection, which consisted of eparchial and district observers, allowed us to see the real picture of the development of school education and determine its further development. All the burden of opening schools and their functioning was assigned to the head of the school. The successful activity of the head of the school influenced not only the solution of the problem of the development of public education within the parish, but also changed the attitude of the peasants to education. The educational activities of the church intelligentsia played an important role in the development of the church-school system in Russia in the pre-revolutionary period.

Keywords: Church intelligentsia, the Russian Orthodox Church, church schools, the system of church-school education, educational activities, the Russian province

For citation: Krasnitskaya, T. A. (2022), 'Immensely devoted: on the educational activities of the church intelligentsia of the Russian province in the last quarter of the XIX — early XX century', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1, pp. 152—173 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В последней четверти XIX — начале XX в. Русская православная церковь играла значительную роль в вопросе народного просвещения. При государственной поддержке она смогла создать систему церковно-школьного образования с единым централизованным порядком управления. Эта система в начале XX в. включала не только начальные (одноклассные и двухклассные церковно-приходские, школы грамоты, воскресные),

но и учительские (второклассные и церковно-учительские) школы. Последние обеспечивали начальные учебные заведения педагогическими кадрами. За два десятилетия с 1884 г. (с выходом «Правил о церковно-приходских школах») до 1904 г., согласно данным отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903—1904 гг., численность церковных школ в России постоянно возрастала и составила 44000 начальных и 421 учительских заведения за 1903—1904 гг. [Всеподданнейший отчет, 1909: 120, 140, 146]. В последующие десять лет в условиях социально-политических изменений в стране наблюдалось количественное сокращение начальных православных учебных заведений и увеличение учительских (в 1914 г. соответственно 37528 и 506) [Всеподданнейший отчет, 1916: 120—121]. Действовавшие до 1918 г. церковные школы при отсутствии в стране всеобщего начального обучения сыграли немаловажную роль в распространении народного просвещения и православной нравственности.

Историография. Начиная с 90-х гг. XX в. начальные и учительские школы ведомства православного исповедания стали объектом научного исследования. В центре внимания историков [Бан Ил Квон, 2000; Басалаев, 2000; Наумова, 2002; Красницкая, 2003; Житенев, 2004; Крутицкая, 2004; Гизей, 2004; Веденский, 2003; Ефремова, 2013] и педагогов [Гончаров, 2012: 101—117; Яценко, 2013: С. 73—77; Становская, 2020: 74—93] оказались проблемы становления, развития и функционирования школ духовного ведомства как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне.

Исследователи, опираясь на широкий комплекс документов, проанализировали динамику развития церковных школ, их финансовое обеспечение, материальную базу, выявили специфику организации учебно-воспитательного процесса, определили состав и подготовку, положение учителей. Вместе с тем, в силу сложности и многогранности действовавшей в дореволюционный период церковно-школьной системы, многие ее аспекты из-за недостаточной изученности требуют детального анализа. Научный интерес в изучении исторического опыта разных ведомств, в том числе духовного, в области народного образования представляет

понимание устройства, механизма работы не только системы в целом, ее вклада в развитие просвещения на определенном этапе, но и роль личности в этом процессе [Балдин, 2015: 9—26; Житенев, 2012: 26—34; Светлова, 2018: 59—68].

Деятельность церковной интеллигенции на местах стала отправной точкой в деле создания и развития школьной системы духовного ведомства. Анализ отложившегося в архивах и музе-ехранилищах Центральной России материала позволяет определить цели, процесс и результаты просветительской работы представителей ведомства православного исповедания во Владимирской епархии — типичного российского региона дореволюционной России.

Постановка вопроса. В данной статье анализ просветительской деятельности церковной интеллигенции будет осуществлен в 3-х ракурсах — управленческих звеньях церковно-школьной системы: *епархиального архиерея*, на которого возлагалось общее развитие и попечение о церковных школах в епархии (архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност), *епархиального наблюдателя*, осуществлявшего ближайшее руководство и наблюдение за учебными заведениями вверенной территории (В. Г. Добронравов) и *заведующего школой*, заботившегося о ее устройстве и содержании (протоиерей К. А. Веселовский). Такой подход позволит наиболее полно аккумулировать просветительский опыт церковной интеллигенции российской провинции в рассматриваемый период.

Методология и методы исследования. При подготовке статьи автор руководствовался принципами историзма и научной объективности. Используются историко-генетический, структурно-функциональный и просопографический методы исследования. Первый способствовал выявлению изменений в процессе развития изучаемого явления в российской провинции. Второй дал возможность определить характер и специфику просветительской деятельности церковной интеллигенции в разрезе управленческого аспекта в рамках действовавшей школьной системы. Третий позволил выявить типическое и создать коллективный портрет подвижников в деле народного просвещения.

Основная часть

Архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност

Архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност (Егор Иванович Лебедев) занял Владимирскую кафедру в 1878 г. С его прибытием в епархии начинается процесс развития церковного народного образования. По инициативе архиепископа (тогда епископа) Феогноста и под его непосредственным руководством в 1879 г. начинает действовать местное православное Братство св. Благоверного Великого Князя Александра Невского. Одним из направлений деятельности Братства являлось открытие школ. С 1879 г. по 1881 г. им было учреждено 18, а 1884 г. (к моменту выхода «Правил о церковно-приходских школах») 138 церковно-приходских школ [Добронравов, 1904: 397, 399]. Свое покровительство Братство оказывало и низшим начальным учебным заведениям — школам грамотности (в 1883/84 г. — 73 заведениям подобного типа) [Добронравов, 1909: 150].

Первоначально Братство лишь содействовало открытию школ, а впоследствии учреждало собственные. Действуя самостоятельно, оно в 1883 г. разработало «Правила», на основании которых в крае функционировали школы. Важно отметить, что в них, по сути, был определен тип церковной школы, утвержденный в 1884 г. В разъяснение «Правил» Братства в начале 1884 г. архипастырь дал «Наставление священникам, имеющим в своих приходах церковно-приходские школы и обучающим в них детей», которое было адресовано как руководство к действию и заведующим соседней Костромской епархии — случай весьма редкий в церковной практике. В нем архиеп. Феогност указывал на «церковное» направление открываемых школ, где главное внимание должно быть сосредоточено на воспитании в духе веры и благочестия [Добронравов, 1909: 11]. Позже Братством были составлены «Правила организации школ грамотности».

Деятельность Братства под руководством владыки Феогноста была удостоена внимания императора и высшей церковной власти. Ознакомившись (по докладу обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева) с трудами Братства на ниве народного просвещения, Александр III одобрил его действия и пожаловал из своих средств 3000 руб. Проценты с этого капитала Совет Братства

израсходовал на нужды церковно-школьного дела. Помощь была оказана и со стороны Св. Синода, который выделил Братству единовременно 2000 руб. и выслал книги (на 3000 руб.) для церковно-приходских школ. «Это Монаршее благоволение и внимание высшей церковной власти, — по словам В. Г. Добронравова, человека хорошо представлявшего ситуацию с народным образованием во Владимирской епархии, — были очень дороги для Братства: они настойчиво побуждали и руководителей Братства и владимирское духовенство усилить свои труды в избранном Советом Братства направлении» [Добронравов, 1909: 13].

С выходом «Правил о церковно-приходских школах» в 1884 г. в соответствии с прописанными нормами было организовано местное управление церковными школами. По предложению архиеп. Феогноста права Владимирского епархиального училищного совета были представлены Совету Братства, что, безусловно, объяснялось положительным опытом предшествующих лет. Председателем Совета стал сам преосвященный. Со всеми вопросами по церковным школам приходское духовенство обращалось к Феогносту, который разрешал их с помощью секретаря. Эту должность исполняли А. Н. Шишков (1879—1884 гг.), протоиерей В. В. Косаткин (1884—1894 гг.). Последний проявил «особенное усердие при насаждении в епархии церковно-приходских школ» [Уроженцы и деятели, 1917: 20]. Для наблюдения за начальными православными школами владыкой Феогностом были выбраны 20 человек из большого числа кандидатов на должности наблюдателей. Преосвященный отдавал предпочтение лицам, имевшим знание и опыт в деле обучения детей.

Развитие и усложнение управленческой системы церковно-школьного дела (появление с 1888 г. уездных отделений епархиального училищного совета) не исключало непосредственное обращение к преосвященному со стороны заведующих церковными школами. Архиеп. Феогност даже «поощрял такое обращение к нему, желая ...знать церковно-школьное дело во всех подробностях» [Добронравов, 1909: 24].

При организации церковных школ архиеп. Феогност не только лично привлекал многочисленные пожертвования, но и вносил свои средства. Архипастырь давал благословение на учреждение православных учебных заведений для народа и почти

всегда присутствовал на торжествах по случаю их открытия. Двадцатого сентября 1887 г. он участвовал в освещении церковно-приходской школы в г. Покрове. Прибыв накануне, владыка присутствовал на всенощном бдении в Троицком соборе. По этому случаю была даже доставлена из Введенской пустыни чтимая в окрестностях икона Введения во храм пресв. Богородицы. Во время службы пел архиерейский хор. Архиеп. Феогност выходил на литию и величание, совершил помазание народа. Литургию он вел в сослужении протоиереев Владимирского кафедрального и Дмитровского соборов, игумена Введенской пустыни, местных священнослужителей, после чего сопровождал крестный ход в школу, «отправляя молебное пение пред началом учения отроком», кропял здание святой водой. По окончании торжественного акта в школе преосвященный благословил каждого из детей, «одарив» крестиком и книжкой¹. Аналогично, хотя и менее торжественно, открывались и другие учебные заведения. Во время своих поездок по епархии Феогност посетил все открытые при нем школы.

В 1889 г. в память его десятилетнего председательства в Совете Братства «среди духовенства епархии и его почитателей» был собран капитал на содержание церковно-приходской школы в с. Коровино Меленковского уезда.

Совет Братства заведовал церковными школами во Владимирской епархии до начала 90-х гг. XIX в. Указом от 21 июня 1892 г. Св. Синод указал, что порядок, по которому епархиальный преосвященный одновременно является председателем епархиального училищного совета, не соответствует параграфу 22 «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. В том же году при Братстве Александра Невского был образован особый епархиальный училищный совет, председателем которого был назначен викарий Владимирской епархии преосвященный Тихон, епископ Муромский (Павел Калитин)².

---

¹ Торжество открытия церковно-приходской школы в г. Покрове, Владимирской губернии // Владимирские епархиальные ведомости. 1887. № 21. Часть неофициальная. С. 658—665.

² Государственный архив Владимирской области. Ф. 450. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 (далее: ГАВО).

В конце 1892 г. Феогноста перевели на Новгородскую кафедру. В память его 14-летнего служения во Владимирской епархии на съезде епархиальных священников, отличившихся противораскольнической деятельностью, и миссионеров из мирян было принято решение построить церковь-школу в одной из местностей, зараженных расколом. Владыка, поблагодарив, одобрил эту идею. Местом для постройки выбрали д. Дуброву Судогодского уезда. Проект и смету церкви-школы бесплатно подготовил епархиальный архитектор Н. Д. Корицкий. Строительство завершилось спустя 8 лет. В это время архиеп. Феогност занимал уже Киевскую кафедру.

10 сентября 1900 г. с благословения архиепископа Владимирского и Суздальского Сергия протоиереем В. В. Косаткиным, членом Владимирской духовной консистории, было совершено освящение церкви во имя святителя Феогноста, митрополита Киевского и Московского и школы под одной кровлей с церковью (церковь-школа) имени Высокопреосвященнейшего Феогноста, бывшего Архиепископа Владимирского и Суздальского. Здание учебного заведения (40 аршин в длину и 12 аршин в ширину) отличалось своеобразной архитектурой. Над папертью находилась «красивая колокольня с семью колоколами», по правую сторону — пристройка для квартиры учителя, а по левую — для сторожа. Церковь отделялась от школы «дверями, состоявшими из 12 половинок, посредством шалнеров, складывающихся на обе стороны к стенам во время церковных служб и плотно смыкающихся на время школьных занятий»³. Церковь-школу посещали крестьянские дети.

Учреждение церкви-школы было итогом деятельности, лучшей наградой и своеобразным памятником тому, кто стоял у истоков начальных церковных школ во Владимирской епархии.

---

³ *Косаткин В.* Церковь-школа имени Высокопреосвященнейшего Феогноста, бывшего Архиепископа Владимирского и Суздальского, ныне Митрополита Киевского и Галицкого, в дер. Дуброве, Судогодского уезда // Владимирские епархиальные ведомости. 1900. № 19. Часть неофициальная. С. 624—626.

В. Г. Добронравов

Деятельность известного во Владимирской епархии и за ее пределами общественного деятеля, преподавателя Василия Гавриловича Добронравова была тесно связана с развитием церковно-школьного дела. Прибыв 1888 г. на Владимирскую землю после нескольких лет работы в Астраханской епархии, он преподавал во Владимирской духовной семинарии, являлся руководителем образцовой школы при ней.

С 1892 г. В. Г. Добронравов вошел в состав Владимирского епархиального училищного совета, принимая активное участие в его работе, обсуждая насущные вопросы школьной жизни, составляя правила и наставления для учителей. Спустя десять лет в мае 1902 г. он занял пост епархиального наблюдателя. Архивные документы свидетельствуют, что В. Г. Добронравов еще в 1897 г. обращался к архиепископу Владимирскому и Суздальскому Сергию с просьбой походатайствовать перед Св. Синодом об определении его на должность епархиального наблюдателя. Но ее получил преподаватель Тобольской духовной семинарии Александр Васильев, которого Василий Гаврилович и сменил.

До вступления на желанную должность Василий Гаврилович получил «возможность достаточно ознакомиться с делом церковно-приходских школ и теоретически и практически...». Важно отметить, что, заняв пост епархиального наблюдателя, он оставался светским лицом, не желая принимать сан священника, что допускалось как исключение и существовало в практике других епархий (Нижегородской, Костромской, Ярославской, Тобольской)⁴.

Являясь инспектором православных учебных заведений, он был хорошо знаком с реальной ситуацией на местах, так как в силу своих обязанностей не только контролировал деятельность уездных отделений и руководил уездными наблюдателями, но и посещал школы. Последнее в условиях территориальной разбросанности учебных заведений требовало от епархиального наблюдателя огромных сил и времени. Делопроизводственная документация по церковным школам Владимирской епархии свидетельствуют о том, что В. Г. Добронравов постоянно находился в разъездах, инспектируя не только учебную,

---

⁴ ГАВО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

но и хозяйственную часть учебных заведений, вникая в мельчайшие подробности их жизни, пытаясь решить существующие проблемы. В октябре 1904 г. вместе с ним обзревал школы епархии и наблюдатель всех церковных школ России В. И. Шемякин⁵. В конце учебного года Василий Гаврилович обычно присутствовал в качестве председателя экзаменационной комиссии на выпускных экзаменах. В частности, в 1903—1904 гг. он был на испытаниях в 4-х второклассных школах (Андреевской, Горицкой, Давыдовской, Щербовской) епархии, желая лично убедиться в подготовке учащихся⁶. Много времени занимала и переписка епархиального наблюдателя с уездными наблюдателями, заведующими школами по текущим вопросам⁷.

В. Г. Добронравов, желая объединить усилия уездных инспекторов в деле развития церковных школ, неоднократно проводил съезды наблюдателей (в 1903 г., 1904 г., 1908 г.), на которых обсуждались практически все вопросы, касающиеся церковно-школьного дела⁸. Требуя огромных усилий по организации и проведению, съезды позволяли в ходе общения объединяться в своих действиях по заведению церковными школами, а также делиться опытом.

В целях повышения уровня подготовки учителей епархиальный наблюдатель являлся инициатором и руководителем учительских курсов, проходивших в 1902 г., 1906 г., 1911 г. Они «приводили в систему знания» учителей, совершенствовали их опыт, вместе с тем объединяли и сближали в деле народного образования. После курсов учителя работали с большей энергией и уверенностью»⁹.

В. Г. Добронравов принимал активное участие в обсуждении общих вопросов по образованию, инициированных центральными ведомствами. В частности, был членом второго съезда Училищного совета при Св. Синоде, который проходил

---

⁵ Там же. Д. 95. Л. 42—45.

⁶ Там же. Д. 31. Л. 25.

⁷ Там же. Д. 91. Л. 1—96.

⁸ Журналы съезда оо. Уездных наблюдателей церковных школ Владимирской епархии 1903 года сентября 2—4 дня // Владимирские епархиальные ведомости. 1903. № 19. Часть официальная. С. 439—453.

⁹ ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 13. Л. 24—25.

с 3 по 8 мая 1910 г. в Петербурге. В переломный момент в 1917 г. участвовал в работе Всероссийского Поместного Собора.

В помощи и совете В. Г. Добронравова нуждалось и высшее церковно-школьное управление. В 1909 г. он был призван для организации Всероссийской церковно-школьной выставки в Санкт-Петербурге.

По отзывам современников, В. Г. Добронравов обладал энергией и знанием дела, талантом руководителя, умел быстро принимать решения, мог дать совет не только подчиненным, но и вышестоящему руководству¹⁰. Он, по собственному выражению, «служил этому делу всегда не по обязанности только, а с сердечным к нему расположением, находя самый живой интерес в своем скромном содействии народному просвещению, радовался его успешному развитию и скорбел о встречающихся затруднениях»¹¹. За свои многочисленные труды он был удостоен всеми орденами до Св. Владимира 4-й степени.

В. Г. Добронравов стал первым историком церковно-школьного дела Владимирской епархии, опубликовав в 1909 г. «Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 гг.». Используя накопленный к началу XX в. огромный комплекс делопроизводственной документации Братства, Владимирского епархиального училищного совета и уездных отделений, наблюдателей, он предпринял попытку систематизировать имеющиеся сведения о процессе становления и развития церковных школ за тридцать лет, выделив в нем отдельные периоды. Работа содержала объемный фактический материал о численности школ, их строительстве, количестве учащихся, преподавательском составе. В. Г. Добронравов, выполняя в определенном смысле государственный заказ (в 1909 г. исполнялось двадцать пять лет со дня утверждения «Правил о церковно-приходских школах»), отмечал, что в виду «короткого срока» написания работы «при обилии и разнообразии материала,

---

¹⁰ Двадцатипятилетие педагогической службы Епархиального Наблюдателя церковно-приходских школ В. Г. Добронравова // Владимирские епархиальные ведомости. 1911. № 3. Часть неофициальная. С. 62—70.

¹¹ Там же. С. 66.

не везде пришлось разработать и отделать его с надлежащей тщательностью» [Добронравов, 1909: 153].

В. Г. Добронравов был неразрывно связан с церковно-школьным делом до конца существования системы, созданной Русской православной церковью. На его глазах проходила кампания по передаче церковно-приходских школ Министерству народного просвещения, которая, как писали «Владимирские епархиальные ведомости, осуществлялась «различными способами, и принимающие и передающие ясно не представляли, правильно ли совершают этот юридический акт передачи не принадлежавшего им имущества», разрушалось то, что он, как и многие преданные своему делу, создавал на протяжении нескольких десятилетий¹². В 1919 г. В. Г. Добронравова не стало.

Протоиерей К. А. Веселовский

Особого внимания в деле развития церковно-школьного дела во Владимирской епархии заслуживает просветительская деятельность священника Троицкой церкви г. Вязники протоиерея Константина Александровича Веселовского.

К. А. Веселовский начал свой педагогический путь после окончания сначала Шуйского духовного училища (1854 г.), а затем Владимирской духовной семинарии (1860 г.). Должность учителя он получил в Мордовском волостном училище, где сразу «заявил себя ревностным с отличным успехом преподавателем»¹³. В 1867 г. он был переведен в Вязниковскую Троицкую церковь. Был священником этой церкви до конца своей жизни (1902 г.).

В 80—90-е гг. XIX в. его стараниями в Ярополческой слободе в Вязниках возникает своеобразный школьный городок с тремя начальными и одной учительской школами. В сентябре 1885 г. была открыта образцовая одноклассная церковно-приходская школа для мальчиков. Спустя месяц по многочисленным просьбам местных жителей начала действовать школа грамоты для девочек. В 1887/88 учебном году решением Владимирского

---

¹² Вопрос о передаче зданий ц. приходских школ // Там же. 1917. № 41—42. Часть неофициальная. С. 358.

¹³ Епархиальная хроника // Там же. 1902. № 5. Часть неофициальная. С. 197.

Совета Братства Александра Невского школа для мальчиков была преобразована в двухклассную, а школа для девочек — в одноклассную церковно-приходскую. В 1892 г. в Ярополче возник редкий в те времена тип учебного заведения — школа для глухонемых (для мальчиков и девочек). Наконец, в 1898 г. на средства Училищного Совета при Св. Синоде открылась второклассная школа.

Значим тот факт, что о. Константину первому в епархии было поручено строительство образцовой церковно-приходской школы. Благословение К. А. Веселовский получил от архиепископа Феогноста.

Немало усилий пришлось приложить протоиерею Константину (Веселовскому), чтобы в его приходе возникли школы. Устройство учебного заведения было хлопотным делом. Прежде всего, нужно было найти средства на постройку здания. Собирая финансы на строительство первой Кирилло-Мефодиевской образцовой церковно-приходской школы, о. Константин обращался к прихожанам, друзьям, купцам и фабрикантам. Им было разослано до ста писем с просьбой оказать помощь. Эти труды не пропали даром. Протоиерею Константину (Веселовскому) удалось в короткий срок собрать необходимую сумму. Значительный денежный вклад был сделан семейством Сеньковых—Дедюхиных (тещей и ее зятем)¹⁴. Впоследствии почетный потомственный гражданин Василий Никандрович Дедюхин стал попечителем школ, жертвуя огромные суммы на их строительство и содержание. После смерти Дедюхина попечительские обязанности взяла на себя его супруга¹⁵. Такой крепкий союз священника-заведующего школами и попечителя был не частым явлением, а потому весьма значимым. Думается, что это было обусловлено, прежде всего, ревностным отношением протоиерея Веселовского к церковно-школьному образованию, которое приветствовал попечитель.

К. А. Веселовский успешно руководил целым образовательным комплексом, состоявшим из разных типов церковных школ. Обучаясь в них, учащиеся получали не только знания по общеобразовательным предметам, но и практические навыки, что в то время

---

¹⁴ *Веселовский В.* Ярополчская Кирилло-Мефодиевская образцовая церковно-приходская школа в г. Вязниках // Там же. 1886. № 1. Часть неофициальная. С. 1—17.

¹⁵ ГАВО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 51. Л. 130.

особо приветствовалось родителями. В школе для глухонемых мальчики постигали азы переплетного, столярного, сапожного ремесел, девочки — основы рукоделия. В будущем это давало возможность иметь выпускникам дополнительный заработок.

Педагогический опыт К. А. Веселовского был известен за пределами епархии. Сам о. Константин охотно делился им на страницах «Владимирских епархиальных ведомостей». В 1896 г. Веселовский и учитель Журомский экспонировали школу для глухонемых на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Своим вниманием эту школу удостоили император Николай Александрович и его супруга Александра Федоровна. После их визита школа для глухонемых получила ежегодное пособие от Училищного Совета при Св. Синоде. По завершении выставки школа была отмечена дипломом IV разряда¹⁶.

Дедюхинская школа глухонемых была образцом для подражания. Опыт ее организации был использован при открытии аналогичных школ в Киевской и Костромской епархиях.

К. А. Веселовский исполнял обязанности не только заведующего Ярополческими школами. С 1888 г. он был членом Вязниковского отделения Владимирского епархиального училищного совета. Находясь на этой должности, он решал вопросы развития церковно-школьного образования в пределах уезда.

Просветительская деятельность протоиерея Константина (Веселовского) была особо отмечена епархиальным начальством. В 1885 г. он был избран пожизненным почетным членом Владимирского Братства Александра Невского. В 1896 г. получил благодарность от императора, в 1897 г. — орден Анны 3-й степени¹⁷.

К. А. Веселовский представлял собой незаурядную личность. Его талант был поистине многогранен. Он интересовался археологией, этнографией, сельским хозяйством, статистикой. К. А. Веселовский занимался изучением исторического прошлого Вязников. Был «усердным и правдивым летописцем» этого города.

---

¹⁶ Макаревский М. Церковно-школьный отдел на всероссийской выставке в Нижнем Новгороде // Церковные ведомости. 1896. № 45. Прибавления к Церковным ведомостям. С. 1660, № 47. Прибавления к Церковным ведомостям. С. 1746.

¹⁷ Епархиальная хроника // Владимирские епархиальные ведомости. 1902. № 5. Часть неофициальная. С. 200.

Областью его интересов была литература. Работы о. Константина печатались в центральных и местных изданиях того времени («Русские ведомости», «Труды Императорского Вольного экономического общества», «Голос», «Современные известия», «Владимирские губернские ведомости», «Владимирские епархиальные ведомости»).

Он являлся членом многих ученых обществ («Вольного экономического общества», Санкт-Петербургского «Императорского Археологического общества», Владимирской губернской архивной комиссии и даже французской Национальной Академии).

Но самой главной деятельностью отца Константина, которой он снискал почетную известность, была просветительская. Самоотверженный труд Веселовского в деле просвещения народа был идеалом учительского служения.

Заключение

Одним из направлений просветительской деятельности церковной интеллигенции российской провинции в последней четверти XIX — начале XX в. было устройство церковных школ. Имея общую цель — просвещение народа в духе православной веры, представители духовного ведомства действовали в этом направлении в соответствии с возложенными задачами и возможностями. Общий посыл к созданию школ во Владимирской епархии исходил от епархиального духовного начальства, руководящая роль которого, безусловно, определяла позицию и активность местного духовенства. Благодаря просветительской деятельности местного православного Братства Александра Невского во главе с архиепископом Владимирским и Суздальским Феогностом правильно организованные церковные школы в крае появились ранее издания «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г., что стало своеобразным фундаментом для дальнейшего развития церковно-школьного дела.

Количественный рост церковных школ в конце XIX — начале XX в. как в масштабах страны, так и отдельных регионов, требовало необходимости промежуточного звена во взаимодействии между епархиальными властями и школой. В результате в управленческой структуре церковно-школьной системы появились

уездные отделения епархиального училищного совета, церковно-школьная инспекция. Последняя, состоявшая из епархиального и уездных наблюдателей, была введена в целях наилучшего руководства школьным делом. В этом случае появлялась возможность видеть реальную картину школьной жизни, а значит, определять ее дальнейшее развитие. Образцом для многих являлась деятельность Владимирского епархиального наблюдателя В. Г. Добронравова, который посвятил свою жизнь церковно-школьному делу.

Вся тяжесть в деле открытия школ и их функционирования возлагалась на заведующего школой. Требовались должная энергия, опыт, настойчивость в решении вопросов строительства, материального обеспечения учебного заведения. Ярким примером успешной деятельности в этом направлении являлся комплекс Ярополческих школ, устроенный священником Троицкой церкви г. Вязники К. А. Веселовским. Его усилия, в конечном счете, не только влияли на решение вопроса развития народного образования в пределах прихода, но и меняли отношение крестьян к получению образования.

Просветительская деятельность церковной интеллигенции сыграла немаловажную роль в развитии церковно-школьной системы в России в дореволюционный период. Общий результат благого дела, безусловно, зависел от многих показателей, и в том числе, от вклада каждого, особенно тех, кто был безмерно предан своему делу.

Список источников

- Балдин К. Е.* Педагогическая интеллигенция в провинциальном городе на рубеже XIX — XX веков (на примере города Иваново-Вознесенска) // Интеллигенция и мир. 2015. № 1. С. 9—26.
- Бан Ил Квон К. П.* Победоносцев и распространение церковно-приходских школ в 1884—1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 402 с.
- Басалаев А. Е.* Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области. 1884—1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2000. 235 с.
- Веденский Е. С.* Деятельность Русской Православной Церкви в области начального образования во второй половине XIX — начале XX в.

- (по материалам Ярославской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003. 314 с.
- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903—1904 годы. СПб.: Синодальная типография, 1909. 149 с.
- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Петроград: Синодальная типография, 1916. 144 с.
- Гончаров М. А., Плохова М. Г.* Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. 2012. Серия IV: Педагогика. Психология. Вып. 2. С. 101—117.
- Гизей Ю. Ю.* Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX — начала XX в. (по материалам Томской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 267 с.
- Добронравов В.* Церковные школы Владимирской епархии с 1884 по 1904 гг. (краткий историко-статистический очерк) // Владимирские епархиальные ведомости. 1904. № 13. Неофициальная часть. С. 397—406.
- Добронравов В. Г.* Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 гг. Владимир: Владимирский епархиальный училищный совет, 1909. 153 с.
- Ефремова У. П.* Церковно-приходские школы Урала в 1884—1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 308 с.
- Житенев Т. Е.* Церковно-приходские школы в России: 1884—1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 301 с.
- Житенев Т. Е.* В. И. Шемякин и его роль в организации деятельности церковных школ в конце XIX века // История церковно-школьного образования в России (XIX — начало XX в.): материалы Междунар. науч. конф. Шуя, 21 сентября 2012 г. / отв. ред. Т. А. Красницкая. Шуя: Шуйск. гос. пед. ун-т, 2012. С. 26—34.
- Красницкая Т. А.* Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX — начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 233 с.
- Крутицкая Е. В.* Церковно-приходские школы России в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 246 с.
- Наумова Н. Н.* Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири. 1884—1917 гг. (на материалах Иркутской и Енисейской епархий): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 287 с.

- Светлова Н. Е. К. П. Победоносцев и церковно-приходские школы России в начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. 2018. Вып. 49. Серия IV: Педагогика. Психология. С. 59—68.
- Становская Т. А. Изучение православного богослужения в школах России: история и современность // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. 2020. Вып. 56. Серия IV: Педагогика. Психология. С. 74—93.
- Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы (материалы для библиографического словаря) / собр. и доп. А. В. Смирнов. Вып. 5. Владимир: Типография Губернского Правления, 1917. 187 с.
- Яценко Р. В., Воробьев Е. П. Процесс обучения в церковно-приходских школах в конце XIX — начале XX в. // Начальная школа плюс До и После. 2013. № 7. С. 73—77.

References

- Baldin, K. E. (2015), 'Pedagogical intelligentsia in provincial town on a border XIX — XX (on the example of city Ivanovo-Voznesensk)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 9—26.
- Ban Il Kvon (2000), *K. P. Pobedonostsev i rasprostranenie tserkovno-prikhodskikh shkol v 1884—1904 gg.* [K. P. Pobedonostsev and the spread of parish schools in 1884—1904], Ph. D. (History) Thesis, Rossiiskaia akademiia nauk Sankt-Peterburgskii filial. Institut Rossiiskoi istorii, St. Petersburg, Russia.
- Basalaev, A. E. (2000), *Tserkovno-prikhodskie shkoly i shkoly gramoty Zabaikal'skoi oblasti. 1884—1917 gg.* [Parish schools and schools of literacy in the Trans-Baikal region. 1884—1917], Ph. D. (History) Thesis, Zabaikal'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, Chita, Russia.
- Dobronravov, V. (1904), 'Church schools of the Vladimir diocese from 1884 to 1904 (short historical and statistical essay)', *Vladimirskie eparkhial'nye vedomosti* [Vladimir Diocesan Gazette], no. 13, *Neofitsial'naia chast'*, pp. 397—406.
- Dobronravov, V. G. (1909), *Istoricheskii ocherk tserkovnykh shkol Vladimirskoi eparkhii s 1884 po 1909 gg.* [Historical sketch of the church schools of the Vladimir diocese from 1884 to 1909], Vladimirskii eparkhial'nyi uchilishchnyi sovet, Vladimir, Russia.

- Efremova, U. P. (2013), *Tserkovno-prikhodskie shkoly Urala v 1884—1917 gg.* [Parish schools of the Urals in 1884—1917], Ph. D. (History) Thesis, Institut Istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, Ekaterinburg, Russia.
- Goncharov, M. A. and Plokhova, M. G. (2012), 'Parish schools and their place in teacher training in Russia in the late XIX — early XX century', *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State University, series IV: Pedagogy. Psychology], iss. 2, pp. 101—117.
- Gizey, Yu. Yu. (2004), *Tserkovno-prikhodskaia shkola Zapadnoi Sibiri kontsa XIX — nachala XX veka: po materialam Tomskoi eparkhii* [Parish school of Western Siberia at the end of the XIX — beginning of the XX century: Based on the materials of the Tomsk diocese], Ph. D. (History) Thesis, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, Kemerovo, Russia.
- Yashchenko, R. V. and Vorobiev, E. P. (2013), 'The learning process in parish schools in the late XIX — early XX century', *Nachal'naia shkola plus Do i Posle* [Primary School plus Before and After], no. 7, pp. 73—77.
- Krasnitskaya, T. A. (2003), *Nachal'noe dukhovnoe obrazovanie v provintsial'noi Rossii. XIX — nachalo XX veka* [Primary spiritual education in provincial Russia. XIX — early XX century], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Krutitskaya, E. V. (2004), *Tserkovno-prikhodskie shkoly Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Parish schools in Russia in the late XIX — early XX century], Ph. D. (History) Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi otkrytyi pedagogicheskii universitet imeni M. A. Sholohova, Moscow, Russia.
- Naumova, N. N. (2002), *Tserkovno-prikhodskie shkoly i shkoly gramoty Vostochnoi Sibiri. 1884—1917 gg.: na materialakh Irkutskoi i Eniseiskoi eparkhii* [Parochial schools and schools of literacy in Eastern Siberia. 1884—1917: based on materials from the Irkutsk and Yenisei dioceses], Ph. D. (History) Thesis, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, Irkutsk, Russia.
- Stanovskaya, T. A. (2020), 'Studying Orthodox Worship in Russian Schools: Past and Present', *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State University, series IV: Pedagogy. Psychology], iss. 56, pp. 74—93.

- Svetlova, N. E. (2018), 'K. P. Pobedonostsev and parochial schools of Russia at the beginning of the XX century', *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia IV: Pedagogika. Psikhologiiia* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State University, series IV: Pedagogy. Psychology], iss. 49, pp. 59—68.
- Smirnov, A. V. (ed.) (2017), *Urozhentsy i deiateli Vladimirskoi gubernii, poluchivshie izvestnost' na razlichnykh poprishchakh obshchestvennoi pol'zy (materialy dlia biobibliograficheskogo slovaria)* (1917) [Natives and leaders of the Vladimir province, who gained fame in various fields of public benefit (materials for the bibliographic dictionary)], iss. 5, Tipografiia Gubernskogo Pravleniia, Vladimir, Russia.
- Vedensky, E. S. (2003), *Deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v oblasti nachal'nogo obrazovaniia vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka (po materialam Iaroslavskoi i Kostromskoi gubernii)* [Activities of the Russian Orthodox Church in the field of primary education in the second half of the XIX — early XX century (based on materials from the Yaroslavl and Kostroma provinces)], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Iaroslavl', Russia.
- Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Sviateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia za 1903—1904 gody* (1909) [The most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1903—1904], Sinodal'naia tipografiia, St. Peterburg, Russia.
- Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Sviateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia za 1914 god* (1916) [The most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1914], Sinodal'naia tipografiia, Petrograd, Russia.
- Zhitenev, T. E. (2004), *Tserkovno-prikhodskie shkoly v Rossii: 1884—1918 gg.* [Parish schools in Russia: 1884—1918], Ph. D. (History) Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, Moscow, Russia.
- Zhitenev, T. E. (2012), 'V. I. Shemyakin and his role in organizing the activities of church schools at the end of the XIX century', *Istoriia tserkovno-shkol'nogo obrazovaniia v Rossii (XIX — nachalo XX veka): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The history of church and school education in Russia (XIX — early XX century): materials of the international scientific conference], in Krasnitskaya, T. A. (ed.), Shuia, Russia, 21 September 2021, Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Shuia, pp. 26—34.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Т. А. Красницкая — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, географии и экологии, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя, Россия.

T. A. Krasnitskaya — Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Geography and Ecology, Shuisky branch of Ivanovo State University, Shuya, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 174—181.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 174—181.

Рецензия

УДК 172:34

DOI: 10.46725/IW.2022.1.8

ЭТИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ: К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Рец. на кн.: Большаков Е. В., Назаров И. Д.

Этические аспекты правосудия

(философско-правовое исследование):

монография. Иваново: Иван. изд. дом, 2021. 172 с.

Сергей Евгеньевич Юрков

Тульский государственный университет, Тула, Россия,

serg45@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9603-1319>

Аннотация. Представленная публикация — рецензия на монографию Е. В. Большакова, И. Д. Назарова, посвященную исследованию философских и правовых аспектов феномена правосудия в истории общественной мысли. Давая должную оценку философской и правовой базе исследования и перечню используемых научных источников, в качестве важного результата работы автор рецензии отмечает уточнение этико-философского определения понятия «правосудие». Анализируя предложенную дефиницию, рецензент выражает согласие с доводом о том, что целью правосудия выступает реализация императива справедливости, являющейся основанием как правового, так и нравственного сознания. Справедливость в границах нравственного сознания переживается, осмысливается и оценивается в качестве индивидуального

© Юрков С. Е., 2022

и общественного блага. При общей позитивной оценке работы рецензентом также выделены некоторые недостатки.

Ключевые слова: Е. В. Большаков, Н. Д. Назаров, монография, правосудие, справедливость, сознание, мировоззрение, правовое сознание, нравственное сознание

Для цитирования: *Юрков С. Е. Этизация правовых норм: к проблеме эффективности современной судебной системы. Рец. на кн.: Большаков Е. В., Назаров И. Д. Этические аспекты правосудия (философско-правовое исследование): монография. Иваново: Иван. изд. дом, 2021. 172 с. // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 174—181.*

Review

**ETHIZATION OF LEGAL STANDARDS: TO THE
PROBLEM OF EFFICIENCY OF THE MODERN
JUDICIAL SYSTEM**

***Review on the book: Bolshakov E. V., Nazarov I. D.
Ethical aspects of justice
(philosophical and legal research): monograph.
Ivanovo: Ivanovo publishing house, 2021. 172 p.***

Sergey E. Yurkov

Tula State University, Tula, Russia,
serg45@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9603-1319>

Abstract. The presented publication is a review of the monograph by Bolshakov E. V., Nazarov I. D., devoted to the study of the philosophical and legal aspects of the phenomenon of justice in the history of social thought. Giving a high assessment to the philosophical and legal basis of the study and the list of scientific sources used, the author of the review notes the development of an ethical and philosophical definition of the concept of “justice” as an important result of the work. Analyzing the definition proposed by the authors of the monograph, the author of the review agrees with the argument that the goal of justice is the realization of the idea of justice, which is the main idea of both legal and moral consciousness. The implementation of this idea within the boundaries of moral consciousness is experienced, comprehended and evaluated as an individual and public good. The reviewer emphasizes that the research work carried out by the authors allows us to draw four conclusions that are significant in theoretical and practical terms.

Despite the overall positive assessment of the monograph, the author of the review notes a number of shortcomings in it.

Keywords: E. V. Bolshakov, N. D. Nazarov, monograph, justice, fairness, consciousness, worldview, legal consciousness, moral consciousness

For citation: Yurkov, S. E. (2022), 'Ethical aspects of legal norms: to the problem of effectiveness of the contemporary system of justice. Review on the book: Bolshakov, E. B and Nazarov, I. D. (2021), *Eticheskie aspekty pravosudiia (filosofsko-pravovoe issledovanie): monografiia* [Ethical aspects of justice (philosophical and legal research): monograph], Ivanovskii izdatel'skii dom, Ivanovo, 172 p.', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 174—181 (in Russ.).

Рецензируемая монография [Большаков, Назаров, 2021]¹ посвящена философско-правовому исследованию нравственных начал феномена правосудия. Данное исследование находится на стыке двух наук — юриспруденции (правоведения) и философии.

Актуальность работы определяется необходимостью создания основ этического обоснования правосудия как общественно-исторического явления. От характера соблюдения принципов морали в значительной степени зависят не только результаты экономической и политико-управленческой деятельности, но также и духовно-нравственное состояние социума в целом. Данный факт указывает на приоритетность научных исследований проблемы этических аспектов правосудия и помещает их на передний план этических, социально-философских концепций, равно как и правоведения, поскольку только комплексное философско-правовое понимание данной проблемы позволяет обеспечить стабильное развитие отечественной системы отправления правосудия и решать вопросы системы правоприменения.

Монография основывается на солидной базе дополнительного исследовательского материала, придающего работе необходимую достоверность и обоснованность. Авторы демонстрируют высокий уровень знания научной литературы и умение ею пользоваться для достижения поставленных целей.

---

¹ Далее ссылки на данную монографию приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

Философская база исследования обширна. Авторами использованы работы виднейших теоретиков отечественной и западной философской и правовой мысли: Н. Н. Алексеева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова, А. Ф. Лосева, С. А. Муромцева, К. А. Неволина, П. И. Новгородцева, В. С. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого, А. С. Хомякова, Г. Ф. Шершеневича, А. С. Яценко, Т. Гоббса, Дж. Локка, Г. Гроция, Ш. Монтескьё, Р. Декарта, Г. Гегеля, И. Канта и др.

Важными результатами исследования являются: разработка этико-философского понятия «правосудие», в связи с чем дано определение цели процесса отправления правосудия и его нравственных оснований. «Правосудие представляет собой общественно-историческое явление, в рамках которого обладающий судебной властью субъект осуществляет установление и санкционирование факта общественно значимого деяния путем толкования и применения конкретной правовой нормы. Имея в виду исторический контекст интерпретаций понятия «правосудие», авторы резонно усматривают его инвариантную составляющую в этическом императиве идеи справедливости, являющейся стержнем как правового, так и нравственного сознания. И в данном случае авторы вполне уместно обращаются к экспликации содержания последнего в аспекте его общественного и индивидуального достоинства. Акт правосудия (судебное решение) является непосредственным выражением правового убеждения судьи, имеющего индивидуальные, групповые и общественные нравственные представления о соотношении добра и зла, о справедливом и несправедливом, о гражданском и профессиональном долге, о чести и достоинстве личности. Нравственные основания правосудия представляют собой морально-этические идеи, которыми судья руководствуется в процессе отправления правосудия» (с. 7).

Необходимо подчеркнуть основательный подход авторов в части разработки теоретических и методологических основ этико-философского анализа правосудия. В параграфе 1.2. — «Роль мировоззрения в идеях морали и права» — авторы делают вывод, что мировоззрение надлежит рассматривать с нескольких позиций, дифференцируя их на три уровня. Проводя анализ понятия «мировоззрение», авторы заявляют о триединой системе мировоззрения: мировоззрению всего общества — «общая картина

мира»; мировоззрении конкретной социальной группы — «идеология»; мировоззрении конкретного человека — «сознание» (с. 39). Приведенный анализ феномена «мировоззрение» имеет существенное значение для философско-правового исследования феномена «правосудия» и нормативно-правового совершенствования отправления правосудия, а также показывает ключевую роль представителей теоретического знания в решении фундаментальных проблем общественного устройства и государственного строительства. Авторы справедливо отмечают: «Убеждения и установки в значительной степени влияют на мировоззрение индивида, формируют уникальные программы его реагирования, создают предпосылки к упорядочению его деятельности. Но никогда не нужно забывать о том, что специфика любого сознания испытывает колоссальное влияние социокультурного бытия его обладателя, определяющего ключевые материально-практические и духовно-теоретические доминанты» (с. 40). Действительно, каждый человек индивидуален и имеет право собственного видения адекватности политико-правового устройства общества и меры эффективности его социальных институтов. При этом индивид не является обособленным от принятых обществом парадигм свободы, равенства и справедливости, от определенных в конкретном обществе представлений о добре и зле.

В параграфе 1.3. — «Правовое и нравственное сознание как базис правосудия» — авторы отмечают: «Взаимное согласование моральных и правовых представлений, правил поведения и оценок осуществляется в системе общественного, социально-группового и индивидуального мировоззрений. Теоретическая ценность различных подходов к решению проблемы оптимального взаимодействия морали и права зависит от мировоззренческих установок, идеологических принципов, этнокультурных пристрастий, бытовых предубеждений и иных эмоционально-рассудочных образов, которые полагаются субъектом теоретизирования в основание той или иной морально-правовой концепции» (с. 52). В данном случае есть повод усматривать наличие у авторов необходимых навыков анализа сферы морали и права в конкретном обществе для установления координаций с системой общественного, социально-группового и индивидуального мировоззрений в масштабах триады «общая картина мира» — «идеология» — «со-

знание». Проведенная авторами исследовательская работа позволяет сделать значимые в теоретическом и практическом плане выводы, в частности, примечательно такое указание: «моральность правовой реальности состоит в том, что каждая подсистема ее — правовые отношения, правовые идеи и правовые учреждения — во-первых, включает в себя моральные компоненты, во-вторых, обосновывается моральными представлениями и этическими учениями, в-третьих, поддерживается в той или иной степени общественным мнением и, в-четвертых, элементы правового сознания как части правовой реальности взаимодействуют с аналогичными элементами морального сознания (моральные и правовые переживания, моральные и правовые представления-понятия, моральные и правовые оценки). Преодоление человеком противоречий в своем сознании и принимаемое им правило поведения, находящее общественную поддержку, и есть та максима, которая заслуживает статуса всеобщности и необходимости» (с. 52).

Отдельного внимания заслуживает исследование эволюции нравственных оснований правосудия в истории этико-философского дискурса. Авторы формулируют идею, в соответствии с которой — «эволюция нравственных представлений о правосудии в истории западных стран включает в себя четыре основных этапа, высвечиваемых в ракурсе четырех концепций: “auctoritas”, “intra ecclesiam” и “bona fama”, “ex officio”, “jus cogens”» (с. 7).

Особый интерес вызывает параграф 3.3. — «Судебное усмотрение — компромисс правового и морального сознания судьи». Авторы обосновывают позицию, состоящую в том, что «усмотрение судьи в процессе вынесения решения по делу в значительной мере зависит от признаваемых им нравственных ценностей, что, в конечном счете, выражается в состоянии компромисса правовой идеологии и нравственных ценностей правоприменителя» (с. 147). Представляется ценным вывод авторов о том, что «формирование судебного усмотрения происходит в рамках нравственно-психологической сферы конкретного индивидуума (ценностей, стереотипов, установок, воззрений, убеждений, социальных ориентаций и т. д.), что не может с рациональной точки зрения не расцениваться как «произвол». Тем не менее, на современном этапе развития общества судебное

усмотрение является эффективным инструментом преодоления правовых пробелов, а также делает возможным индивидуальное рассмотрение конкретного делопроизводства, исходя из его обстоятельств. Процессуальное право содержит правовые пределы, которые сами по себе не способны существенно повлиять на ограничения судебного усмотрения, ибо бессознательное в человеке не может быть урегулировано ни одной правовой нормой. Данный факт корреспондирует к воле каждой конкретной личности, поскольку только с помощью ее человек может установить нестабильный баланс права и морали» (с. 151).

Авторы обозначают четыре группы факторов судебного усмотрения — ценностно-рациональные, целерациональные, стереотипные и аффективные.

Несмотря на общую положительную оценку монографии Е. В. Большакова и И. Д. Назарова, необходимо отметить следующие недостатки. Авторам следовало бы более детально проработать вопрос о том, каким образом исторически оформившиеся нравственные основания правосудия продолжают оказывать воздействие (зачастую негативное) и на современные законотворческие тенденции в обществе. Авторам следовало бы более детально раскрыть характер и особенности компромисса правовой идеологии и нравственных ценностей правоприменителя в процессе судебного усмотрения. По мысли авторов, «целью правосудия выступает реализация идеи справедливости, которая является основной идеей как правового, так и нравственного сознания. Реализация данной идеи в границах нравственного сознания переживается, осмысливается и оценивается в качестве индивидуального и общественного блага» (с. 7). Без сомнения, общество заинтересовано в справедливом рассмотрении и разрешении спорных правоотношений, однако в монографии отсутствует конкретизация того, каким образом реализация идеи справедливости (в рамках процесса оправления правосудия) может оказать воздействие на благо конкретных индивидов.

Указанные замечания существенно не снижают общую положительную оценку работы, они могут быть приняты в качестве проблемных аспектов в дальнейших разработках философско-правовых проблем правосудия.

Монография Е. В. Большакова и И. Д. Назарова представляет собой вполне позитивный вклад в развитие отечественной правоведческой и этико-философской мысли. Некоторые теоретические положения авторов монографии не традиционны, они тем самым открывают простор для дальнейшего обсуждения и исследовательской работы в области философии права.

Монография имеет высокую значимость в аспекте прикладных этических исследований, например, в области юридической и судебной этики. Положения, содержащиеся в монографии, также могут быть использованы в учебном процессе при разработке и чтении учебных курсов лекций по истории этики, прикладной этике, судебной этике, философии права, теории государства и права.

Список источников

Большаков Е. В., Назаров И. Д. Этические аспекты правосудия (философско-правовое исследование): монография. Иваново: Иван. изд. дом, 2021. 172 с.

References

Bolshakov, E. V. and Nazarov, I. D. (2021), *Eticheskie aspekty pravosudiia (filosofsko-pravovoe issledovanie): monografiia* [Ethical aspects of justice (philosophical and legal research)], Ivanovskii izdatel'skii dom, Ivanovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 25.08.2021.

The article was submitted 05.08.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 25.08.2021.

Информация об авторе / Information about the author

С. Е. Юрков — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Тульский государственный университет, Тула, Россия.

S. E. Yurkov — Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Tula State University, Tula, Russia.

AB MEMORIAM

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 182—186.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 182—186.

AB MEMORIAM

УДК 001.32

DOI: 10.46725/IW.2022.1.9

ВАРЛЕН ЛЬВОВИЧ СОСКИН (1925—2021)

VARLEN LVOVICH SOSKIN (1925—2021)

3 декабря 2021 года на 97 году жизни закончил свой земной путь доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, участник Проблемного Совета РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», член редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир» Варлен Львович Соскин.

Он родился в семье инженера в Томске. Родители назвали его в честь Эжена Луи Варлена, деятеля французского рабочего движения и одного из организаторов Парижской коммуны. Сам Варлен Львович воспринимал этот факт с определенной долей иронии и по воспоминаниям его бывших студентов любил задавать вопрос о происхождении своего имени на первой лекции. Молодость В. Л. Соскина пришлась на трудные годы Великой Отечественной войны. В 1942 г. он был призван в Красную армию и стал курсантом Томского артиллерийского училища, затем отправился в действующую армию, был ранен и после госпиталя опять вернулся на фронт. Память о войне «красной нитью» прошла через всю его жизнь еще и потому, что она стоила жизни его отцу — Льву Соскину — пропавшему без вести под Вязмой в 1941 г. Боевой путь Варлена Львовича был отмечен медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», орденом Отечественной войны II степени. В послевоенные годы он получил высшее образование на историческом факультете Ленинградского университета, затем работал в учительском

институте в Кемерово, учился в аспирантуре Новосибирского пединститута. Как и многие ученые-интеллигентоведы, В. Л. Соскин вышел из системы испарта: свою преподавательскую деятельность он начал на кафедре марксизма-ленинизма Новосибирского инженерно-строительного института. В конце 1950-х гг. в Новосибирске создается новый научный центр — Сибирское отделение АН СССР (позднее — СО РАН) — который аккумулировал в себе лучшие научные кадры в самых различных дисциплинах и отраслях исследований. С этого времени научная деятельность В. Л. Соскина была связана с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (в настоящее время Институт истории СО РАН). В стенах этого учреждения Варлен Львович занимал должности старшего научного сотрудника, заведующего сектором и руководителя научно-исследовательской группы истории социально-культурного развития. Другим поприщем, где проявились научные и организаторские таланты В. Л. Соскина, стал Новосибирский государственный университет. Здесь он с 1963 г. занимал должности доцента, а затем профессора кафедры истории СССР, стал одним из организаторов исторического отделения гуманитарного факультета. В 2012 г. НГУ в ознаменование особых заслуг сделал Варлена Львовича своим почетным профессором.

Научная деятельность В. Л. Соскина изначально была связана с изучением культурного развития Сибири в годы Гражданской войны и новой экономической политики. В 1960—1970-е гг. он заявил о себе двумя монографиями, опубликованными в Новосибирске: «Очерки истории культуры Сибири в годы революции и Гражданской войны (конец 1917 — начало 1921 г.)» [Соскин, 1965] и «Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.)» [Соскин, 1971]. Всего перу ученого принадлежит более 400 публикаций.

В дальнейшем сфера научных интересов В. Л. Соскина охватила такие вопросы, как становление и эволюция культуры и интеллигенции нового, советского типа, а также формирование и развитие научно-образовательного потенциала Сибири в XX в. [см., напр.: Соскин, 2004; 2007]. Ярко проявился и педагогический талант Варлена Львовича: под его руководством было защищено 30 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Судьба отпустила ему значительный срок жизни, и до последних лет он

оставался активным исследователем, продемонстрировав завидный пример творческого долголетия.

С начала 1990-х гг. научная судьба связала его с ивановским центром изучения интеллигенции. Он неоднократно был участником ежегодных научных конференций, проводимых в Ивановском госуниверситете под руководством В. С. Меметова. В нашем городе В. Л. Соскин всегда был желанным гостем, помимо конференций принимал участие в работе Межвузовского центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в жизни общества». Затем Валерий Сергеевич привлек Варлена Львовича к сотрудничеству в рамках Проблемного совета РФ ««Интеллигенция. Культура. Власть». В 2001 г., когда логика развития ивановской школы интеллигентоведения привела к возникновению научного журнала «Интеллигенция и мир», В. С. Соскин стал членом редакционного совета этого издания, внес заметный вклад в формирование его облика в первые годы существования [Соскин, 2002]. В. С. Меметов оценивал В. С. Соскина, как «одного из ведущих специалистов России по вопросам истории советской культуры и интеллигенции, талантливого организатора науки в нашей стране» [Раскатова, 2020: 28]. В свою очередь, Варлен Львович относительно деятельности ивановского центра отмечал следующее: «...практика еще раз доказала великую роль личной инициативы. В центре России, но отнюдь не в ее столице, возникла новая научная ячейка, ставшая в последние годы наиболее активным организатором и координатором изучения интеллигенции в стране. ... Думается, в ближайшие годы нынешняя роль Центра сохранится, хотя формы его деятельности, следует полагать, будут совершенствоваться» [Соскин, 1996: 8—9].

Редколлегии научного журнала «Интеллигенция и мир», а также интеллигентоведы ивановских вузов и многих вузов РФ выражают глубокие, искренние соболезнования коллегам, родным и близким Варлена Львовича Соскина.

Долгие годы он был нашим активным автором, корреспондентом и единомышленником в деле изучения истории и деятельности российской интеллигенции. Его творческое наследие, его объективность и принципиальность, верность высоким идеалам любви к Отечеству станут основой дальнейших исследований новых поколений ученых.

Память о нашем друге и соратнике — Варлене Львовиче Соскине — навсегда останется в наших сердцах.

Список источников

- Раскатова Е. М.* «За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» (Интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым) // Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор: сборник статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново: АО «Информатика», 2020. С. 18—40.
- Соскин В. Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 — начало 1921 г.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. 281 с.
- Соскин В. Л.* Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.) / отв. ред. В. С. Флеров. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. 350 с.
- Соскин В. Л.* Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск: Институт истории СО РАН [Новосиб. гос. ун-т], 1996. 83 с.
- Соскин В. Л.* Ученые, революция, власть // Интеллигенция и мир. 2002. № 1—2. С. 3—14
- Соскин В. Л.* Российская советская культура (1917—1927 гг.): очерки социальной истории / отв. ред. И. С. Кузнецов. Новосибирск: Изд.-во СО РАН, 2004. 452 с.
- Соскин В. Л.* Советская культурная политика в Сибири (1917—1920-е годы): очерк соц. истории: монография. Новосибирск: [Новосиб. гос. ун-т], 2007. 68 с.

References

- Raskatova, E. M. (2020), “Over the years, several generations of intellectuals have developed...”, Interview of E. M. Raskatova with V. S. Memetov, in Komissarov, V. V. (ed.), *Valerii Sergeevich Memetov: uchenyi, pedagog, organizator: sbornik statei* [Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer: collection of articles], Aktsionernoe obshchestvo “Informatika”, Ivanovo, pp. 18—40, Russia.
- Soskin, V. L. (1965), *Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revoliutsii i grazhdanskoi voiny (konets 1917 — nachalo 1921 gg.)* [Essays

- on the history of Siberian culture during the revolution and civil war (late 1917 — early 1921)], Nauka, Sibirskoe otdelenie, Novosibirsk, Russia.
- Soskin, V. L. (1971), *Kul'turnaia zhizn' Sibiri v pervye gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921—1923 gg.)* [The cultural life of Siberia in the early years of the new economic policy, (1921—1923)], in Flerov, V. S. (ed.), Nauka, Sibirskoe otdelenie, Novosibirsk, Russia.
- Soskin, V. L. (1996), *Sovremennaia istoriografiia sovetskoi intelligentsii Rossii* [Modern historiography of the Soviet intelligentsia in Russia], Institut istorii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, Novosibirsk, Russia.
- Soskin, V. L. (2002), 'Scientists, revolution, power', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1—2, p. 3.
- Soskin, V. L. (2004), *Rossiiskaia sovetskaia kul'tura (1917—1927 gg.): ocherki sotsial'noi istorii* [Russian Soviet culture (1917—1927): essays on social history], in Kuznetsov, I. S. (ed.), Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk, Novosibirsk, Russia.
- Soskin, V. L. (2007), *Sovetskaia kul'turnaia politika v Sibiri (1917—1920-e gody): ocherk sotsial'noi istorii: monografiia* [Soviet cultural policy in Siberia (1917—1920s): an outline of social history: monograph], [Novosibirskii gosudarstvennyi universitet], Novosibirsk, Russia.

Редколлегия журнала «Интеллигенция и мир»

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 187—191.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 187—191.

AV MEMORIAM

УДК 001.32

DOI: 10.46725/IW.2022.1.10

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО СТИЛЯ
(Памяти Валерия Петровича Ракова
(1936—2021))

MAN OF GREAT STYLE
(In memory of Valery Petrovich Rakov
(1936—2021))

29 ноября 2021 года в г. Иваново в возрасте восьмидесяти пяти лет скончался доктор филологических наук, профессор Валерий Петрович Раков. Для всего круга авторов, издателей и читателей журнала «Интеллигенция и мир» это большая потеря, поскольку становление и развитие журнала в первое десятилетие его существования во многом было связано с творческими поисками и трудами этого выдающегося ученого. И не только потому, что с 2003 по 2009 год профессор В. П. Раков был первым заместителем (правой рукой) главного редактора издания, основателя ивановской школы интеллигентоведения Валерия Сергеевича Меметова. Труды Валерия Петровича очень содействовали превращению журнала в качественное научное издание высокого профессионального уровня. Большое значение имело тогда и воздействие его личности. В. П. Раков всегда впечатлял своих друзей, учеников, сотрудников, собеседников силой и убежденностью своего таланта, мощью интеллекта, высоким профессионализмом и вместе с тем неизменной доброжелательностью и настоящей не показной интеллигентностью. Он не просто рассуждал об интеллигенции и интеллигентности, он действительно был настоящим интеллигентом, можно сказать, человеком большого стиля, примером для молодых и начинающих исследователей. Вот, например, рецензируя книгу тогда еще молодого ученого, а ныне доктора философских наук, Дмитрия Григорьевича

Смирнова «Семиософия ноосферного универсума», профессор Раков скромно называет свой отклик «Заметки дилетанта» [Раков, 2009b]. Но, если внимательно прочитать этот не очень пространственный, уважительный и весьма содержательный текст, местами приправленный очень мягким юмором, мы увидим — насколько высококачественным и полезным оказывается представленный в рецензии анализ книги молодого ученого и не только для самого исследователя, но и для читателей, а также других специалистов по данной тематике.

Конечно, прежде всего, Валерий Петрович Раков — филолог, теоретик культуры и литературовед. И в рамках этих научных дисциплин он сделал очень много. Профессор Раков — автор высокопрофессиональных и во многом новаторских монографий: «Аполлон Григорьев — литературный критик» [Раков, 1980], «Новая “органическая” поэтика (Литературные теории В. Ф. Переверзева, В. М. Фриче и П. Н. Сакулина)» [Раков, 2002], «Филология и культура» [Раков, 2003], «Меон и стиль» [Раков, 2010], «Поэтика и культура» [Раков, 2011]. И здесь плоды его трудов оказываются очень вескими. Можно надеяться, что они повлияют на развитие отечественных гуманитарных исследований в будущем.

Но для нас еще более интересными и значимыми могут быть работы Валерия Петровича Ракова по интеллигентоведению. Они печатались в журнале «Интеллигенция и мир» [Раков, 2004; 2005; 2007], в материалах ежегодных сентябрьских конференций в ИвГУ под председательством В. С. Меметова, в коллективных трудах НИИ интеллигентоведения. Следует выделить и несколько очень ярких, увлекательных бесед Валерия Петровича с известными учеными-гуманитариями, опубликованных журналом «Интеллигенция и мир» [Раков, 2006; 2009a]. Может быть, наиболее запомнившаяся из них — разговор с недавно ушедшим от нас доктором филологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Тяпковым (1945—2021): собеседники, демонстрируя блестящую эрудицию, обсуждают труднейшие проблемы гуманитарного знания легко, увлекательно и вместе с тем веско и убедительно [Раков, 2007a].

Однако приходится признать, что многие изыскания Валерия Петровича Ракова в сфере интеллигентоведения находили

очень слабый отклик среди коллег и читателей. И вовсе не потому, что их можно было бы считать неубедительными. Напротив, эссе профессора Ракова, как правило, были столь оригинальными, настолько насыщенными и нешаблонными, что это приводило многих в недоумение. Настолько они не соответствовали обычным предпочтениям и вкусам, что очень многим было трудно оценить и усвоить такие оригинальные и новаторские соображения ученого. Валерий Петрович и сам понимал трудности усвоения его «интеллигентоведческого дискурса», стараясь прибегать к пропедевтике своих инноваций для интеллигентоведов, писать для них более простым языком. В этой связи можно назвать его текст «О терминологическом языке интеллигентоведения», представляющий собой своего рода 7 тезисов по изучению интеллигенции. Вот последний из них: «...духовно-психологический и нравственный портрет интеллигента не может быть воссоздан средствами исключительно победного и благостного стиля. Напротив, тут много драматических, а нередко и прямо трагических мотивов. Отдать себя служению Высокому и осердеченной правде — не значит ли быть готовым к трудному подвигу и жертве?.. Простыми словами об этом не расскажешь» [Раков, 2009с: 26]. Что же, можно рассматривать эти выводы и как своего рода завещание маститого ученого следующим поколениям интеллигентоведов.

Редколлегия журнала «Интеллигенция и мир» выражает глубокие соболезнования родным и близким покойного. Мы надеемся, что светлая память о Валерии Петровиче Ракове будет долгой и действенной, а его творческое наследие окажет существенное содействие новым научным исследованиям.

Список источников

- Раков В. П.* Аполлон Григорьев — литературный критик: текст лекции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1980. 54 с.
- Раков В. П.* Новая «органическая» поэтика. (Литературные теории В. Ф. Переверзева, В. М. Фриче и П. Н. Сакулина). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 350 с.
- Раков В. П.* Филология и культура: статьи. Иваново: [Изд-во МИК], 2003. 288 с.
- Раков В. П.* К. П. Победоносцев в контексте политического модерна // Интеллигенция и мир. 2004. № 1—2. С. 74—97.

- Раков В. П.* Русский монархический миф и его самоотрицание // Интеллигенция и мир. 2005. № 3—4. С. 3—27.
- Раков В. П.* О духовных истоках русской классической литературы (интервью с Ю. В. Лебедевым) // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 39—46.
- Раков В. П.* О, сколько нам открытий чудных готовит синтетизма дух (интервью В. П. Ракова с С. С. Тяпковым) // Интеллигенция и мир. 2007а. № 2. С. 7—25.
- Раков В. П.* Интеллигенция и ноосфера // Интеллигенция и мир. 2007б. № 4. С. 102—109.
- Раков В. П.* Умное делание всегда приносит плоды (интервью В. П. Ракова с В. С. Меметовым) // Интеллигенция и мир. 2009а. № 2. С. 27—39.
- Раков В. П.* Заметки дилетанта (о книге доцента Д. Смирнова) // Интеллигенция и мир. 2009б. № 2. С. 134—142.
- Раков В. П.* О терминологическом языке интеллигентоведения // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность: материалы XX Междунар. науч.-теорет. конф. посвящ. 70-летию юбилею Валерия Сергеевича Меметова, Иваново, 24—26 сентября 2009 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009с. С. 24—26.
- Раков В. П.* Меон и стиль: монография. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2010. 447 с.
- Раков В. П.* Поэтика и культура: монография. Шуя: Шуйский гос. педагогический ун-т, 2011. 447 с.

References

- Rakov, V. P. (1980), *Apollon Grigor'ev — literaturnyi kritik: tekst leksii* [Apollon Grigoriev — literary critic: text of the lecture], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Rakov, V. P. (2002), *Novaia "organicheskaia" poetika. (Literaturnye teorii V. F. Pereverzeva, V. M. Friche i P. N. Sakulina)* [New "organic" poetics. (Literary theory of V. F. Pereverzev, V. M. Fritsche and P. N. Sakulin)], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Rakov, V. P. (2003), *Filologija i kul'tura: stat'i* [Philology and culture: articles], [Publishing house MIC], Ivanovo, Russia.
- Rakov, V. P. (2004), 'K. P. Pobedonostsev in the context of political modernity', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1—2, pp. 74—97.

- Rakov, V.P. (2005), 'Russian monarchical myth and its self-denial', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3—4, pp. 3—27.
- Rakov, V.P. (2006), 'On the spiritual origins of Russian classical literature (interview with Yu. V. Lebedev)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 39—46.
- Rakov, V.P. (2007a), 'Oh, how many wonderful discoveries the spirit of synthetism prepares for us (interview of V. P. Rakov with S. S. Tyapkov)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2, pp. 7—25.
- Rakov, V. P. (2007b), 'Intelligentsia and noosphere', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4, pp. 102—109.
- Rakov, V. P. (2009a), 'Smart doing always bears fruit (interview of V. P. Rakov with V. S. Memetov)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2, pp. 27—39.
- Rakov, V. P. (2009b), 'Notes of an amateur (about the book of associate professor D. Smirnov)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2, pp. 134—142.
- Rakov, V. P. (2009c), 'On the terminological language of intellectual studies', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia: genesis, formirovanie, stanovlenie, razvitie i deiatel'nost': materialy XX Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letnemu iubileiu Valerii Sergeevicha Memetova* [Intelligentsia: genesis, formation, early stages, development and activity: Proceedings of the XX International scientific-theoretical conference dedicated to the 70th anniversary of Valery Sergeevich Memetov], Ivanovo, Russia, 24—26 september 2009, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, pp. 24—26.
- Rakov, V. P. (2010), *Meon i stil': monografiia* [Meon and style: monograph], Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Ivanovo, Shuya, Russia.
- Rakov, V. P. (2011), *Poetika i kul'tura: monografiia* [Poetics and culture: monograph], Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Shuya, Russia.

Редколлегия журнала «Интеллигенция и мир»

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историкогеографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических сносok / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « » , при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во **втором файле** материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы; в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

—издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

—место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

—название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

—курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2022. № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.03.2022 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 100 экз.
Заказ № 86. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Роль
в современном
обществе

Сущностные
черты

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР